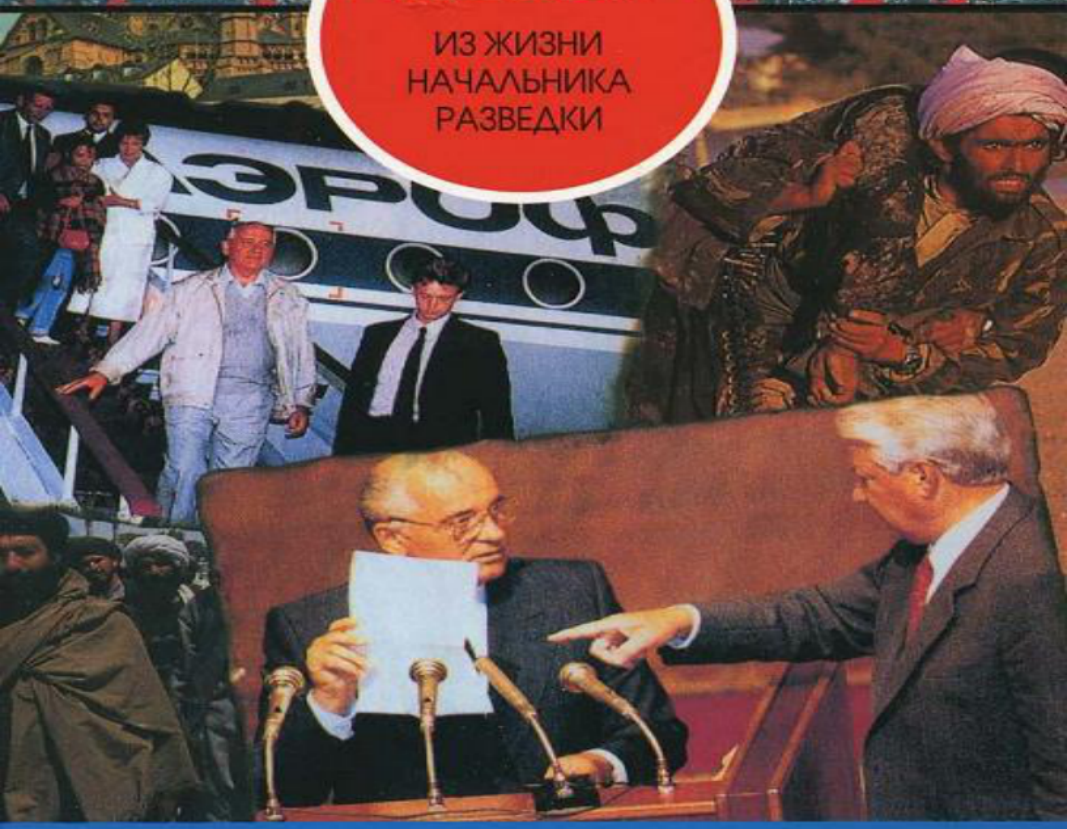
СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Л. В. Шебаршин

ИЗ ЖИЗНИ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге воспоминаний бывшего главы внешней разведки Комитета госбезопасности СССР Л В Шебаршина воссозданы события с октября 1990 г. до октября 1992 г. Июнь 91-го года памятен тем, что прошли выборы президента России, август — путчем и крушением старого КГБ, в сентябре же закончилась служба автора в Комитете госбезопасности, которая много лет была смыслом и содержанием его жизни.

- Шебаршин Л. В
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ОКТЯБРЬ ДЕВЯНОСТОГО
  - ИЮНЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО
  - АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО
  - СЕНТЯБРЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО
  - ЗА ЧЕРТОЙ. ОКТЯБРЬ ДЕВЯНОСТО ВТОРОГО
  - СОДЕРЖАНИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Шебаршин Л. В
Из жизни начальника разведки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды в октябрьском тумане я брел по московской улице.

Дело было в 1992 году, многолетняя служба в КГБ уходила все дальше в прошлое, забывались, растворялись в будничной суете, затягивались осенней сырой дымкой имена, лица, дела. Пройдет еще немного времени, и можно будет с печальной усмешкой вспоминать, что когда-то я возглавлял самую загадочную службу старого Советского Союза — внешнюю разведку Комитета госбезопасности.

В молодости, радуясь хорошей памяти и тренируя ее, я частенько пытался припомнить, что происходило в этот же день ровно год, два года назад. Если удавалось восстановить хоть какое-то, самое незначительное событие, начинал целиком вырисовываться весь день, всплывали, казалось бы, забытые напрочь детали.

Вот так, неспешно шагая по темной и неряшливой улице, я стал припоминать, где был и что делал ровно год назад, в октябре 91-го. Это был день вроде бы без событий и без лица. Нина Васильевна и я жили на служебной даче в Ясеневе, я писал воспоминания и, отрываясь от бумаги, часами ходил по лесу. Памяти было не за что уцепиться, оживало лишь чувство разочарования, беспокойства, горькой обиды, которое долго не покидало меня после отставки.

А что происходило ровно два года назад?

Придя домой, я стал копаться в своем беспорядочном архиве — ворох вырезок, выписок, записи в блокнотах, аккуратно напечатанные на плотных квадратных листках выдержки из газет и книг, самодельные брошюрки — что-то вроде интимных наблюдений, рукопись книги «Рука Москвы». Занятие поглотило меня, и перед глазами начал медленно появляться, как изображение на проявляемой фотографии, октябрьский день 1990 года — деталь за деталью, лица, слова, дела. Я вновь увидел Ясенево, здания Первого главного управления, стал сызнова переживать старые заботы и волнения.

О советской разведке написано очень много, но достоверно известно очень мало, ибо писали о ней преимущественно с одной целью — разоблачить злодейскую «руку Москвы», писали предатели и перевертыши.

Мне подумалось, что есть смысл воссоздать один день из жизни начальника разведки, пришедшийся на чрезвычайно тревожное и сложное время в истории нашего государства. Воссоздать для того, чтобы иногда самому обращаться к

запискам, вернуться в привычную атмосферу размышлений, действий и решений, чтобы вновь хотя бы на несколько минут почувствовать себя живым. Еще лучше, если найдутся читатели, которые заинтересуются внутренней жизнью столь загадочного, а для меня столь обычного учреждения, как разведка.

Октябрьский день был восстановлен и описан. Получилась некая история без начала и конца. Пришлось обратиться к другим дням, к переломным моментам в судьбе разведки и ее начальника.

Июнь 91-го года памятен тем, что прошли выборы президента России и, на мой взгляд, предрешилась участь Советского государства. Август и сентябрь того же года ознаменовались крушением старого КГБ и началом новых неурядиц для разваливающейся на части великой страны. В сентябре же закончилась моя служба, которая много лет была смыслом и содержанием всей моей жизни. Итак, несколько дней из жизни начальника разведки и один — из жизни бывшего разведчика, который никак не может привыкнуть к тому, что он «бывший».

ОКТЯБРЬ ДЕВЯНОСТОГО

«Когда в листве, сырой и ржавой.
Рябины заалеет гроздь…»

Подмосковный осенний лесок печален, но серая влажная лента дороги украшена яркими пятнами кленовых листьев и кое-где, если взглянуть внимательно по сторонам, действительно алеют рябиновые гроздья. Утренний воздух прохладен и вкусен, снега еще не было, осень подходит к концу, лес, небо, трава, человек живут предчувствием близкой зимы.

Раннее осеннее утро — лучшее время для того, чтобы спокойно и трезво взглянуть на жизнь и самого себя. Взгляд не искажен ни горестями, ни радостями, вчерашние волнения, тревоги и надежды под низким прохладным небом кажутся пустыми, и удивляешься: неужели они не давали тебе заснуть? Ведь все так просто, и в голове появляется четкий замысел действий, ускользавший вчера, когда искал решение и не находил его. Превратности бытия… Незваным гостем вдруг возникает фраза: «Жизнь кажется тяжелой только по вечерам. По утрам она невыносима». Сегодня это не так.

Впереди полчаса энергичной прогулки, полчаса наедине с самим собой, движение навстречу долгому дню.

По боковой дорожке бежит, размахивая руками, фигура в синем спортивном костюме и пестрой вязаной шапочке. Председатель КГБ Крючков занимается утренней гимнастикой. Владимир Александрович обладает железной волей, постоянством привычек и убеждений. Утренняя зарядка для него не только (и я подозреваю, не столько) физическая, но и духовная потребность. Жизнь заставляла этого человека ложиться спать на рассвете или не ложиться вообще, но ни разу не смогла заставить его отказаться от зарядки. Вчера председатель уснул не раньше часа ночи. Я знаю это определенно — в половине первого он будил меня телефонным звонком из машины по дороге на дачу Вежливо кланяюсь, Владимир Александрович машет рукой и, к моему облегчению, продолжает бег. Изредка бывает по-другому. Он приостанавливается и дает какое-то поручение, как правило, срочное, и это означает, что спокойного дня не будет.

У ворот дачного поселка стоит огромный черный «ЗИЛ», дожидающийся председателя, отполированная до немыслимого блеска черная «волга» охраны. Рядом группа подтянутых и очень вежливых молодых людей в штатском, с которыми мы дружелюбно раскланиваемся. Это сотрудники Управления

охраны. Совсем недавно оно называлось Девятым управлением, «Девяткой» и было по каким-то не вполне понятным соображениям переименовано в ходе косметической «перестройки» в КГБ. Личная охрана в нашем мире означает принадлежность к самым высоким сферам, сопричастность к Власти, персональный комфорт и крайнюю степень изолированности от общества. Когда-то, в сталинские времена, круг охраняемых был непомерно широк — партийные функционеры до секретарей обкомов, министры, крупные ученые, затем он сузился до членов и кандидатов в члены политбюро ЦК КПСС, в дальнейшем распространился на членов непонятно для какой цели созданного Горбачевым Государственного совета. «Девятка» жила, разрасталась, приспосабливалась к новым временам и честно несла службу.

Через несколько минут появится председатель, пойдет по той же осенней, усыпанной листьями дороге, что и я, а за ним потянутся на почтительном расстоянии «ЗИЛ» и «волга». Территория огорожена забором, оборудована надежной сигнализацией, и охраняемый может пройти несколько сотен метров в одиночестве, не подвергаясь риску нежелательных встреч. Возможно, его догонит быстрой пробежкой кто-то из генералов ПГУ, живущих в том же поселке, наспех горячим шепотом поделится последними новостями из разведки и получит одобрительный кивок начальства. Днем Крючков может задать какой-то неожиданный вопрос: «Что там у вас происходит с Петровым (или Сидоровым)?» Я прикинусь удивленным, поинтересуюсь, откуда у председателя сведения по столь пустому делу, он буркнет что-нибудь загадочное, я пообещаю завершить разбирательство и доложить ему подробно попозже. Ситуация ясна нам обоим — я знаю, кто успел подбежать к председателю со свежей, отдающей скандальцем новостью, и ему известно, что я это знаю. Идет невинная игра занятых людей, но в ней есть некоторый смысл: начальник разведки не должен забывать, что каждое его слово, каждое действие, каждый жест будут в доверительном порядке доведены до председателя. Шептуны мне не нравятся, хотя и обиды на них не держу. В конце концов, они несут информацию не на сторону, а нашему самому высокому начальству.

Дома остаются позади, дорога пустынна. Медленно, как бы пытаясь последний раз взглянуть на белый свет, падают на землю ржавые сырые листья. Затейливое черное кружево веток перечеркивается строгими линиями колючей проволоки. Это еще одно напоминание о близости зимы: летом проволока скрыта густой зеленью.

Шагается легко, запах влажной, тронутой тлением листвы невыразимо приятен. Сколько раз, возвращаясь в Москву из жарких, обожженных безжалостным солнцем краев, я с наслаждением вдыхал этот прохладный родной воздух.

Поворот, за поворотом бетонная серая стена, металлические ворота, караульная будка с вывеской «Научный центр исследований». Название вызывает улыбку, хотя к нему привыкли, и все, особенно сотрудники хозяйственных служб, используют сокращение НЦИ. Так окрестил для внешнего мира нашу службу Федор Константинович Мор-тин, возглавлявший разведку во время ее переезда с Лубянки в Ясенево в 1972 году.

Ворота неслышно и не торопясь распахиваются, вытягивается в струнку дежурный прапорщик. За деревьями, за молодыми, окрашенными осенним золотом и медью кленами вздымаются громады зданий Первого главного управления КГБ СССР. Отсюда тянется невидимая рука Москвы, и нет ни одного уголка земли — от Шпицбергена и Гренландии до Кейптауна, от Нуакшота до Нью-Йорка, — где можно было бы спрятаться от нее. Конечно, картина, которая на мгновение возникает в голове, гораздо проще и прозаичнее: мне представляются бесчисленные резидентуры, конспиративные квартиры, которые прямо сейчас Принимают радиоволны из Ясенева или передают сюда свои депеши. Совсем недавно сама мысль, что именно я поставлен во главе всего этого гигантского, видимого и невидимого хозяйства, что я отвечаю за каждую его клеточку, за каждого человека, связавшего свою судьбу с разведкой, — сама эта мысль повергала меня в трепет. Больше четверти века назад я добровольно завербовался в эту армию в качестве рядового воина в звании младшего лейтенанта, вооруженного двумя иностранными языками, верой в Отечество и тщеславной гордостью за принадлежность к самой секретной службе в Союзе. Немыслимо, что теперь я не только командую этой армией, но и свыкся со своим положением.

Одергиваю себя: надо думать о делах, время поразмышлять о жизни и службе когда-нибудь еще придет, лет через пять, семь, а может быть, и десять. Если буду жив, разумеется.

В здании ЛГУ тихо, спешат с ключами дежурные по отделам, расходятся степенные уборщицы, но до прибытия автобусов с сотрудниками еще около часа. В эту минуту они собираются на остановках, разбросанных по всему городу, обмениваются новостями, поглядывают на часы.

Приемная — «предбанник» кабинета начальника ЛГУ — примечательна тем, что в стенном шкафу, переоборудованном под большую клетку, живут два пестрых и горластых попугая с Кубы. Время от времени они поднимают крик, и пронзительные

звуки из приоткрытого окна приемной слышны у главного подъезда, давая повод для насмешек острым на язык сотрудникам.

Дежурный докладывает: «В ноль часов тридцать минут около метро «Беляево» милицией был задержан преподаватель Краснознаменного института Кольцов, возвращавшийся из гостей. Посылали за ним дежурного по институту. Сейчас он дома».

Дело ясное и довольно обычное.

— Сильно был пьян? Скандалил?

— Нет, даже протокол не стали составлять.

— Хорошо. Пусть в институте разберутся и мне доложат.

Соприкосновение разведчика со стражами порядка нежелательно в принципе, хотя отношения КГБ с милицией вполне корректны и даже доброжелательны. Однако то, что подвыпивший сотрудник ПГУ ночью побывал в отделении, обязательно станет известно Управлению кадров КГБ и при случае может быть упомянуто как пример падения дисциплины. Но не это важно. Мелкие и крупные инциденты происходили всегда, в разведке пили ничуть не меньше, чем в любом другом советском учреждении, хотя профессиональная закалка чаще, чем другим, помогала избегать неприятных последствий. Попался Кольцов, разберемся, если вел себя нормально, посоветуем впредь быть осторожнее. Слава Богу, он не тряс своим удостоверением сотрудника КГБ и не грозил посадить милиционеров. Такие вещи тоже бывали, ибо своя доля дураков есть и в ПГУ. Худо, что подобные случаи учащаются.

— Других происшествий не было…

Тот же дежурный приносит стакан крепкого чая и пачку газет. Прошу его вызвать к 9.15 начальника европейского отдела. Это не вполне обычно, деловые разговоры, как правило, начинаются около десяти, но дело отлагательства не терпит.

Надо послушать новости по радио. Ничего необычного: вооруженные стычки в Нагорном Карабахе, избиение палестинцев в Восточном Иерусалиме, успешно развиваются советско-американские контакты, какая-то зарубежная газета хвалит Горбачева. Вот что-то свеженькое: «…Краснопресненский райсовет Москвы объявил объектами своей исключительной собственности не только землю и недра, но даже воздушное пространство, простирающееся над его территорией». Здорово! Видимо, будут закупать в США средства ПВО! Курьезная новость не веселит. За окном — беспросветное серое небо, понурые березки, плачет тихонько родимая наша земля, под снег готовится уходить. Что же с нами происходит? Куда мы всем многомиллионным народом валимся, в какую пропасть, кто ведет

нас?

Быстро просматриваю газеты. Они стали намного интереснее, задиристее, увлекательнее и, к сожалению, безответственнее. Демократия уравняла в правах ложь и правду, ликвидировала монополию правящей партии на ложь. Теперь заливисто врут все. Объемистую пачку газет приходится отложить на послеобеденное время. Стенные часы в сумрачном кабинете чуть слышно отбивают минуту за минутой.

Без стука входит шифровальщик. Так принято, он может заходить в мой кабинет даже тогда, когда идет совещание или прием посторонних посетителей. Шифровальщик обязан немедленно докладывать срочные и важные телеграммы в любое время суток. Для этого есть секретная связь. Начальник сам себе не принадлежит, он и его заместители находятся в режиме вечного боевого дежурства. День может начаться обычно, как сегодня, а завершиться в Кабуле или Варшаве или закончиться в Москве, но не этим вечером, а через сутки. Твоя участь — в черной папке шифровальщика и в телефоне прямой связи с председателем. У этого телефона — он называется еще «домофон» или «матюгальник» — отвратительно громкий звонок, как сигнал корабельной тревоги. Таким он был при Крючкове, который провел в этом кабинете 14 лет, таким он остался и при мне. Резкий звон бьет по нервам и взбадривает перед разговором с шефом.

Телеграмм много. Часть из них — политическая информация — просмотрена помощником, примечательные пассажи подчеркнуты. Другая часть идет с пометкой «Только лично».

«Шифрованная телеграфная связь абсолютно надежна», — клянутся специалисты 8-го главного управления. Нет ни малейших оснований им не доверять, но в мире нет ничего абсолютно надежного, и береженого Бог бережет. В оперативных телеграммах не используются подлинные имена и названия, они заменены условными, кодовыми наименованиями и псевдонимами, смещены числа. Для непосвященного текст покажется абракадаброй, для меня на сей раз он звучит сладкой музыкой. Несколько месяцев назад пропал ценный агент «Ирвин». Он не вышел на тайниковую операцию, и резидентуре пришлось изымать заложенные для него деньги и инструкции. Он не вышел на обусловленную личную встречу, молчала сигнальная линия. Оставались условия «вечной» явки. Раз в месяц резидент на несколько часов растворялся в огромном городе для того, чтобы точно в назначенное время выйти на место и не спеша прогуляться пять-семь минут по пустынной улице, но… возвращался в резидентуру ни с чем. Я знаю, что это значит —

после изнурительного проверочного маршрута ходить по чужому темному городу и ждать так нужного тебе человека, сохранять беспечный вид праздного фланера и молиться про себя: «Ну появись же, появись!» И вот наконец «Ирвин» появился: был в командировке, все в порядке, материалы изучаются и будут доложены дополнительно, условия связи повторены, он их помнит, подробности — почтой. Я никогда не видел «Ирвина», не знаю его фамилии, для меня он воплощен в тех документах, ради которых и действует разведка. Не могу удержаться — нажимаю на кнопку внутренней связи и спешу порадовать начальника отдела: «Вышел «Ирвин». Все в порядке!» В трубке вздох облегчения.

Дальше — хуже: грубый вербовочный подход к нашему работнику в Голландии. Куда девались европейская деликатность, осторожность, которую всегда проявляли контрразведки в отношении наших сотрудников, тщательная подготовка условий для проведения вербовочной беседы? Совсем недавно грубость могла вызвать столь же грубые ответные меры, дипломатический скандал, политические осложнения

Политика нового мышления дала свои плоды. К Советскому Союзу относятся пренебрежительно, советский МИД больше всего на свете боится обидеть западных партнеров. Упаси Бог, как можно протестовать! ЦРУ, СИС, БНД перестают стесняться. Наших работников, дипломатов, военных разведчиков отлавливают и говорят примерно следующее: «Вы молодой и способный человек, но перспективы в Советском Союзе у вас нет. Ваша страна разваливается, жизнь государственного служащего становится все тяжелее, надежды на улучшение положения тоже нет. Вы вернетесь домой и будете вынуждены каждый день думать, где добыть кусок хлеба для своей семьи, а у вас такие милые дети».

Тональность и детали разговора могут меняться, канва же его неизменна, она разработана американцами и принята на вооружение союзниками по НАТО. Будто клич кликнут в западном разведывательном сообществе: «Русские вербуются! Не теряйте времени, вербуйте!»

Сообщения о вербовочных подходах поступают все чаще. Наш человек в Голландии вел себя грамотно и достойно, вербовщик удалился разочарованным. Конечно, активная работа для нашего разведчика на долгое время становится невозможной — его будут провоцировать, подставлять агентуру и в конечном счете скомпрометируют и выдворят. Отзывать, однако, мы его не будем. У него достаточно дел по «крыше», пусть ведет себя осмотрительно. Голландцам же будет дано понять, что подобные штуки им даром не пройдут. Да, погрозим пальцем, а сделать-то ничего не сможем. Совсем недавно мы проанализировали работу

американских и других западных спецслужб с советскими гражданами за рубежом. Картина получилась впечатляющая: за дымовой завесой разговоров о партнерстве, новом мышлении, сотрудничестве вместо соперничества, человеческих контактов ведется тотальное наглое наступление на Советский Союз. КГБ направляет доклад и предложения о контрмерах президенту Горбачеву и министру иностранных дел Шеварднадзе. Никакого решения по докладу не принимается.

Я понимаю: своей информацией мы портим идиллическую картину мира, ставим под сомнение мудрость внешнеполитического курса руководства, обнажаем те угрозы, которые оно хотело бы не замечать. Руководство все дальше отрывается от реальности, зажмуривает глаза, чтобы не ослепнуть от жестокой правды. Что-то очень неладно в наших верхах и не только с точки зрения большой политики.

Месяца два назад помощник одного из виднейших государственных деятелей КПСС и Советского Союза (назовем его Костин) побывал в Соединенных Штатах. Его исключительно хорошо приняли, обласкали и предложили… тайное сотрудничество. Американцы обнаружили полнейшую осведомленность о всех служебных делах «объекта», похвалили его либеральные взгляды и вообще вели себя так, будто были абсолютно уверены в его согласии работать с ними. Твердый отказ поверг их в смятение. Почему? Откуда у них была уверенность? В разведке такие ситуации известны — с помощником беседовали «по наводке» — иными словами, по рекомендации человека, хорошо знающего «объект» вербовки. Уж не сам ли босс навел американцев на своего помощника? Напрасно Костин отказался так решительно, надо было поиграть, и, возможно, мы увидели бы истинное лицо его начальника. Теперь добраться до правды будет трудновато.

Несколько телеграмм о текущих агентурных операциях, которые, по мнению резидентов, заслуживают внимания начальника разведки. Одна из них должна быть доложена председателю. Владимир Александрович помнит нескольких ценных источников и интересуется состоянием их работы. Память у председателя блестящая, и нередко он ставит меня в тупик своими вопросами. Не приведи Господь дать Крючкову неточную информацию — она откладывается у него навеки, и рано или поздно придется за нее краснеть. Ответ «Не знаю, выясню, доложу», как правило, его удовлетворяет, но выяснять и докладывать надо быстро и точно. Я знаю, насколько близко к сердцу принимает Крючков любые проявления необязательности, неточности, несобранности, вижу, как гнетет его атмосфера

нарастающего всеобщего развала и какие усилия он прилагает, чтобы сохранить островок порядка, дисциплины, ответственности — Комитет госбезопасности — в море хаоса в нашем государстве.

Информационные телеграммы. Их немного. Весь поток идет в Информационно-аналитическое управление, там сообщения резидентов обрабатываются и готовятся для доклада наверх.

Телеграммы прочитаны, резолюции наложены, кое-что надо будет обсудить с начальником Управления «С» и начальниками двух отделов в течение дня. Делаю пометки на длинном узком листе бумаги.

Помощник приносит папку с материалами. За несколько месяцев ее обычное содержимое заметно изменилось — нет больше директивных материалов ЦК КПСС, вместо них появились бумаги аппарата президента. Стиль тот же, оформление то же, обязательность (или необязательность) исполнения та же — канцелярская машина крутится в однажды заведенном режиме, бумажный поток течет со Старой площади на Лубянку, с Лубянки в Ясенево. Все по-старому, бывалому, да только нет прежнего напора.

Кто еще нам пишет? Академический институт предлагает разведке свои аналитические материалы на контрактной основе. Письмо циркулярное, видимо, те же услуги предложены МИД и Генеральному штабу. Науке нужны деньги, у разведки денег нет. К тому же у нее есть несколько сотен своих ученых, которые разбираются в интересующих нас проблемах не хуже, чем их коллеги в академических институтах. Дадим очень вежливый ответ. Приятное послание из штаба военно-морских сил: «Полученные от вас материалы представили большой практический интерес…» Надо поощрить работника и агента. Подобный же отзыв из министерства электронной промышленности. Если бы наше политическое руководство повнимательнее вчитывалось в информацию разведки! Ехидный внутренний голос шепчет: «Ты думаешь, чудак, что дело в информации? Готов подвергать сомнению все, кроме мудрости живого руководства?» Спорить самому с собой некогда.

Электронные часы в приемной — подарок вьетнамских коллег — каждый час громко играют какую-то бодрую короткую мелодию. Вот и сейчас она издалека доносится до слуха. Дверь распахивается, появляются ответственные дежурные, назначаемые на сутки из начальников и заместителей начальников отделов. Сдающий докладывает о ночном происшествии с Кольцовым. «Дежурство сдал генерал-майор…», «Дежурство принял полковник…». Сотрудники ПГУ не носят военной формы, никогда не обращаются друг к другу по званию, но в нашем обиходе

действуют многие положения воинских уставов. Разведчик не должен забывать, что он военнослужащий.

Уходят дежурные, и дочитывается последний документ из почты. Девушка из буфета (конечно, спецбуфета — в этом отношении мы похожи на всех других: есть начальство, должен быть спецбуфет) приносит стакан чая с ломтиком лимона, улыбается, спрашивает, не слишком ли крепко чай заварен. «В самый раз, спасибо». Умница девушка, красивая, складная — глаза радуются.

Появляется Иван Васильевич Мартов — начальник европейского отдела. Вчера мы расстались поздно, так ни о чем и не договорившись. Контур решения мелькнул сегодня утром на свежую голову, и его надо еще и еще раз обсудить, ибо ситуация складывается острая[1].

— Иван Васильевич, давайте повторим все с самого начала.

— Хорошо. Вчера в 15.30 поступила внеочередная телеграмма из Парижа. Резидент передал перевод сообщения, полученного накануне через тайник от старого и надежного источника «Дантона». С источником работает лично 'резидент…

— Кто обрабатывает донесения? В каком виде они закладываются в тайник — зашифрованные, тайнопись, в пленке?

— В пленке. Он передает в пленке документы и иногда снимает на последние два-три кадра напечатанные им самим на машинке сообщения. Скоро перейдем на компьютерные дискеты.

— Кто-нибудь в резидентуре мог видеть это сообщение?

— Думаю, что нет. Резидент знает цену источнику, он сам наблюдает за проявлением пленки и лично обрабатывает материал.

— Итак, суть сообщения «Дантона»…

— Французская контрразведка намерена вербовать нашего резидента в Женеве. Ему будут предложены крупные деньги и два варианта: тайно сотрудничать с французами или на время исчезнуть, а затем объявиться во Франции. У «Дантона» сложилось впечатление, что речь идет нс только о деньгах, для нажима будет использован какой-то компромат. Фамилию нашего человека «Дантон» не знает, но ясно — это Белов. Он долго работал во Франции, у него на связи до сих пор отличный француз. Что-то они на него могли поднабрать…

— Поднабрать или придумать…

— Могли и придумать. Белов работник опытный и абсолютно честный. Вы же его знаете…

— Да, мне он симпатичен. Но ведь мы и Гордиевского одно время считали честным человеком, а сукин сын Кузичкин у меня в резидентуре был. Противно, но приходится их вспоминать…

Половину дня вчера и полночи Мартов, начальник управления кадров и начальник внешней контрразведки, посвященные в дело, говорили с людьми, которые работали с Беловым на протяжении всей его службы, поднимали архивные материалы, просмотрели каждый документ, где упоминалось имя Белова. Даже с точки зрения профессионально подозрительных контрразведчиков, Белов чист. Ну как же мы так долго не могли раскусить Гордиевского? Где были эти контрразведчики?

— А не могут проверять «Дантона»? Откуда у него данные? От приятеля-контрразведчика? С чего это он поделился с «Дантоном»? (Обо всем этом мы уже говорили вчера. Повторим еще раз — глядишь, вскроется какая-то забытая деталь или натолкнемся на новую мысль.)

Неторопливый Мартов закуривает очередную сигарету, я тяну руку к заметно опустевшей с утра пачке, и мы оба вздрагиваем от оглушительно громкого, требовательного телефонного звонка. О, черт! Это председатель. Прямую связь с ним нельзя переключить на дежурных, как другие телефоны, будь то «кремлевки» или «ОС», или городские номера. Иван Васильевич, не спрашивая разрешения, встает и выходит. Таков разумный порядок, председатель может говорить с начальником разведки о вещах, которые не должен знать никто третий.

— Владимир Александрович, доброе утро! Слушаю.

— Добрый день![2] Подготовьте материал о состоянии наших переговоров с американцами по наступательному оружию, на чем расходятся военные и МИД и соображения о позиции КГБ.

— Официальную записку или справку для вас?

— Справку! (Крючков говорит быстро, ибо дорожит каждой секундой утреннего времени. К тому же плохо слышно. На его столе стоит микрофон, и если председатель встает с кресла, а делает он это часто, или отворачивается в сторону, звук уходит, приходится переспрашивать, теряя драгоценное время.) Второе — нужен материал о нашей помощи Афганистану, что уже дали в этом году и что потребуется на следующий. Кстати, как там дела у Наджибуллы?

— В Кабуле без перемен. Подробнее, с вашего разрешения, доложу попозже, переговорю с Ревиным (это представитель КГБ в Афганистане). Когда нужны материалы?

— По переговорам — сегодня во второй половине дня, афганские — завтра к утру. Надо поработать с депутатами, я буду кое с кем встречаться. Пока все!

Начальник Информационного управления «РИ» Хренов дожидается в приемной с утренним докладом. Прошу его заглянуть, передаю указания Крючкова, быстро уточняем сроки

исполнения.

Хренов вернется через несколько минут, а нам с Мартовым надо завершать обсуждение.

— Ну так что? Не могут они проверять агента? Мы сейчас испугаемся, вызовем Белова срочно в Москву, и если, не приведи Бог, «Дантона» действительно проверяют, то он горит. Можно, конечно, предупредить Белова телеграммой. Но вдруг его подработали или есть у него за душой какие-то грехи, нам неизвестные. Мы его предупредим, а он испугается и слиняет. Время-то сейчас дурацкое, сколько раз мы уже обжигались… А здесь речь идет о резиденте.

— Обстановка вокруг «Дантона» нормальная. «Его приятель, от которого получены сведения, — любитель выпить и хвастун. Вы же знаете, от него шли интересные вещи и «дезы» никогда не замечали. Сам «Дантон» ничего необычного не отметил — его друга распирает чувство собственной значимости. Но, в общем-то, кто его знает… «Дантоном» рисковать нельзя. И Белова дергать не стоит.

Ну что ж, кажется, посетившая меня утром мысль правильна. Выдергивать Белова в Москву не следует, хотя такое решение поддерживает Управление внешней контрразведки. Предупредим его все же об опасности телеграммой, а Мартову придется самому вылететь к Белову ближайшим рейсом, подробно обсудить с ним ситуацию на месте и отработать линию поведения на случай попытки вербовки. Основная установка — категорический отказ от любого предложения, но сразу беседу не прерывать, пощупать самого вербовщика и сделать ему встречное предложение работать на советскую разведку. За очень большие деньги, разумеется. Такие случаи бывали: шел человек вербовать, а уходил завербованным… Вдруг повезет?

У Мартова возражений нет.

— Пишите рапорт о командировке на мое имя и быстро собирайтесь. Поездку надо как следует легендировать, посоветуйтесь с каэровцами.

— Есть!

Мартов — работник толковый и опытный, сам вербовал и его пытались вербовать. В Белова я верю, вернее, мне очень хочется верить, что он ни при каких обстоятельствах не подведет. Но… почему же собираются пощупать именно его, где он дал повод для подхода? В лоб вербуют интеллигентных необстрелянных мальчишек. Или решили, что пора браться за резидентов? Посмотрим… Несколько дней придется ждать вестей от Мартова, переживать, вновь и вновь прокручивать в голове и вчерашний, и сегодняшний разговоры. На всякий случай надо доложить

Крючкову. Не дай Бог, какой-нибудь прокол, соломки постелить. Я не сомневаюсь, что Крючков наши действия одобрит и, может быть, даже подскажет что-то такое, о чем мы сами не догадались.

Хренов успел дать задания своим информаторам. (На внутреннем жаргоне это означает сотрудникам Информационно-аналитического управления. Само управление для краткости именуется «Инфо».) Он истомился в приемной, попугаи надоели ему своими воплями, и входит Хренов в кабинет с явным облегчением. В руках у него одна толстенькая папка и две потоньше. В той, что потоньше, телеграммы. От частого употребления она треснула по сгибу, и трещина заметно расширяется.

— Пора бы, Владимир Михайлович, папочку-то поменять.

— Да, — сокрушается главный информатор, — все как-то забываю.

— Ладно. С виду неказиста, а посмотрим, что у нее внутри. Начнем, пожалуй!

Обычная утренняя порция. Пять — семь телеграмм, отобранных информаторами из нескольких десятков сообщений, поступивших за ночь из резидентур. В каждой из них есть (по крайней мере должно быть) что-то новое, сохраняемое нашими международными партнерами в тайне. Секретность, важность, актуальность. Если нет хотя бы одного из этих компонентов, телеграмма откладывается, используется для подготовки аналитических записок, но «самостоятельно не реализуется». КПД усилий разведки невысок, доля «информационного шума» велика. Реализация информации — предмет хронического, многолетнего противоборства Управления «РИ» и оперативных подразделений. Информаторы пропускают наверх только то, что действительно ценно, отделы пытаются протолкнуть все, что можно. На Хренова и его команду жалуются на совещаниях, в беседах с начальником ПГУ, иногда в порыве праведного возмущения даже по телефону. Владимир Михайлович переживает, но стоит твердо, не упуская, правда, случая посетовать на людскую несправедливость. Четыре года назад я был заместителем Хренова и глубоко и искренне привязался к этому умному, честному и упрямому человеку. Начальник информаторов терпеть не может лицемерия, пустословия и пустомыслия, которыми так грешат многие деятели перестроечного времени. Он убежден, что во всех делах человеческих должна царить правда…

Телеграммы… Из Пекина — взгляд на положение в советском руководстве. Взгляд объективный, строгий. Едва ли начальство порадуется, оно-то хотело бы, чтобы его любили все — от финских хладных скал до пламенной Колхиды и, уж конечно, за

рубежом. Китайцев модными общечеловеческими ценностями не заморочишь, они реалисты. Из Вашингтона — оценка Пентагоном состояния подводного атомного флота Вооруженных Сил СССР. Аддис-Абеба: надежный источник из высшего эшелона власти предупреждает, что Менгисту ведет режим к краху, положение в стране полностью выходит из-под контроля. Соратники Менгисту готовы совершить государственный переворот, и если советская сторона даст понять, что поддержит их, то это ускорит развитие событий. Это еще один сигнал бедствия. Дела эфиопского правительства из рук вон плохи: армия развалилась и не воюет, эритрейские, тиграйские националисты наступают, Менгисту в растерянности. Недавно по его приказу было казнено несколько высших армейских офицеров. Он не остановится и перед новым кровопролитием. Нет, нам влезать в эфиопские дела не стоит.

— Владимир Михалыч, давай к эфиопской телеграмме дадим примечание ПГУ: полагали бы целесообразным от ответа на обращение воздержаться. Как ты думаешь?

— Согласен, там дело бесперспективное…

Тегеран. Иранское правительство рассчитывает закупить в Советском Союзе крупные партии военной техники — средства ПВО, танки, артиллерию. Объемы внушительные, и предполагаемые условия, кажется, выгодные. Стране позарез нужна твердая валюта. Разумеется, очень недовольны будут американцы, и не только потому, что Иран сидит у них бельмом на глазу. Иран был традиционным рынком сбыта американского оружия, и надежду вернуть его США не потеряли. Советский Союз — мощный конкурент.

Берлин. Идет расправа над бывшими сотрудниками министерства госбезопасности, нашими коллегами-разведчиками. Они рассчитывают на моральную поддержку советского руководства. Это очень больной вопрос. Год назад министр иностранных дел Шеварднадзе говорил Верховному Совету о неразумности тех, кто советовал повернуться спиной к старым друзьям. «Новое мышление, — говорил министр, — прежде всего подразумевает такие вечные ценности, как честность, верность, порядочность».

За год много воды утекло, в Кремле о старых друзьях стараются не вспоминать. Что ж, напомним…

Телеграммы через несколько минут будут на столе председателя и уже за его подписью пойдут адресатам — Горбачеву, Рыжкову, Шеварднадзе, Язову. Все доклады наверх подписываются только председателем. Это правило соблюдается неукоснительно. Крючков — а до него Чебриков, Федорчук, Андропов — лично регулирует поток всей комитетской

информации. Могут быть, разумеется, неофициальные каналы к высшей власти: к Андропову, например, были приставлены первыми заместителями С. К. Цвигун и Г. К. Цинев, которые о каждом шаге председателя, о всех комитетских и иных делах докладывали Брежневу.

Интересно, есть ли у кого-то из заместителей Крючкова негласные отношения с Горбачевым? Едва ли. Не такой человек Владимир Александрович, чтобы допустить соглядатаев в свое окружение. Впрочем, кто знает? Судя по многим признакам, Горбачев и Крючков полностью доверяют друг другу, председатель КГБ относится к президенту СССР и генеральному секретарю ЦК КПСС с должным уважением, но в высших сферах свои законы — друг за другом там присматривают весьма внимательно.

Перед Хреновым еще две объемистые папки: в одной — аналитические записки, в другой — переводы документальных материалов.

— Срочные есть?

— Нет, до конца дня потерпят.

Кладу бумаги на стопку документов, ожидающих свободного часа. Там уже лежат проект концепции активных мероприятий разведки, заметки к совещанию, назначенному на вторую половину дня, что-то еще, не очень срочное. Поток бумаг захлестывает и председателя, и начальника разведки, всю разведку, весь необъятный государственный механизм. Документы диктуют свою волю людям, мы никак не вырвемся из вязкой бумажной трясины. Попытки перевести наше сложное хозяйство на компьютерные технологии каким-то парадоксальным образом только увеличивают бумажную лавину.

Напоминаю Владимиру Михайловичу о заданиях председателя и расстаюсь с ним до вечера. Выглядит Хренов плохо, он тяжело болен.

«Ты знаешь, — как бы между прочим сказал он мне вчера, — у меня опять образовалась опухоль. Надо ложиться в тот же госпиталь, будут резать». Голос ровный, глаза спокойные… Мое сердце сжимается от ужасного предчувствия. Что можно сказать человеку, которого уже коснулась смерть. Обещать любые лекарства? Это было несколько лет назад, его спасли. Он знает, что не в лекарствах дело. Он всегда мужественно и твердо смотрел в лицо жизни и знает, что от судьбы не уйдешь. Мой голос спокоен: «Знаешь, старик, все будет нормально. Ты только не тяни. Чем скорее ляжешь, тем больше шансов. Пару недель мы без тебя как-нибудь перебьемся».

Хорошо было с тобой работать, хорошо о жизни поговорить,

поделиться тяжкими сомнениями и горькой правдой, проверить себя твоей меркой праведника и мудреца… И выпили мы с тобой вместе не так уж мало, никогда не теряя головы.

Уходит Хренов. Появляется дежурный со списком тех, кто звонил с утра. Прошу срочно соединить меня по аппарату ВЧ с Ревиным в Кабуле, переключаю все телефоны на себя и начинаю звонить тем, кому я был нужен. Второе главное управление: можно ли прислать человека с проектом доклада председателю? Нужна виза начальника ПГУ. Дело мне знакомое: иностранный дипломат согласился сотрудничать с КГБ, он возвращается в свою страну и будет принят там на связь нашей резидентурой. Доклад председателю должен подвести итог первому этапу работы. Если говорить проще, Второй главк хочет похвастать перед начальством и нет резона ему мешать. Сегодня мы их по мелочи поддержим, завтра они нас.

Звонок в Генштаб, там тоже готовят материал по Афганистану, и мы договариваемся с коллегой из Главного оперативного управления об общей линии.

Центр общественных связей КГБ: с начальником ПГУ желала бы встретиться группа молодых политических деятелей — «Форум-90». «Деваться некуда. Выбирайте день на следующей неделе, время послеобеденное».

И так далее. Только положишь трубку, кто-то звонит, вспыхивают кнопки на пульте внутренней связи — это или краткие сообщения начальников подразделений по текущим делам, или просьбы принять с докладом. Я отвечаю на все звонки — по-видимому, сказывается мое плебейское происхождение. Настоящие, прирожденные руководители, выходцы из партийного аппарата, никогда не отвечают на звонок сами. Им об этом докладывают секретари и помощники. Кстати, эта манера, сохранившаяся у деятелей ЦК даже в период надвигающейся катастрофы, вызывает ярость у Крючкова: «Я звоню такому-то по первой «кремлевке». Секретарша берет трубку, спрашивает, кто звонит, я говорю: «Крючков», а она еще уточняет: «Откуда вы, товарищ Крючков?» Владимир Александрович в пустяковом симптоме улавливает тяжкую болезнь партийного (а оно все еще и государственное) руководства — боязнь общения с людьми, страх перед соприкосновением с жизнью.

На проводе Кабул, слышимость прекрасная, линия надежно защищена и позволяет вести секретные переговоры.

Ревин кратко докладывает обстановку. Ночью Кабул был обстрелян пятью реактивными снарядами, есть жертвы. В Логаре продолжаются ожесточенные бои между отрядами Хекматияра и бандами Исламского общества. Обстановка вокруг Хоста

ухудшается. Дорога на север открыта, колонны грузовиков проходят из Хайратона в Кабул. В общем, существенных изменений нет.

— Как чувствует себя Доктор (так в своем кругу мы называем президента Наджибуллу)?

— Доктор сердит на нас. Он хочет, чтобы Москва депортировала Гулябзоя, Карваля и других заговорщиков, ему непонятно, почему мы этого не делаем.

Весной в Кабуле министр обороны Танай пытался совершить государственный переворот. В ходе ожесточенных непродолжительных боев заговорщики были сокрушены, Танай бежал из Кабула. Бывший министр внутренних дел Гулябзой к тому времени уже находился в Москве в качестве посла Афганистана. В Москве же проездом и, видимо, не случайно находился один из лидеров халькистского крыла партии «Ватан» Карваль. Опираясь на материалы следствия, свидетельствующие о прямом участии Гулябзоя и Карваля в заговоре, Наджибулла настойчиво требовал их выдачи. Советских войск в Афганистане нет; президент сумел сдержать натиск оппозиции, сорвать попытку переворота, сосредоточить в своих руках власть. Он волен в своих решениях — Гулябзою и Карвалю грозит смертная казнь. Возможно, еще два-три года назад к этим гостям Москвы пришли бы незнакомые им, молчаливые люди, усадили в автомашины с затененными стеклами и в ночное время отвезли на аэродром в Чкаловском, где стоял бы с прогретыми двигателями самолет на Кабул. Могли бы в наших душах шевелиться всякого рода сомнения: живые люди, да и Гулябзой для нас не один из безликого множества — в 1979 году советская разведка спасла его от неминуемой расправы. Смертный приговор тогда вынес ему Хафизулла Амин, и мы его прятали в Кабуле от преследователей. Все это мы могли бы вспомнить, но тем не менее повезли бы Гулябзоя на суд и расправу и каялись бы потом, поминали бы нашего друга-пуштуна. Время изменилось!

Прошу Ревина убедить Доктора, что его требование нерезонно и невыполнимо. Кажется, в Кабуле трудно понять, что происходит в Москве. Доктор весьма умен, но и он не может осознать, что его друзья в Советском Союзе стремительно утрачивают позиции. Американцы требуют его головы — советское руководство не сможет им отказать. Поупрямится для приличия и сдастся.

Сообщаю, что скоро в комитетах Верховного Совета будет рассматриваться вопрос о помощи Афганистану на 1991 год. Демократы попытаются сбивать Верховный Совет с толку. С одной стороны — они, с другой — американцы. Наши предложения об

оказании помощи должны быть хорошо обоснованы.

Какие-то умники из аппарата ЦК придумали в свое время скользкий термин «интернациональный долг»: Советская Армия выполняла в Афганистане «интернациональный долг». Если Наджибулла падет, пламя войны перекинется на советскую Среднюю Азию. Речь идет не об абстракциях, а о государственных интересах страны.

Сможет ли Ревин дать понять Наджибулле, что ему не следует рассчитывать на помощь и поддержку с Севера, даже если они будут обещаны?

Ревин обещает прислать свои предложения, обсудив их с послом Б. Н. Пастуховым.

Тут же докладываю о разговоре с Кабулом Крючкову. Говорю, что сейчас надо дать Наджибулле как можно больше военной техники, боеприпасов, помочь ему создать запасы для продолжения войны, ибо скоро советская сторона бросит своего союзника, а американцы, пакистанцы, сау-диты не откажутся от своих целей в Афганистане, и поток оружия оппозиции не иссякнет.

— Запасы создавать надо, вы правы. А насчет поддержки мы еще посмотрим… Да-а-а, и Гулябзоя с Карвалем, конечно, отдавать нельзя.

Мне прекрасно известно, что Крючкова одолевают сомнения, сможем ли мы поддержать Наджибуллу, и что он сделает все возможное, чтобы наша помощь не прекращалась. У разведки на этот счет иллюзий нет.

— Кстати, — говорит Владимир Александрович, — я еще раз прошу вас внимательно посмотреть дело «Рината». Вы его помните? Калугин тогда предал ценного агента. Как мы не оценили своевременно? Проанализируйте, это не было ошибкой Калугина.

— Хорошо, будет сделано.

Ничего не может быть сделано. Я уже неоднократно читал довольно неряшливую кипу материалов. Там много пробелов, которые в 1977 году восполнялись телефонными переговорами между Москвой и Прагой. Никто не догадался (или не захотел?) зафиксировать эти переговоры на бумаге. Калугин консультировал чехословаков в довольно запутанной оперативной ситуации, по его совету они выдворили в США агента, который показался Калугину двойником, и агент угодил за решетку. Доказать, что Калугин совершил это с умыслом, а не по легкомыслию, мне кажется невозможным. Я уже говорил об этом председателю. Тем не менее он вновь и вновь вспоминает об этом деле.

Калугин мне глубоко несимпатичен. Поссорившись с властью, которая не оценила его «выдающихся» качеств и отправила в отставку, он наносит удары по разведке, рассказывает всяческие небылицы, не щадит товарищей. И с властью он поссорился только тогда, когда она ослабла. Но… из дела «Рината» ничего не вытянешь, и на Калугина можно повесить самое большее — некомпетентность.

Разговор с председателем окончен, в приемной погас красный огонек, и с докладом заходит начальник Управления «С» Юрий Иванович Дроздов. Управление «С» организует и ведет нелегальную разведку в отличие от других подразделений, которые работают с легальных позиций. У новичков в госбезопасности столь странное на первый взгляд деление на легальное и нелегальное вызывает недоумение: разве не вся разведка за рубежом действует нелегально, в нарушение иностранных законов? О какой же легальности может идти речь? Названия, как и многое в нашей службе, условны и сложились исторически. Легальная резидентура действует под прикрытием советских учреждений, официально присутствующих в иностранном государстве. Это может быть посольство, торгпредство, представительство при международной организации, корпункт, отделение советского академического института или внешнеторгового объединения. У сотрудника разведки ГРУ или КГБ, работающего в одном из этих учреждений, советский паспорт, и, как каждый советский человек, он находится на подозрении у местной контрразведки.

Иное дело — нелегал. У него безупречные иностранные документы, причем не поддельные, а полученные законным путем, реальная, поддающаяся проверке биография, солидная профессия — он может быть врачом, инженером, бизнесменом, художником. У этого человека две параллельные жизни: лет десять — пятнадцать назад в одной жизни Федоров, скажем, заканчивал институт иностранных языков в Москве, а в другой — некто Рэнсом работал клерком в отделении канадской фирмы в Сингапуре. Где-то в то время фирма лопнула, и молодой Рэнсом отправился на поиски счастья в Иран, где и скончался от какой-то азиатской болезни, а Федоров, который в дальнейшем станет Рэнсомом, осваивает азы разведывательной науки под крылом Управления «С». Канадец Рэнсом холост. Его друзья с военно-морской базы США частенько по этому поводу подтрунивают, да и сам он не прочь над собой пошутить — не везет-де с женщинами. Рэнсом-Федоров — нежный муж и любящий отец, в подмосковном городке его ждет семья. Раз в год он покидает своих американских друзей и уезжает в командировку по делам

фирмы, несколько раз меняет по дороге документы и, наконец, ненадолго оказывается со своими близкими. И, разумеется, с коллегами из Управления «С» — отчет, инструкции, новые средства связи. Возможно, на обратном пути Федоров-Рэнсом сделает короткую остановку в курортном европейском городке, проедет на арендованной машине по живописным окрестностям и изымет из тайника под опорой моста или в расщелине между камнями то, что нужно ему для работы, — портативный радиопередатчик, неотличимый от обычного приемника, блокнот для тайнописи, пачку наличных денег… Через пару дней Рэнсом угощает старых американских друзей с базы и рассказывает о своем путешествии. Он абсолютно вне подозрений.

Вот такими делами занимается Управление «С», которое много лет возглавляет Юрий Иванович Дроздов.

Пока Юрий Иванович раскладывает для доклада свои бумаги, нам приносит по чашке кофе та же милая девушка, а я закуриваю очередную сигарету. Дроздов не курит, к моей слабости относится снисходительно. Начальник нелегалов всегда улыбается, часто смеется отрывистым смехом. К теме разговора улыбки и смех ни малейшего отношения не имеют. Это просто хорошая профессиональная привычка — улыбчивое лицо растормаживает собеседника, снимает у него внутреннюю напряженность. Мне кажется, что очень немногое способно действительно развеселить Юрия Ивановича. Это один из столпов разведки — он воевал в Великую Отечественную, пришел в госбезопасность сразу после войны, побывал на нелегальной работе в Германии, был резидентом в важнейших для нас точках, участвовал в афганской эпопее (пусть официально это называется «афганской авантюрой», но для солдат Афганистан был эпопеей).

Порядок деловых бесед с Дроздовым сложился давно и устраивает нас обоих: сначала документы попроще, затем посложнее, сначала то, что требует моей визы или резолюции, затем то, что должно быть доложено Крючкову. После бумаг проговор текущих дел и, если позволяет время, неофициальное обсуждение обстановки в разведке и вокруг нее.

Несколько рапортов о выводе нелегалов на обкатку за рубеж — характеристики, заключения о готовности, задания. Едут славяне, татары, прибалты пока с единственной целью — ощутить себя иностранцами, проверить легенды, убедиться в своих силах. Славные молодые лица на фотографиях, и в глазах у каждого (или мне это только кажется?) какой-то нездешний блеск. Возможно, так оно и есть, ибо они знают, на какое нелегкое дело идут.

Отчеты о проведенных операциях, списки полученных

документов.

— Это давайте доложим председателю. Пусть он порадуется.

— Обязательно, он этого человека знает!

Юрий Иванович доволен. Разведчики любят показать товар лицом и скромны лишь в отношениях с внешним миром. Вообще мне кажется, что Юрий Иванович склонен преувеличивать достоинства своего подразделения и не очень критично относится к его недостаткам.

Иногда возникают конфликтные ситуации между Управлением «С» и другими подразделениями разведки. В докладах Дроздова его сотрудники выглядят рыцарями без страха и упрека, которых обижают сомнительные личности, неведомо как пробравшиеся в разведку. В Управлении «С» Юрия Ивановича любят, знают, что он и профессионал высочайшего класса, и в обиду своих не даст. Мне же приходится вступать с ним в тактичное, но упорное противоборство, дабы восстановить справедливость. Я в нелегальной разведке не работал, однако с ее деятельностью познакомился задолго до того, как оказался начальником ПГУ, и не все здесь было к взаимному удовольствию.

Неприятные моменты в разговорах с Дроздовым мы не упоминаем, но о них помним. В 1982 году, например, когда обнаружилось предательство сотрудника резидентуры в Тегеране Кузичкина, Москва, то есть возглавляемое моим собеседником Управление «С», приказала по радио нелегалу «Рагиму» немедленно исчезнуть из Тегерана и возвратиться в Союз. Из-за ночного времени (в Москве и в Тегеране была глубокая ночь) и недостаточной внимательности только-только назначенного начальника отдела «Рагиму» дали указание бежать не в Азербайджан, то есть домой, через «зеленую границу», а в чужой, разодранный войной Афганистан. К счастью, такая «пустяковая» ошибка обошлась недорого. Дня три «Рагим» пробивался к афганской границе, чудом избежал ограбления и, скорее всего, смерти, вернулся в Тегеран и… махнул темной порой через забор советского посольства, где протомился в тоске и безделье больше месяца, ожидая, пока ему изготовят новые документы.

Так что Управление «С» небезупречно.

Сегодня неприятных проблем нет — документы получены отличные, супружеская пара нелегалов докладывает о получении «железных» легализационных документов. Все в порядке, жизнь идет своим чередом.

Еще нет и полудня, а за окном темнеет, капли барабанят по подоконнику, по стеклам, то ли дождик, то ли снег, холодный ветер задувает в приоткрытое окно. Надо включать свет над

столом…

— Что для Крючкова?

Рапорт о повышении пенсии престарелой вдове нелегала, сейчас она получает ничтожно мало, и на эти деньги прожить невозможно. Пара рапортов о выводе нелегалов на постоянное оседание, о зачислении нелегалов на действительную воинскую службу — все это прерогатива председателя.

Отчет об учениях подразделения спецназначения. Оно предназначено для действий в особых условиях за рубежом, а недавно потренировалось на особо охраняемых советских объектах, куда, казалось бы, и муха не пролетит. Отчет вызывает сложные чувства. Наши ребята просто молодцы: случись это в реальных условиях, объект или любая его часть были бы уничтожены. С шумом или без шума — это по выбору. Но что же это за охрана и система безопасности? Ведь Чернобыль-то еще у всех в памяти. Представляю, как рассердится Крючков и какой «втык» ожидает начальника областного управления, где расположены объекты. Неприятно навлекать гнев начальства на приличного человека, однако дружба дружбой, а служба службой.

Дроздов просит поощрить участников учений. Я — «за» и подписываю отчет.

Пожалуй, я поторопился, отметив, что сегодня неприятностей нет. Длинное письмо нелегала в проявленной тайнописи на русском языке. Для удобства начальства текст перепечатан на машинке. Судя по мелким опечаткам и сбоям, машинистке это письмо не доверили и стучал по клавишам одним пальцем работник, ведущий дело нелегала.

Дроздов смотрит на меня, на его лице нет привычной улыбки. Читаю: «…Предательство социализма… развал нашего государства… бездумные уступки Западу… предали союзников… непонятно, чем руководствуются в Кремле; люди ЦРУ в советских верхах… разлагается КГБ… куда смотрите все вы?» И спокойное: «Невыносимо тяжело наблюдать все, что происходит в нашем Отечестве. Но вы можете быть уверены, что я выполню свой долг до конца».

— Так что будем делать, Юрий Иванович? Председателю это письмо пошлем, пусть почитает, может быть, что-то Горбачеву процитирует… Нелегала надо успокоить: еще ничто не потеряно, наша работа нужна Родине, ну и так далее, потеплее. Но что же будем делать, дорогой товарищ генерал? Куда мы катимся? Куда нас, как стадо баранов, ведут? Почему игнорируют нашу информацию — Крючков докладывает наверх, а там она бесследно растворяется?

Наивные вопросы. Ответ, кажется, ясен, но его страшно

сформулировать даже для себя. Не может начальник разведки признать, что он вместе с десятками миллионов подпал под обаяние самовлюбленных, корыстных шарлатанов, что его подвела многолетняя привычка подчиняться и верить начальству, не подвергать сомнению его мудрость и честность.

Может быть, обычный страх, осторожность служивого человека его подвели? Не высовывайся, не рискуй — все равно ничего не изменишь, а неприятности наживешь. А может ли начальник разведки взбунтоваться против законной власти? Ведь за ним тысячи людей, можно ли играть их судьбой? Короче говоря, ищет начальник оправдания своему малодушию, прячется за служебную дисциплину, за чувство ответственности, боится правде в глаза посмотреть… А может быть, правды-то он и не видит?

Дроздов взрывается гневной тирадой — передо мной не руководитель нелегальной разведки, а офицер-фронтовик, до глубины души уязвленный унижением своего Отечества. Мне понятно все, что он говорит сдавленным, дрожащим от ярости голосом. У него нет главного — ответа на вопрос: «Что же делать?»

И у меня его нет. Надо работать, жить, надеяться, что пройдет это наваждение, пройдет с нашей помощью… И не верить кремлевским свистунам… Топить совесть в текучке, в бумагах, в обсуждениях, совещаниях, замыкаться в привычном оперативном мирке, где все обыденно и знакомо, где «вербовка», «перевербовка», «подстава», «контрразведка», «деза», «жесткая проверка» не несут зловещего смысла, это жаргон мастеровых. «Мы-де честно выполняли свой долг».

Расстаемся с Дроздовым взбудораженными и неудовлетворенными. Неладно, смутно на душе. Ну хоть посветлело бы за окном, хоть перестала бы сыпать какая-то холодная гадость. Не с неба — сверху, в такую погоду кажется, что неба больше нет.

Что дальше? Узкий длинный листок подсказывает: пора пригласить заместителя начальника ПГУ Калягина. Он просил принять его сегодня.

(Ненавижу фразу: «Можно к вам записаться на прием?»

Не могу понять, то ли мои подчиненные таким образом потихоньку надо мной измываются, то ли в разведке вошли в моду аппаратные манеры. Что я, зубной врач? Скажи, что есть дело, а я скажу, когда можно зайти!)

Калягин идет со своего четвертого этажа ко мне на третий.

Можно встать со стула, потянуться, размять ноги. От многочасового ежедневного сидения начинает побаливать спина.

Рядом с моим письменным столом стоит высокая конторка — удобное приспособление для того, чтобы читать и писать стоя. Когда-то я увидел это сооружение в кабинете маршала Ахромеева и позаимствовал идею. Конторка напоминает трибуну, и мои злоязычные подчиненные, конечно, не удерживаются: «Шеф построил трибуну и сам себе говорит речи!» Да, такое время — все говорят речи, и в потоках слов тонут немногие мысли…

Что у Николая Егоровича? Начальник отдела собирается в плановую командировку. Дело полезное, начальники должны знать свои резидентуры не только по отчетам. Он собирается провести контрольную встречу с агентом в Джакарте? Прекрасно, давно пора это сделать — агент хороший, а отдача от него что-то маловата. Надо разобраться…

Справка о работе по японским объектам в странах Юго-Восточной Азии. Не впечатляет — много суеты, есть оперативные заделы и желание показать положение лучше, чем оно есть на самом деле, то есть попытка втереть начальству очки, но делается это корректно.

— Предупреди, Николай Егорыч, начальника отдела, что сразу после его возвращения из командировки поговорим у меня о работе с японцами. Говорить будем конкретно.

— Хорошо, отдел надо встряхнуть…

Встряхнем, конечно. Устроим, как говорится, накачку руководству отдела, оно разошлет грозно-деловые указания в резидентуры, встрепенутся резиденты, разберут состояние дел у каждого работника — машина прибавит обороты. Разведке нужна агентура. Приобретать ее становится все труднее, и причина отнюдь не в недостатке рвения или умения. Это отдельный разговор.

Документы к беседе с резидентом в К. Он возвращается из отпуска к месту службы, и разговор с ним состоится завтра. Резидент Надежд не оправдывает. Под его началом всего два работника да шифровальщик, но сам он, человек опытный и, казалось бы, хорошо подготовленный, активности не проявляет. Кто же должен работать, как не резиденты? Это не канцелярский и не декоративный, а самый боевой пост, резиденту все карты в руки — высокая должность по прикрытию, самостоятельность, опыт. Как ни печально, многие резиденты предпочитают отсиживаться в кабинетах, давать указания работникам, сидеть до поздней ночи над бумагами. Те, что поглупее, еще ввязываются в посольские или торгпредские дела, усиленно занимаются «работой по советской колонии» под видом ее контрразведывательного обеспечения.

— Давай поговорим с ним завтра после обеда. А может,

оставить его в Москве, все равно проку не будет?

— Н-да-а, — сомневается Николай Егорович, — отругать его как следует надо, а оставлять в Москве — едва ли. Готовой замены нет, разговоры всякие начнутся, то да се… Пусть еще на годок съездит, мы тем временем замену подберем. Есть на примете отличный парень, на будущий год вполне созреет для резидента.

Вообще-то я глубоко убежден, что вакантное место лучше пустого человека. Все мои заместители, начальники подразделений с этим вполне согласны. «Конечно, вакансия есть не просит, денег ей платить не надо, беспокойств, в отличие от никудышного работника, не причиняет…»

Все это теория. Тот же самый начальник отдела, который только что горячо высказывался в пользу жесткой кадровой политики, может пытаться просунуть в командировку человека, уже побывавшего за границей и не проявившего себя ничем хорошим. Пропустим его, а потом будем жаловаться, что у Петрова или Сидорова дело не идет, выяснять, кто направил его на боевую работу, кто просмотрел. Никто не просмотрел — просто есть вакансия и есть работник, подходящий для нее по чисто формальным признакам. Если к тому же он ухитрился чем-то удружить лично начальству, тем лучше. (Кстати, удивительно, как многие плохие или посредственные работники умеют хорошо решать житейские проблемы!) Да и начальники ловчат. Узнает один, что коллега ищет, скажем, журналиста с французским языком, а у него давно уже такой всем в отделе нервы перепортил амбициозностью и бестолковостью. Случай представился — журналиста сплавили, дали ему приличную характеристику, и пусть теперь с ним в другом отделе мучаются.

Вот и сейчас… По делу и в назидание другим надо бы оставить резидента в Москве и отправить его куда-нибудь подальше от оперативной работы. Такие уголки в службе есть. Но кого послать? Можно ли оставить, хотя и маленькую, резидентуру без начальника? А этот дела не сделает, но и не навредит. Черт с ним, пусть едет, но шкуру с него снимем — час стыда за год красивой жизни, как говаривал Василий Иосифович Старцев, в чей отдел я пришел 27 лет назад.

У Николая Егоровича все. Собираясь уходить, спрашивает: «Как там Наджиб?» Он долго работал в Кабуле, прекрасно знаком со всеми афганскими лидерами и принимал участие в их судьбе. Сидящий уже три года в Москве Баб-рак Кармаль не может спокойно слышать имени Калягина. Он уверен, что именно Калягин с послом Табеевым организовали его смещение в 1986 году. Кармаль не прав, но разубедить его невозможно. Николай

Егорович переживает за Наджибуллу, часто вспоминает бурные годы в Кабуле, ночную пальбу на улицах, разрывы эрэсов, долгие беседы с афганцами — и «нашими», и душманами. Словечко «душман» — враг — ушло в прошлое, теперь мы почтительно говорим об «оппозиционных силах».

Поговорили об Афганистане, пришли к выводу, что у Наджиба есть шанс выстоять, если мы не подведем.

А между тем раздаются телефонные звонки, и на них надо отвечать. Шифровальщик приносит очередную партию телеграмм, помощник напоминает о предстоящем совещании и уточняет состав участников. Все это и есть та самая текучка, которая отвлекает человека от серьезных мыслей, но позволяет сетовать на перегрузки.

Телеграммы интересные, спокойные и не требующие немедленных действий. На информационное сообщение ложится резолюция: «Тов. Хренову В. М. — лично, к рассылке». Телеграммой должен заняться лично начальник управления, поскольку речь идет о конфиденциальном послании главы иностранного государства Горбачеву. Глава не очень доверяет чиновникам и своего, и советского МИД, не афиширует доверительных отношений с Кремлем и использует для обмена мнениями тайный канал КГБ. В разведке об этом канале осведомлены четыре человека в

Центре и резидент на месте. Хренов заглянет ко мне, и мы вместе сформулируем предложения касательно ответа президента СССР на это послание так, чтобы президент мог сказать по телефону Крючкову лишь несколько слов: «Там этот, как его… Давайте ответ, я согласен». Если не подготовить сразу проект ответа, то дело безнадежно затянется, а то и вообще забудется, и нам придется выяснять в аппарате президента, кто занимается ответом да когда он будет. Некогда четкая канцелярская машина начинает давать сбои.

Обычный набор оперативных телеграмм: прошла встреча. руководство дружественной разведки приглашает посетить… совпосол просит информировать вас лично… и т. п. Очень краткие резолюции: «Пр. переговорить», «Обсудим», «Подготовьте совместные с тов… предложения». Иногда приходится писать длиннее. Осмотрительные люди многословных резолюций избегают.

Жизнь переменчива, оперативные ситуации — тем более. Проходит время, вертит человек в руках бумагу и недоумевает: «Почерк мой и подпись моя. Как я мог такую чушь написать?» Так что не злоупотребляйте пером: сказанная глупость быстрее забывается.

Пронзительный звонок — председатель! Переключаю остальные телефоны на дежурного, поднимаю трубку. Голос Крючкова задумчив, говорит не спеша. Понятно: разобрался с первой волной утренних дел, образовался десяток свободных минут, и их надо использовать с толком. Председатель никогда не тратит времени зря, не позволяет себе передохнуть.

— Прочитал письмо нелегала. Как вы думаете, он прав?

— Думаю, что прав, и думаю, что очень неплохо было бы показать это письмо Михаилу Сергеевичу.

— Попробуем… А вы думаете, для него это будет новостью?

— Владимир Александрович! Пусть развлекает Горбачева новостями кто-нибудь другой. Ведь надо что-то делать, мы же всем миром катимся под откос…

— Да-а, — тянет председатель, — что-то делать надо… Как настроения в разведке?

Настроения в разведке Крючкову прекрасно известны, может быть, даже лучше, чем ее начальнику. Кратко докладываю, что народ обеспокоен, рассчитывает на решительные действия руководства, хотя вера в Горбачева стремительно тает. Дисциплину в коллективе поддерживаем, но…

— Вы сами знаете, случаи предательства могут быть еще.

В трубке слышен отдаленный переливчатый сигнал прямого телефона Горбачев — Крючков.

— Михаил Сергеевич звонит. Пока!

Крючков никогда не допускает ни одного слова, которое можно было бы истолковать как проявление нелояльности в отношении Горбачева. И тем не менее мне кажется, что он начал разочаровываться в нашем лидере. Какие силы давят на Горбачева, меж какими огнями лавирует Крючков, какие многослойные интриги плетутся в Кремле и на Старой площади — можно только догадываться. Это высшие сферы, там играют без правил.

Время к обеду. Реже звонят телефоны, люди потянулись в столовые. Взглянем на газеты, они стали злее, скандальнее и легковеснее.

Только что прошел очередной пленум ЦК КПСС. Я был там в числе приглашенных, слушал раздраженных и растерянных людей, видел обозленное лицо генерального секретаря. С докладом выступал Ивашко, неведомо за какие достоинства возведенный в ранг заместителя генсека в критический для партии час. Неужели он воплощает идею гуманного и демократического социализма? А может быть, именно его имел в виду Горбачев, сказав недавно: «Быть сегодня коммунистом означает прежде всего быть последовательным демократом, ставя

превыше всего ценности общечеловеческие». Эта фраза запомнилась намертво и преследует меня к месту и не к месту.

Так что же поведал пленуму, стране и миру Ивашко? Вот что: «Температура нашего давно и серьезно больного общества достигла критической отметки. Сокращаются объемы производства, идет цепная реакция распада хозяйственных связей, ухудшается дисциплина. Тотальный дефицит, спекуляция, рост цен изо дня в день отравляют существование советских людей… Наглеет преступный мир, терроризирующий население. Не затихают очаги межнациональных распрей и конфликтов. Продолжается поляризация политических сил, активизируются антисоциалистические течения, множатся попытки оттеснить КПСС на задворки общественной жизни. В общественное сознание настойчиво внедряется «образ врага» в лице КПСС. Все это в совокупности накалило социальную напряженность до опасных пределов». Помечаю этот пассаж зелеными чернилами. Машинистка перенесет его на плотную карточку, и он пойдет в мой личный архив. Вот такие дела, а мы еще думаем произвести на Михаила Сергеевича впечатление письмом какого-то нелегала. Горбачев кое-кому жалуется на нехватку информации. Что ему еще нужно: огненные знаки на стене? хвостатую комету? или Буш должен сказать: «Что-то неладно в вашем королевстве, дорогой Майкл», чтобы он очнулся?

«Правду» читать неинтересно. Она напоминает курицу с отрубленной головой: мечется, панически хлопает крыльями и — о, русское чудо! — истерически кудахчет. Всеобщая и дружная потеря равновесия, кого куда несет! «Демократическую» прессу продолжает негласно контролировать ближайший сподвижник президента академик (кстати, где его научные труды?) Александр Николаевич Яковлев. Здесь голоса громче, хор дружнее. «Московские новости», «Огонек» брызжут ядом, разоблачая коммунистов, коммунизм, «проклятые черные десятилетия», взахлеб разоблачают КГБ, льют лицемерную слезу о наказанных предателях, носятся с ренегатами, как черт с писаной торбой. Гордиевский, Карпович, Калугин, Королев — вот они, истинные герои… Просматриваю «Геральд трибюн», «Тайм», «Ньюс-уик» — и там мелькают имена тех же героев и те же разоблачения, но тон публикаций более сух и деловит. Журналисты на Западе лучше зарабатывают и спокойнее смотрят в будущее.

Вспыхивает огонек на пульте прямой связи. Хренов: «Доклад готов. Может Михаил Аркадьевич зайти?» — «Да, пожалуйста».

Информаторы докладывают материалы, которые должны пойти за подписью начальника разведки председателю, а от него президенту, премьеру, министрам трижды в день. Срочные

сообщения докладываются немедленно. С утренним докладом и документами особой важности приходит начальник Управления «РИ», в других случаях — его заместители. Этот порядок складывался годами и редко нарушается. Если начальник ПГУ находится в своем кабинете на Лубянке, в положенное время документы представляются ему там. Поток информации не иссякает.

Михаил Аркадьевич Михайлов молод, скромен. Он недавно занял руководящий пост в управлении и еще не вполне к нему привык. Михайлов долго специализировался на странах Восточной Европы и, без преувеличения, стал выдающимся экспертом по этому региону. Сейчас он осваивает более широкую проблематику. Это надо делать поскорее, ибо, видимо, ему придется занять место Хренова.

Справка по разоруженческим проблемам для председателя.

— Отправьте ее нарочным, она должна быть у Владимира Александровича после обеда. И вот еще что надо сделать не мешкая: поручите проработать экономическую сторону разоружения и конверсии. У меня такое впечатление, что экономика затрещит от разоруженческих расходов, а наша сторона берет на себя обязательства, даже не задумываясь, во что это обойдется.

— Срок? Дня три потребуется, над этой темой уже работают.

— Хорошо, но не затягивайте.

Телеграммы: подробное изложение заседания Экономического комитета НАТО, предмет обсуждения — состояние советской экономики; канцлер Коль высказывается в своем близком окружении о перспективах германо-советских отношений; американский план ужесточения блокады Кубы, советский фактор уже в расчет не принимается; приготовления Ирака к войне, о нигерийском долге Советскому Союзу — платить не собираются; Каддафи о внешней политике Горбачева.

Записи о ходе экономической реформы в Польше. Документ полезный. Надежда на то, что наши лидеры будут учиться на чужих ошибках, сохраняется. Нельзя же, в самом деле, пытаться совершить самим все мыслимые ошибки. Записка о последних поставках американских вооружений Израилю пойдет министру обороны Язову, материал о состоянии мирового рынка зерновых — премьеру Рыжкову.

— Скажите Хренову, что его документы я еще не посмотрел, верну попозже.

— Есть! Очередной доклад в обычное время?

Я не скрываю своих симпатий к Михаилу Аркадьевичу — он испытан в сложнейших ситуациях (в разведке они случаются не

только в «поле», но и в Центре), на него можно положиться, как на каменную стену.

Уходит Михайлов, заходит мой помощник Юрий Иванович Новиков.

— Вам упаковочка от резидента.

— Та-ак… Что еще за упаковочка?

Увесистая коробка в плотной коричневой бумаге. Содержимое легко угадывается — сигареты, кофе, пара бутылок виски или коньяка. Сам такие посылал, только не начальству, а приятелям.

— Отдайте эту коробку начальнику 18-го отдела, и пусть она у него лежит, пока не приедет резидент. А если что неясно, может позвонить мне и спросить…

Юрий Иванович не удивлен. Время от времени начальнику разведки поступают «знаки внимания» и тут же возвращаются отправителям. Бывает, присылают фрукты. Чтобы добро не пропадало, они отдаются в буфет или раздаются дежурным. Слух об этом разносится быстро, и тем не менее кто-нибудь да попробует начальника на устойчивость.

Надвигается обед, за ним совещание руководства Главного управления. Это около 20 человек — заместители начальника ПГУ, начальники управлений, служб и секретарь партийного комитета. От служебных дел партком фактически отстранен, но сегодня речь будет идти о той проблеме, которой должны заниматься и партийная организация, и все мы, — моральном состоянии коллектива и мерах противодействия пропагандистской кампании, ведущейся в Советском Союзе против Комитета госбезопасности и разведки. Положение обостряется — за рубежом все более чувствительные удары нашей Службе наносит противник, в своем Отечестве со всех сторон клюют газеты и телевидение, нагромождаются горы былей и небылиц. Люди нервничают. Слабые уходят из Службы — нет худа без добра. Но горе в том, что начинают колебаться и сильные, чужая рука дотягивается до нас в нашем собственном доме.

На днях проводил совещание Крючков. Надо информировать о нем руководителей разведки и использовать какие-то установки председателя в обсуждении нашего предмета. Листаю записи: «Кризис общества и государства.

Стержень нашей работы — не допустить разрушения Союза. Разжигание национальной розни — это тягчайшее преступление. Необходимо внимательно рассмотреть кадровую политику комитета, в органах госбезопасности должны работать представители всех советских национальностей».

Здесь я что-то вспоминаю и нажимаю на кнопку прямой связи с начальником Управления кадров.

— Анатолий Александрович, помните, я просил вас подобрать двух-трех евреев для работы в ПГУ? Нашли?

— Ищем, но никак не подберем. Все попадаются какие-то, у кого родственники в Израиле или США. Хотя ребята есть толковые.

— Прошу вас, подтолкните исполнителей…

В ПГУ долго работал еврей Соломон Меерович К. С его уходом на пенсию возникла пустота в нашем национальном составе.

Читаю дальше. Записки отрывочны, это не стенограмма, но суть ясна: «Правовая система государства очень несовершенна, многие недавно принятые законы на практике не действуют. Совершенно очевидно, что во многом мы забежали вперед. Нам не избежать перехода к рыночным отношениям, но если бездумно ворвемся в рынок, то погибнем окончательно. Сейчас необходимо стабилизировать и экономическое, и политическое положение. Разъединить эти две задачи невозможно… В экономике придется наводить порядок командными методами, потребуется время, чтобы восстановить хозяйственные связи в рамках плановой системы.

Бороться за выполнение всеми закона — хорошего или плохого, но закона. В случае необходимости применять силу, адекватную масштабам нарушения.

Развертывается кампания, целью которой является ликвидация КГБ как политического фактора. Мы должны отвечать на это гласностью. Принятие закона об органах госбезопасности тормозится, его обсуждение в Верховном Совете пойдет непросто. Комитету нужна современная правовая база, и нам следует активнее доводить свою точку зрения до депутатского корпуса, работать со средствами массовой информации.

Госбезопасность не может оставаться в стороне от борьбы с организованной преступностью. Общество с надеждой смотрит на нас, и необходимо усилить это направление работы за счет других участков. Дело дошло до того, что «теневики» командуют властью.

В стране идет ожесточенная борьба за власть, нельзя просмотреть скатывания отдельных организаций к насильственным методам.

Исполнительность, ответственность, дисциплина — вот на чем мы стоим…»

Все совершенно верно. Эту позицию я разделяю полностью. Нам нужен закон и еще нужнее конкретные результаты в борьбе с

преступностью. Разведка, противодействие шпионажу интересуют, но не волнуют народ. Его душат преступники, и народ многое простит тем, кто сможет его защитить от криминальной волны. Способен ли комитет это сделать? Не уверен. Преступность приняла такой размах, что остановить ее можно только чрезвычайными мерами на основе чрезвычайных законов. Власть растерянна и не сможет пойти на это. Власть напугана «демократами», расшатывающими остатки порядка во имя будущего правового государства. И может ли сам комитет работать эффективно?

Дальше Крючков говорил о партии: «Партия перестала бороться за авангардную роль в обществе. Недопустимо говорить о деполитизации — органы госбезопасности не могут стоять вне политики, отсиживаться в сторонке. Что касается департизации, то сам коллектив должен решать, быть ли партийным организациям в стенах госбезопасности. Никто не может лишить человека права состоять в партии. Я против департизации. Партийные организации оробели. Разве они не имеют права спросить коммуниста, как он работает? Надо идти в коллективы, проявлять великое терпение, участвовать в выборных кампаниях. Мы должны отстоять социализм».

Мои взгляды на положение и перспективы партии начинают заметно отличаться от взглядов председателя, и ему это известно. Я против того, чтобы партийные организации встревали, как это было раньше, в наши служебные дела, но думаю, что они могут играть полезную воспитующую и дисциплинирующую роль. Главное же не в этом — Крючков никак не может смириться с мыслью о том, что коммунистическая партия обречена на гибель, он полагает, что и органы госбезопасности могут погибнуть вместе с ней. Трудно себе представить, как сможет наше государство обойтись без партийного стержня. (На моем столе под стеклом постоянным напоминанием лежит листок бумаги со словами Дж. Кеннана: «Если что-нибудь подорвало бы единство и эффективность партии как политического инструмента, Советская Россия могла бы мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из слабейших и самую жалкую страну мира». Он написал это в 1947 г.) И тем не менее партия уже погибла, ее добили те лицемерные, тщеславные и бездарные люди, которых она сама вырастила. Попытки возродить КПСС бесплодны, они подпитываются иллюзиями. Органы госбезопасности должны реформироваться из инструмента правившей партии в Национальный, чисто государственный институт. Может быть, так удастся сохранить разведку.

В ушах отчетливо звучат слова Владимира Александровича:

«Зачем нам будет нужна разведка, если мы потеряем советскую власть?» Это когда-то сказал председатель КГБ Грузии А. А. Инаури. Крючков часто с горькой усмешкой его цитирует.

Скольжение по крутому склону продолжается…

За окном немного посветлело, не слышно стука капель по подоконнику. Пора обедать. Надо бы съездить на Лубянку, пообщаться за обеденным столом с коллегами — заместителями председателя, узнать новости, послушать Крючкова. Иногда во время обеда он говорит откровенно то, что на совещаниях не услышишь. Видно, что председателя одолевают тяжелые раздумья. Сегодня на Лубянку я уже не попаду — дорога в оба конца занимает полтора часа.

Нажимаю две кнопки, на пульте они слева вверху. Под одной написано «Кирпиченко» — надпись не менялась много лет, под другой — «Титов». Недавно на этом месте значилась фамилия Грушко. Вадим Алексеевич Кирпиченко и Геннадий Федорович Титов — первые заместители начальника ПГУ.

Кнопки вспыхивают почти одновременно неярким внутренним светом, в кабинете раздаются усиленные динамиком голоса:

— Добрый день, слушаю!

— Пообедаем? Через три минуты у входа! Дождя нет.

Обеденный ритуал заведен Крючковым: встреча у входа в главное здание, несколько десятков метров до столовой и после обеда десятиминутная прогулка на свежем воздухе.

Здание большим и неровным полукругом замыкает огромную площадь, ограниченную с противоположной стороны бетонным забором. В центре площади искусственный водоем и живописная группа высоких деревьев, затылком к водоему и лицом к кабинету начальника разведки скульптура Ленина — массивная голова на вытянутом вверх постаменте. Устремляются к небу 16 тонких флагштоков, на которых в торжественные дни полощутся флаги Советского Союза и всех 15 республик. Железные тросики под порывами ветра задевают металлические флагштоки, и раздается мелодичный разноголосый звон, словно идет неспешно верблюжий караван. (Азия навеки в моем сердце — я люблю этот звук.) Снизу ряд флагштоков подчеркнут длинной красной полосой, на полосе крупные и четкие буквы: «Имя и дело Ленина будут жить вечно». Площадь, дорожки аккуратно подметены, и лишь асфальт вокруг пруда усеян желтыми листьями.

Вот и мои спутники — невозмутимо спокойный, ладно скроенный и крепко сшитый Вадим Алексеевич и беспокойный, подвижный при всей своей внушительной фигуре Геннадий Федорович. Кирпиченко бурчит что-то неодобрительное по

поводу мерзкой погоды. Титов охотно соглашается и скороговоркой развивает тему о том, как нам вообще не повезло с климатом.

Обедаем в «генеральской» столовой — чистые скатерти, картины на стенах и, самое главное, официантки. Руководящему составу — от заместителя начальника отдела и выше — не надо толочься в очереди с подносом в руках. Это явная привилегия, хотя котел общий для всех — и для генералов, и для лейтенантов, обедающих в зале по соседству. Тотальная борьба с привилегиями, захлестнувшая общество, не обошла и нас. Выяснилось, что цены в генеральской и обычной столовых одинаковые, а расходы на кормление первых больше, так как они включают зарплату официанток. Пошел ропот среди вольнонаемных, среди младших офицеров, подключились неистребимые остряки («Как мужик двух генералов и официантку прокормил»… и т. п.). Пришлось поднять для начальства цены на десять процентов, и повод для недовольства был снят.

Разговор, конечно, о делах. Говорит сегодня преимущественно Титов. У него живой, образный язык, богатая мимика. Такой заговорит любого. Геннадий Федорович рассказывает о Втором главке, где он побывал сегодня по деловому вопросу. Крючков уже кому-то дал понять, что думает взять Титова из ПГУ во Второе главное. Геннадию Федоровичу это стало мгновенно известно, и он приглядывается к своему будущему хозяйству. Доверительным быстрым шепотом, будто открывая тайну, Геннадий Федорович говорит нам: «Ну, конечно, подготовка у работников там куда хуже, чем в ПГУ, кругозор не тот. Не тот!» Геннадий Федорович — сложный человек. У него большой оперативный опыт, он умен, упрям, очень последователен, пользуется полным доверием Крючкова, всегда готов помочь товарищу. Но зачем это многословие? Зачем он так живо интересуется делами, которые его не касаются? Особенно кадровыми… И почему он все время трется около Крючкова?

Отобедали, расплатились (укладываюсь в полтора рубля) и неспешным шагом пошли по мокрой дорожке. Обелиск с надписью золотом: «Чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за дело коммунизма». Слева — здание, справа — яблоневый сад, мемориальная доска: «Сад заложен в честь 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». На закладке сада присутствовал председатель КГБ Ю. В. Андропов. Мероприятие было проведено по всем правилам партийного официального протокола: главный гость в окружении руководителей разведки, поодаль охрана из «Девятки», еще подальше, с лопатами в руках, перемазанные глиной,

разрумянившиеся разведчики, сажающие яблони в заранее подготовленные ямы. Сад плодоносит, яблоки с его деревьев будут есть многие поколения людей, которые забудут и Андропова, и Крючкова, и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, а возможно, и разведку.

Геннадий Федорович что-то оживленно рассказывает, размахивает руками. Вадим Алексеевич реагирует односложными невнятными замечаниями, я в такт качаю головой… Аромат прелой листвы изысканнее французских духов, в лужах под ногами отсвет серого неба, «…наших северных скромных небес». Ни слушать, ни говорить не хочется. По осеннему влажному холоду нужны минуты раздумья только про себя. Едва ли это возможно сейчас. Надо идти в лес, и там мелькнет мысль, что точно такие же деревья, точно такой же воздух, точно такое же небо видели мои бесчисленные предшественники — русские неприметные люди, строившие великое государство. Осенью русский воздух можно видеть, не только дышать им — он оседает мельчайшим бисером на черном кружеве березовых ветвей, на шипах колючей проволоки и редкими слезами капает на пожелтевшую благоуханную траву.

Сад остается позади. Каменные ступеньки, искусно выведенное объявление: «Кормить кошек на территории объекта запрещается», под объявлением пяток пугливых полудиких кошек, пластмассовое блюдечко и обглоданные кости.

В кабинете тихо и сумрачно, со стен на начальника разведки смотрят безразличными взглядами Ленин, Дзержинский, Андропов и Горбачев. В этих портретах — траектория исторической жизни государства и Службы.

На столе лежат аккуратные папки с документами. Одна из Управления кадров — аттестации, характеристики и представления к званию «полковник». Аттестация каждого офицера должна проводиться раз в четыре года, специальная комиссия дает заключение о пригодности работника к службе и высказывает рекомендации о его использовании. В разведке нет двух одинаковых сотрудников, каждый из них — индивидуальность, но аттестации почему-то похожи одна на другую, как две капли воды. Надо или очень отличиться, а это бывает весьма редко, или сильно проштрафиться, что бывает чаще, чтобы аттестация отразила реальную натуру живого человека. Разговоры о необходимости отказа от казенных формулировок, о том, что аттестация или характеристика должна давать полное представление о сильных и слабых сторонах работника, ведутся годами. Почему же все остается по-старому? Кто сопротивляется? Очень просто — все начальники

сопротивляются, да и не только начальники, но и все маломальски опытные люди. Распишем мы сегодня слабые стороны работника, подчеркнут в кадрах красным карандашом эти строчки, а завтра порядки изменятся и вновь войдут в моду безликие гладкие характеристики, но подчеркнутые строчки будут преследовать человека всю жизнь.

Подписываю аттестации, две прошу пересмотреть — слишком очевидна необоснованность рекомендаций о дальнейшем использовании аттестуемых.

Приказы о поощрениях — капитана Н. ценным подарком. Помню, парень проявил недюжинную настойчивость и изобретательность и добился того, что переданный ему на связь агент стал регулярно давать документальную информацию. Кстати, не забыть узнать, кто вербовал этого агента. Был ли тот работник отмечен? Старшую машинистку — денежной премией. Надо завтра поздравить ее по телефону с пятидесятилетием.

Старшему сотруднику Института управления «И» — выговор за утерю пропуска на объект. В институте много гражданских служащих, документы они теряют гораздо чаще, чем офицеры, и дух демократии и гласности в их среде ощутимее, чем в оперативных подразделениях ПГУ. За ними нужен глаз да глаз. На днях обнаружили, что два молодых сотрудника в рабочее время на компьютерах института готовят программы для какой-то частной фирмы и уже неплохо на этом заработали. Ведется служебное расследование… Жизнь становится все труднее, цены растут, офицерские семьи с огромным трудом сводят концы с концами. Вокруг же начинает бушевать рыночная стихия, раздается хруст новеньких сотенных купюр, сверкают стекла «мерседесов», и вот молодая жена говорит с укором своему мужу-лейтенанту: «Ты, Вася, работаешь с утра до ночи, а я хожу в рваных сапогах. Сегодня случайно встретила Катьку, расфуфыренная, в норковом полушубке. Ее Эдик в каком-то смешанном предприятии устроился и бешеные деньги зарабатывает. В институте-то он плохо учился, не то что ты…» Примерно так. На разведку давит не только политика, но и экономика. Невиданное раньше дело — выпускники вузов все чаще отклоняют предложение работать в ПГУ.

Представления к полковничьему званию. Несколько дней назад они были коллегиально рассмотрены советом Главного управления, вопросов ни по одной кандидатуре не было, остается только подписать документы, и вскоре последуют приказ председателя и неизбежные маленькие торжества в кругу коллег. Меня, однако, давно беспокоит одно обстоятельство. В разведке появятся 11 новых полковников, из них трое — в НИИРП (Научно-

исследовательском институте разведывательных проблем), двое — в Институте управления «И», который занимается компьютеризацией разведки, двое — в Краснознаменном институте, один — в учебном центре того же института и лишь двое — в оперативных подразделениях. В следующий раз цифры изменятся, но в целом будут не в пользу оперативников. Разведка обросла вспомогательными подразделениями. Они требуют расходов, должностей, званий, помещений, жилья для сотрудников. Оперативный работник — тот, кто рискует, кто живет в вечном напряжении, — вербует агентов и добывает информацию, теряется в этой массе. Он стоит в очереди в столовой, «выколачивает» путевку на время отпуска, ждет в поликлинике, пока врач примет полдесятка никуда не спешащих сотрудников «центрального аппарата». Это не только несправедливо, но и нерационально: разведчик должен чувствовать свой особый статус, это должно его вдохновлять. Да, положение надо исправлять. Но попробуйте сократить численность любого государственного учреждения, упразднить ставшее ненужным подразделение. Я исподволь приступаю к решению этой задачи, определенно зная, что популярности мне это не прибавит.

Подписываю представления. Что еще? Рапорт старшего оперуполномоченного Мусаева с просьбой принять его для личной беседы. Надо принять, он уже замучил все свое непосредственное начальство.

Помощник заходит, чтобы забрать документы.

— Алексей Яковлевич, придется, видимо, поговорить с Мусаевым. Ориентировочно в 18.30.

— Ой, смотрите, Леонид Владимирович… Я с ним говорил — тяжелый человек. Может, пусть с ним кадровики еще повозятся?

— Неохота, но надо. Поговорим.

До совещания остается минут пятнадцать. Еще стакан крепкого чая, еще одна сигарета, десять шагов по ковру в одну сторону, десять обратно. Как хорошо быть оперативным работником, отвечать только за самого себя, не вмешиваться в чужие судьбы, не изрекать банальные истины принудительной аудитории подчиненных, которые не могут сказать: «Брось, старик, все это мы уже слышали».

Голос дежурного: «Товарищи собрались. Можно приглашать?»

Видимо, кто-то прямо перед дверью рассказал анекдот — люди еще смеются, но тут же принимают серьезный вид, здороваются кивком, быстро рассаживаются по привычным местам: заместители начальника за длинным столом, остальные — вдоль стен.

Кратко излагаю то, что говорил председатель на совещании в комитете. Ни комментарии, ни вопросы здесь не нужны. Напоминаю тему сегодняшнего обсуждения, прошу говорить по существу, не вдаваясь в рассказы об обстановке и отчеты о проделанной работе, на каждое выступление до пяти минут. У нас не партийный форум и не съезд народных депутатов. В кабинете собрались профессиональные разведчики, осознающие свою ответственность за Службу. Они говорят коротко и ясно, но, несмотря на предупреждение, редкий удерживается от сжатой оценки обстановки. «Враждебная кампания против КГБ — это производное от общего положения в стране. К власти рвутся антидемократические силы», «Идет наступление на основные структуры государства…», «Руководство страны занимает двусмысленную позицию…», «В нашем распоряжении есть документальные данные о роли ЦРУ в кампании против КГБ» (вот это совершенно лишнее, на общих совещаниях не следует упоминать документальные данные или источники), «Надо просить Михаила Сергеевича выступить перед сотрудниками КГБ». Эта мысль мне не совсем нравится. Горбачев достаточно скомпрометировал себя, и если он еще выскажется в поддержку КГБ, то для нас это будет чугунная гиря вместо спасательного круга. На совещании сказать так, разумеется, невозможно. Крючкову моя точка зрения известна, знают ее и в ЛГУ.

Выступают по очереди все, у каждого есть какое-то деловое конкретное предложение, вырисовываются общие направления действий…

Входит шифровальщик, кладет папку с телеграммой, негромко говорит: «Внеочередная, вам лично». Это опытный работник и без нужды прерывать совещание не будет.

Телеграмма от Белова: пошел на встречу с контактом… кафе… вербовочное предложение (следует подробное описание обстоятельств и изложение беседы)… телеграмму Центра получил по возвращении в резидентуру.

Объявляю десятиминутный перерыв, прошу задержаться начальника Управления «К» Л. Е. Никитенко, даю ему телеграмму, а сам тем временем отыскиваю Мартова. Выясняется, что его рейс отправляется рано утром и он сам еще на работе. Никитенко на совещании уже высказался: разведке необходимо создавать свое лобби в законодательных органах и средствах массовой информации, оперативные возможности для этого есть. Просто и умно. Сейчас он вместе с Мартовым займется анализом сообщения Белова и после совещания доложит предложения. Ситуация нормальная: Белова не захватывали, не угрожали, и, кажется, его собеседник вел себя вполне интеллигентно.

— Заседание продолжается, господа присяжные заседатели, — кто-то негромко шутит.

Положение в коллективе: падает дисциплина, растерянность, учащающиеся предательства. Сомнения: ради чего мы работаем, нужны ли мы власти, возникающая отчужденность между начальниками и личным составом, особенно в научных подразделениях, жалобщики и анонимщики… Желания сгущать краски нет, все это еще только отдельные проявления, разведка — здоровый и боеспособный организм, однако нельзя допустить, чтобы его поразили общие недуги общества и власти, — это цель обсуждения.

Подводим итоги. Ожидать общей стабилизации обстановки в стране в обозримом будущем не следует. Высшее руководство страны, то есть Горбачев, заинтересовано в поддержке комитета, но само в его поддержку не выступит. Нам необходимо вести энергичную работу в депутатском и журналистском корпусе, выходить на общественные организации. План действий должны подготовить Служба «А» (у нее опыт в проведении активных мероприятий за рубежом) и Управление «Р». Рассчитывать на пресс-бюро КГБ не будем, оно явно не в состоянии работать эффективно, журналисты от него бегают. Надо ускорить создание ассоциации ветеранов внешней разведки и подобрать толкового, презентабельного работника для связей с общественностью. Это забота Управления кадров и Управления «Р».

Наш коллектив — разведчики. Постоянно общаться с рядовыми работниками, знать их настроения, не уходить от острых вопросов, проявить внимание к обиженным и недовольным — такие есть в каждом подразделении. Не лицемерить, говорить работникам правду и только правду. Заняться слушателями Краснознаменного института. Оперативные отделы не работают с теми, кто придет к ним завтра. Пусть это возьмут на контроль начальник института Г. А. Орлов и Управление «Р».

Материальное обеспечение личного состава надо поручить парткому.

Приближается 70-я годовщина советской разведки. В наших нелегких обстоятельствах ее надо отметить так, чтобы каждый сотрудник почувствовал гордость за принадлежность к Службе. Юбилей дает повод и для обращений разведки к общественности. План действий подготовлен, его надо уточнить. Анатолий Александрович и его Управление кадров уже сделали немало, им надо помочь общими силами. Контроль за работой возложить на Управление «Р», в его составе создать специальную группу. Говорили коротко и дельно, но два часа прошло. За это время

было много звонков — список имен с телефонами дежурный кладет на стол. Муратов из международного отдела ЦК, Николай Иванович Козырев из МИД, деловые знакомые из Комитета по науке и технике, из Совмина. Кто-то обещал позвонить позже, кто-то ждет моего звонка. Международный отдел:

— Я еду послезавтра в Тунис. Нельзя ли воспользоваться вашей связью?

— Конечно. Дадим указание резиденту. Вы его знаете?

— Да. Спасибо.

Отношения разведки с международным отделом остаются добрыми, хотя из числа постоянных потребителей информации секретарь ЦК КПСС и заведующий отделом В. М. Фалин исключен. Об этом можно только пожалеть. Валентин Михайлович — великолепный знаток международных отношений, человек глубокий и вдумчивый, знающий практическую ценность разведывательной информации. Однако партия отделена от государства, она переходит в статус общественной организации. Генеральный секретарь ЦК КПСС, разумеется, получает доклады КГБ, но в своей ипостаси президента СССР. Партийным функционерам наши официальные бумаги с середины 1990 года не рассылаются. В международный отдел ЦК изредка отправляем только те сообщения, в которых затрагивается деятельность зарубежных компартий. Не по обязанности, а по старой памяти мы иногда помогаем отделу, особенно если с просьбами обращаются хорошие знакомые. К их чести надо сказать, что они никогда не кичились своей принадлежностью к всесильному аппарату ЦК КПСС. Этим грешили их коллеги из орготдела, адмотдела и других бесчисленных отделов, вознесенных над государственными структурами.

Что касается использования шифрованной связи КГБ для передачи сообщений в Москву, то совсем недавно это считалось делом чрезвычайно престижным, доступным лишь немногим избранным: два-три прикормленных Крючковым академика с международным именем, видные политические обозреватели, люди из окружения генерального секретаря. Выгода была двойная: советский посол не знал, что доносит в Москву визитер, не мог вмешаться и, пожалуй, более важное — КГБ направит телеграммы на самые верхи. От МИД этого можно не дождаться.

Темнеет за окном, зажглись уличные фонари, и по стеклу побежали тоненькие золотистые змейки. Бесконечный равнодушный холодный дождь, торопливый стук множества каблуков по асфальту, служивый люд спешит к автобусам. «До конца рабочего дня еще минут двадцать, а они уже побежали, — молча злится начальник разведки, — и на работу многие

опаздывают. Вот тебе и дисциплина!»

Несколько дней назад в это же время зашел начальник Управления «Р» и пожаловался на непомерную загрузку своих работников. Мы тактично, но довольно жарко поспорили. Александр Иванович твердо стоял на своем, я же был уверен, что его подчиненные трудятся с прохладцей — сам когда-то в этом управлении поработал. За окном так же, как сегодня, стучали каблуки, до конца рабочего дня оставалось пятнадцать минут, и пришло в голову такое решение:

— Александр Иванович, пройдите, пожалуйста, по кабинетам своего управления и, если найдете хоть одного человека за работой, позвоните мне. Мы сразу же пересмотрим задания.

Александр Иванович помялся и ушел. Звонка не последовало, разговор о перегрузках больше не возникал.

Время бежит, вот-вот надо будет смотреть очередную партию информации, стопка документов не уменьшается, а в дверях Мартов и Никитенко.

— Так что же у нас с Беловым? Телеграмма опоздала? Надо было дать ее еще вчера… Протелились, а противник не мешкал… Так что там?

Два месяца назад наш резидент в Женеве Белов познакомился с французом Полем Курбе (1950 г. р., уроженец Нанта, постоянно живет в пригороде Парижа (адрес уточняется), женат, двое детей — 1976 и 1978 гг. р., сотрудник частного сыскного бюро, расположенного по адресу… регулярно бывает в Женеве, где по адресу… живет его мать). Все сообщенные Курбе данные проверены и подтверждены. Знакомство Белова с Курбе произошло при случайных обстоятельствах в книжном магазине. Француз охотно пошел на контакт. Его отец участвовал в Сопротивлении, и в семье есть чувство симпатии к России. Интерес вызвали место работы и связи Курбе в контрразведке. О них он упоминал мимоходом в разговорах. По мнению Белова, Курбе скуповат и можно было рассчитывать на материальный стимул.

Вчера вечером француз предложил Белову встретиться на следующее утро и выпить по чашке кофе. Так уже бывало раньше, и Белов охотно согласился. Курбе пришел один, но Белов обратил внимание, что в кафе, куда они направились, сидят двое мужчин. Ему показалось, что это «наружники», и Белов предложил Курбе пойти в другое место. Француз какое-то мгновение колебался, но согласился. Подозрительные мужчины остались на месте.

После вопросов о делах, о самочувствии Курбе сказал, что у него есть серьезное предложение к Белову. Разговор шел по обычной схеме: комплименты нашему работнику, заверения в

чувствах искренней симпатии Курбе к Белову и великой России, которая переживает столь трудные времена, беспокойство по поводу судьбы таких великолепных людей, как Белов. Он, Курбе, как-то упомянул о знакомстве с Беловым своему другу Жану. «Вы же помните, я вам о нем говорил, и мне показалось, что он вас заинтересовал… Он работает в контрразведке, это большой человек. Оказывается, и вы прекрасно известны Жану, он о вас самого высокого мнения». Француз выкладывает, ссылаясь на того же друга, сведения о некоторых людях, с которыми Белов работал во Франции: «Жан говорит, что вы были в то время молоды, очень активны и не очень внимательны, допускали просчеты. Помните Арно? Ваши коллеги до сих пор с ним работают…» Вот это самый тяжелый момент, это почти нокаутирующий удар, и надо иметь очень крепкую голову, чтобы и лицо собеседника, и деревья, и гладь Женевского озера не поплыли перед глазами. За вербовку Арно в свое время Белов был награжден орденом, информация источника высоко оценивалась Центром, Арно знает по меньшей мере еще двух работников. Это провал… «Когда, почему, где я промахнулся? Арно пропал, это точно, но врет француз, в мое время с ним было все в порядке».

Надо улыбаться, делать удивленное лицо, сохранять спокойствие. В кармане пиджака Белова миниатюрный диктофон. Медленно перематывается тончайшая намагниченная проволока, фиксируя каждое слово. Проволоку можно незаметно остановить в любую секунду, но она ползет и ползет…

Что же предлагает Курбе от имени могущественного Жана?

Арно будет продолжать контакт с коллегами Белова, и на него не падет ни малейшей тени. С помощью Жана Белов приобретет еще один ценный источник, что, несомненно, будет очень положительно воспринято в Центре и поможет карьере Белова — ведь ему, как каждому полковнику, хочется стать генералом? Никакого риска здесь нет. Кадровому разведчику это совершенно ясно. Разумеется, французская сторона обеспечит Белову и его семье безбедное будущее, что бы ни происходило в многострадальной России. (Намагниченная проволока продолжает медленно ползти.)

Француз не требует немедленного ответа, предлагает Белову подумать. Возможно, это оперативная ошибка. Если объект не дал решительного отпора, его надо долавливать, выжимать из него закрепляющую информацию: состав резидентуры, конкретные задания Центра и т. п. Иначе он может одуматься. Это общая методика всех спецслужб, выработавшаяся веками, — можно сказать, общечеловеческая ценность. Предложение подумать может открывать возможность для оперативной игры.

Никитенко и Мартов считают, что торопиться сейчас уже не имеет смысла. Белов вел себя правильно, не обострив ситуацию. Полную расшифровку беседы мы получим через несколько часов, завтра в Центре будет и магнитофонная запись. В Женеву направим внеочередную телеграмму, одобрим действия работника, поставим вопросы для уточнения психологического портрета Курбе. Глядишь, охотник сам станет добычей… Надо немедленно разбираться с ситуацией вокруг Арно. Что он — засветился, был перевербован или с самого начала мы имели дело с подставой? «Дантон» не должен знать, что его информация подтвердилась, это позволит ему вести себя совершенно естественно со своим хвастливым приятелем из контрразведки. Поездку Мартова отложить, подумать, когда и с чем ехать.

Все согласны.

— Если поступит что-то срочное, доложите!

Что может быть срочного? Все может быть. Возьмут швейцарцы, да и объявят быстренько Белова «персоной нон грата». Несмертельно, но неприятно… Или попадет Белов в дорожное происшествие с летальным исходом… Тоже бывало.

Информационные записки лежат с утра нечитанные, в приемной ждет с очередным докладом Михаил Аркадьевич, надвигается тяжелый разговор с Мусаевым. В кабинете холодно, надо закрыть окно.

Записки — концепция политики Японии в Восточной Европе. Очень любопытно, японцы намерены превратить Восточную Европу в плацдарм для экономического наступления на Западную Европу. Источник особо ценный. Материал кладу в пакет, который будет направлен нарочным лично председателю. Два материала по НАТО. Совсем недавно Горбачев говорил о том, что мы никогда не согласимся доверить НАТО ведущую роль в строительстве новой Европы. Наши материалы подтверждают его правоту. Доставит ли это президенту удовлетворение? Все эти наши попытки сдержать свободный полет политики нового мышления — не раздражают ли они его и министра Шеварднадзе?

И наконец, перевод документа с оценкой перспектив Ельцина в его противостоянии с Горбачевым. Авторы избегают категоричных выводов, но отдают предпочтение Борису Николаевичу. Любопытно предположение, что Горбачев может при определенном развитии событий использовать свои полномочия президента в «нелиберальной форме».

Все материалы идут в тот же пакет для председателя.

Телеграммы рутинные, ни одна информация не потребует каких-либо конкретных действий — это, кстати, бывает

нечасто, — но все они содержат что-то новое и неизвестное, дают по меньшей мере повод для размышлений.

Справка о нашей помощи Афганистану. В 1990 году должны предоставить безвозмездную помощь продовольствием и нефтепродуктами на сумму 120 млн. руб., до сих пор недопоставлено на 45 млн. руб. Военные поставки идут нормально… сохранить те же объемы на 1991 год… если правительство Наджибуллы падет, война в Афганистане вспыхнет с новой силой и перекинется на южные районы Советского Союза…

Справку с записочкой: «Уважаемый Владимир Александрович! Направляю материал по Афганистану, подготовленный по вашему заданию» в тот же пакет. Он будет на столе у председателя через час.

Еще стакан чая. Заботливая девушка спрашивает: «Может бутербродик с сыром или колбасой?», заранее зная, что я откажусь.

Неужели все, что было вложено в Афганистан, — жизни, ресурсы, политические издержки, наши труды, — неужели все это пойдет прахом? Отдадим должное неуклюжим кремлевским лидерам 1979 года. Они многое не учли, они просчитались, ни в коем случае нельзя было посылать войска в Афганистан. Но ими руководила забота о безопасности южных рубежей Советского Союза, а не стремление к экспансии. Для американцев Персидский залив — это зона их жизненно важных интересов, и они, не стесняясь, готовят войну против Ирака. Разве Афганистан — не зона таких же интересов для СССР? При чем здесь «имперская политика»? Громкошумящая часть нашей прессы и новых политиков не готова, кажется, допустить даже мысли о том, что у Советского Союза могут быть какие-то самостоятельные государственные интересы за своими рубежами. Даже мысленная полемика с «демократами» раздражает — они действуют как осатаневшая стая. Противная мысль посещает меня: демократы еще устроят свой 1937 год, среди них есть и ежовы, и берии, и **Вы**шинские, и заславские, и Ждановы. Я начинаю верить в метемпсихоз — перевоплощение душ. Вместо галстуков — распахнутые воротники, вместо бритых жирных щек — окладистые бороды, и никто не носит защитного цвета картузов, а души те же… Куда это меня заносит — от Афганистана через 37-й год к переселению политических душ? Посмотри в полумрак, потри ладонями виски, встань, пройди десяток шагов туда и десяток обратно… Можно включить музыку в комнате отдыха и слегка приоткрыть дверь. Это попозже, когда останусь совсем один. Пристрастие к серьезной музыке

воспринимается как причуда, постоянно включенный телевизор удивления не вызывает. Но я не люблю телевизор…

— Алексей Яклич! Где Мусаев?

— Где-то здесь. Может зайти?

— Да, пригласите его.

Мусаев работал в резидентуре в африканской стране под прикрытием консульской должности. Заметных успехов не добился, отличался неуживчивым характером, обидчивостью, склонностью к «выяснению отношений». Вступил в конфликт одновременно с резидентом и с послом, написал рапорт с просьбой о прекращении командировки. Сделал он это сгоряча, видимо, рассчитывал, что резидент раскается. Резидент предложил просьбу Мусаева удовлетворить. Центр без колебаний согласился. Мусаев возвратился в Москву, отгулял отпуск и теперь требует возвращения на работу в страну. Раньше в таких ситуациях правду искали просто — шли в партком и писали жалобу в ЦК КПСС. Это редко помогало, но длительная волокита разбирательств иногда приглушала страсти. Теперь с обиженными надо быть осторожнее и не потому, что они этого безусловно заслуживают. Обиженных ждут не дождутся «демократы». Им каждое лыко в строку, их не интересует ни истина, ни мораль, ни сам человек — пригреют и используют любого.

Входит Мусаев — высокий плотный азербайджанец лет 37–40. Раньше мы с ним не встречались, он впервые в кабинете начальника разведки. Происходит небольшая восточная церемония: Мусаев не сразу усаживается, приносит пространные извинения за нескромность, за то, что осмелился побеспокоить столь занятого человека. С этой манерой я знаком, поэтому тоже произношу вежливые слова, усаживаю посетителя, спрашиваю, что он предпочитает — чай или кофе, и, пока нам несут два стакана чая, угощаю его импортной сигаретой.

Давным-давно, за десяток лет до того, как я пришел в разведку, в мою жизнь вторгся мусульманский Восток: шесть лет арабской вязи языка урду, ислам, история Востока в институте, затем четыре года среди пакистанских мусульман, чьи исторические и культурные корни тянутся в Среднюю Азию. Юношески восторженное, заинтересованное отношение к Востоку распространилось и на соотечественников — узбеков, казахов, таджиков, с которыми мне приходилось работать и дружить. Казалось бы, они учились в такой же советской школе, что и я, старательно усваивали те же основы марксизма-ленинизма, вступали в тот же комсомол, безукоризненно говорили на русском языке, и тем не менее в каждом из них оставалось что-то

неведомое мне, усвоенное вместе с первыми услышанными от матери сказками, впитанное с первыми глотками азиатского воздуха. Чем больше я узнавал своих друзей, тем симпатичнее они мне становились. С азербайджанцами история особая. Работа в Иране тесно свела меня с начальником Первого (разведывательного) отдела КГБ Азербайджана Ильгусейном Пиргусейном Гусейновым, известным всей разведке как Гусейн Гусейнович. На Востоке нет простых людей. Я долго приглядывался к Гусейну Гусейновичу, его коллегам-азербайджанцам, работавшим в тегеранской резидентуре, и неприметно для самого себя… привязался к ним. В разведывательных кругах Баку стало известно, что в Центре у них есть влиятельный доброжелатель. Известно это и Мусаеву.

Церемониальная часть закончена, переходим к делу.

— Так что же, Магомет Джабирович, вас беспокоит? Я ознакомился со всей историей и не вижу, откровенно говоря, поводов для жалоб. Вы сами подали рапорт об откомандировании. Думаю, это было разумное решение. В той конфликтной обстановке вы уже не смогли бы как следует работать. Отзывать резидента мы не видели оснований, и другой возможности развести вас, кроме как удовлетворить вашу просьбу, у нас не было. Вот вы и оказались в Москве и работаете в том же подразделении и на том же месте, откуда уезжали в командировку. Правильно?

— Правильно-то правильно… Я рапорт написал сгоряча, в таком был состоянии…

— Дорогой мой Магомет Джабирович, рапорт — официальный документ, такие вещи пишут, обдумав. Представьте сами: сегодня вы обращаетесь с одной, вполне резонной просьбой. В Центре ее рассматривают и идут вам навстречу. У вас тем временем меняется настроение, и вы просите о совсем противоположном. Поставьте себя на место ваших начальников… Вас не наказывают, никак не ущемляют, вы продолжаете работать, и все произошло по вашей воле.

Естественно, я лукавлю, упираю на внешнюю сторону, в таких конфликтах всегда все запутано, обижены все их участники, все они, как правило, теряют способность объективно оценивать ситуацию, оппонентов и прежде всего самих себя.

Мусаев волнуется, его почти неприметный поначалу акцент становится резче, он не находит нужных слов. Он вызывает у меня искреннее сочувствие и желание помочь, но не в ущерб интересам Службы.

Собеседник жалуется на то, что резидент не дал ему возможности вывезти личный багаж и часть вещей застряла на

месте.

Вот это уж совсем неправильно и мелочно. Это просто глупость. К счастью, поправить дело несложно. По телефону начальнику отдела: «Владимир Николаевич! У меня находится товарищ Мусаев, вы его знаете. Его личный багаж по непонятным причинам задерживается. Разберитесь, сделайте так, чтобы вещи были в Москве в течение недели и доложите мне!»

Но Мусаев еще не кончил. Оказывается, он считает себя жертвой армянской интриги. Здесь нужны предельное внимание и осмотрительность. Не дай Бог, зараза межнациональной розни поразит ПГУ. У нас работают люди тридцати с лишним национальностей, и могут найтись такие, кому будет выгодно устроить в разведке свой Нагорный Карабах. Ведь и там не простые труженики, а корыстные политиканы развели костер, чтобы поджарить себе яичницу на завтрак. Теперь пламя этого костра пожирает человеческие жизни.

Так вот, посол СССР в стране, где работал мой собеседник, армянин и выживает азербайджанцев. Действует он вместе с заведующим консульским отделом, тоже армянином. Резидента они просто одурачили и настроили его против Мусаева. Случалось так, что на несколько дней в командировку в страну приезжал заместитель начальника ПГУ, тоже армянин. Вся эта армянская компания и выжила честного азербайджанца. Мусаев уверен, что армяне будут преследовать его и в Москве. Ну и подарочек преподнес мне Мусаев к исходу дня!

С резидентом я знаком 38 лет. При всех своих достоинствах и недостатках это не тот человек, который позволил бы втянуть себя в свару на межнациональной основе. И вообще он прожил долгую и успешную оперативную жизнь, избежав мелочных, беспринципных конфликтов, столь часто отравляющих существование разведки.

С заместителем начальника ПГУ Вячеславом Ивановичем Гургеновым, который навлек на себя тяжкие подозрения Мусаева, меня связывает тесная дружба, не афишируемая, но хорошо известная в разведке. Нашему знакомству 37 лет, он на год позже меня, в 53-м пришел на индийское отделение Института востоковедения и одновременно со мной в ПГУ. Гургенов действительно армянин. Но он никогда не отдавал армянам предпочтения перед другими национальностями.

Мягко, подбирая самые уместные слова, я пытаюсь убедить Мусаева в необоснованности его утверждений, подробно разъясняю ему кадровую политику руководства комитета и ПГУ. Выкладываю, наконец, последний аргумент: неужели начальник ПГУ, у которого так много хороших друзей и в Баку, и в Ереване,

позволит кого-то притеснять на национальной почве? Пообещал, что прикажу еще раз внимательно рассмотреть и оценить оперативные дела моего собеседника (к сожалению, он сильно переоценивает свои успехи, в таких ситуациях этим грешат многие), говорю, что дальнейшие его назначения, включая заграничные, будут зависеть только от него самого, я же обеспечу полную объективность в отношении к нему его начальников. Предлагаю не стесняться, заходить ко мне, если возникнет нужда. Здесь я ничуть не кривлю душой: чем чаще будут бывать в этом кабинете рядовые работники, тем лучше я буду знать обстановку в Службе, а время для разговора всегда можно выкроить. Сверхзанятость начальства — это миф, придуманный самими начальниками.

Мусаев, кажется, удовлетворен, уходит умиротворенным. Мне же думается, что к мысли об армянской интриге он пришел не сам. Кто-то более хитрый подсказал ему, что начальство как черт ладана боится межнациональных разногласий и не сможет отмахнуться от человека, ставшего их жертвой. Есть над чем задуматься. Надо, чтобы на такие вещи обращали внимание оперативные руководители и кадровики. Это тема разговора — запись на длинном и узком листе бумаги, помеченном сверху завтрашним днем.

Беседа с Мусаевым оставляет неприятный, тревожный осадок, начинает ломить затылок.

Надо встать, походить по мягкому ковру, взглянуть в окно на тусклые огни фонарей. Десять шагов туда, десяток обратно… Со стены устремленным вдаль взглядом смотрит поверх моей головы с портрета Михаил Сергеевич. Во взгляде — исторический оптимизм, намек на знание, недоступное простым смертным, видение светлых далей…

Что же за личность оказалась во главе великого государства? Каждый проходящий день снимает с нее слой за слоем оболочку таинственности и необычности… Выдрессированный, дисциплинированный мозг пытается придать четкость неоформленным, блуждающим мыслям, толкает к бумаге и перу. Вот что он заставляет меня написать для памяти, для дальнейших размышлений:

«Авантюристом может стать только жизнелюбивый человек оптимистического склада. Он должен либо верить во всеобщий здравый смысл и имманентную склонность общества к прогрессу, либо считать себя единственно умным среди глупцов. В первом случае истоком авантюрных действий выступает стремление стать благодетелем человечества, во втором — стать над человечеством. Последствия в обоих случаях одинаковы.

Авантюризм отличается от политики тем, что поставленные цели не соизмеряются с имеющимися средствами, не рассчитываются заранее все возможные последствия принимаемых решений. В результате каждый последующий шаг принимает характер экспромта и ведет к новым непредвиденным последствиям.

За этим следует банкротство, которым воспользуются или более осмотрительные, или столь же авантюристичные политики. Последние пойдут по очередному нисходящему витку спирали».

Горько посмеиваюсь над собой — кукиш в кармане показал, классическое оружие русского интеллигента. Тем не менее обещаю портрету Михаила Сергеевича, что сниму его при первой же возможности.

В комнате отдыха проигрыватель, стопка пластинок. Борис Христов: «Жертва вечерняя», «Блажен муж…», «Ныне отпущаеши». Мягкий проникновенный бас доносится через открытую дверь, успокаивает разум и душу: «…Мы будем пить воду из реки жизни, чистую, как кристалл»… а пока надо работать.

Христов умолкает, время позднее, велик соблазн махнуть рукой на нечитаные бумаги и оставить их до завтра. Но завтра новые дела, и нельзя давать себе поблажки.

«Об активных мероприятиях внешней разведки КГБ, проект концепции»… Такие документы надо изучать на свежую голову. Сейчас его можно только по возможности внимательно прочитать — что-то останется в памяти, мысль будет невольно возвращаться к прочитанному, и когда откроешь утром этот документ, яснее увидишь весь замысел, все его слабые и сильные стороны.

Наше понятие «активные мероприятия» уже, чем американское «тайные операции». Это преимущественно тайное воздействие на события за рубежом в интересах содействия решению политических или оперативных проблем путем использования дезинформации и информации. Американские «тайные операции» предполагают применение силовых методов, вплоть до физической ликвидации оппонентов, оказания военной поддержки повстанческим силам и т. п. Наша Служба в разные периоды своей жизни тоже занималась подобными вещами. В ее истории убийство Троцкого и Бандеры, переброски оружия на Ближний и Дальний Восток, передача денег зарубежным компартиям и подготовка их кадров к нелегальной работе, содействие государственным переворотам, последний из них — в Афганистане. Служба «А» ПГУ, ведающая активными мероприятиями, ничем подобным не занимается. Несколько десятков опытных и интеллигентных людей, специализирующихся по политическим, военным или

экономическим проблемам, выявляют уязвимые места в позиции международных оппонентов Советского Союза, отыскивают или изобретают факты (изобретают очень правдоподобно), предание которых гласности ставит оппонента в затруднение, заставляет оправдываться, искать виновных на своей стороне, терять уверенность на переговорах. Оппонент ощущает, что проблемы у него едва ли возникли случайно, что за этим стоит КГБ, но все выглядит совершенно естественно, никаких доказательств нет — общественность, пресса, законодатели теряют доверие к политикам; страны «третьего мира» получают все новые и новые доказательства коварства западных империалистов; европейские союзники тревожатся из-за перевооружения Западной Германии; общественность взбудоражена американскими планами размещения нейтронного оружия в Европе. По миру начинает гулять письмо американского посла государственному секретарю, в котором посол откровенно и даже цинично излагает свой взгляд на политику страны пребывания. Посол действительно писал письмо — специалисты из Службы «А» лишь изменили несколько формулировок. Пострадавшей стороне очень сложно доказать: да, письмо было, и подпись на письме поставлена послом, но он этого не писал! Еще сложнее проблема, когда в печати появляются подлинные документы, которые должны храниться в строгом секрете. Это тоже работа Службы «А».

Направления тайных акций разведки определяются сверху — изредка в документах, чаще путем устных указаний. Служба «А» генерирует и формулирует конкретные идеи, изготавливает фальшивые бумаги, издает от имени подставных авторов разоблачительную литературу. Оперативные подразделения приобретают агентуру влияния, через которую реализуются замыслы Службы «А».

Идеология активных мероприятий в годы «холодной войны» была проста — нанести максимальный политический и психологический ущерб оппонентам, укреплять те силы и деятелей, которые с симпатией взирали на Советский Союз. Степень ожесточенности «холодной войны» определяла выбор методов. Напряженность возрастает — в ход идут жесткие приемы: фальшивые документы, подметные письма, компрометации политических деятелей, откровенная клевета. Меняется ситуация — и разведка убирает когти, но работа над приобретением агентуры влияния — политиков, редакторов газет, журналистов, ученых — не прекращается никогда.

Положение изменилось коренным образом. «Холодная война» закончилась. Победители с трудом скрывают торжество, побежденные пытаются делать вид, что противоборство

закончилось вничью.

Очередной проект концепции активных мероприятий настораживает — для авторов противодействие с Западом не завершилось, они готовы воевать и дальше, как авангардный отряд, еще не знающий, что проиграна и битва, и кампания, что их верховных предводителей дружески похлопывают по плечу и хвалят за искусство чужие генералы. Это эмоции, а суть дела в том, что линия разведки не может идти вразрез с государственной политикой, разведка не может ставить сама себе политические задачи. Она не творец политики, а ее инструмент.

Проект нуждается в капитальной доработке, и нужно будет подробно обсуждать его с начальником Службы «А» Макаровым, тоже старинным другом и однокашником. Много лет назад мы учились в одном отделении разведывательной школы № 101, жили в одной комнате, пили по вечерам чай из одного чайника, читали умные книги, бегали под «наружкой» по московским улицам, закладывали в подворотнях учебные тайники и очень гордились своей профессией.

Макаров работает допоздна. По телефону делюсь с ним впечатлением от проекта концепции. Уславливаемся продолжить разговор утром.

Надо бы сейчас пройти пешком по темному лесу, подставить лицо под холодные уколы снежинок, подышать бодрящим воздухом. Надо бы, но уже не идут ноги.

Дежурный вызывает к подъезду черную начальническую «татру». Сейчас в кабинетах у всех остальных дежурных — в отделах, службах, управлениях — зазвонили телефоны: «Вызвал машину…» Это значит, через несколько минут можно расслабиться, не будет никаких вопросов или указаний.

Шифровальщик докладывает, что есть несколько телеграмм, но они несрочные, могут подождать до утра. «Откуда и о чем?» Действительно, могут подождать.

При самой неспешной езде от подъезда до маленького домика под намокшими ржавыми дубами — две минуты. Мои водители приучены не спешить. На дороге, где не бывает посторонних, под колесами машин то и дело пропадают простодушные жители местного леса, мелкая непуганая живность — чижи и щеглы, которых давно уже никто не видел в Подмосковье, зачем-то выбирающиеся на дорогу кроты, ежи, полевые мыши, даже зайцы. Москва рядом, но недавно ломился в наши ворота кабан и крупной рысью прошла мимо проволочного забора пара лосей.

Поселок освещен равнодушным неоновым светом, осенняя хмарь его приглушает, и желтые окна домов кажутся

вырезанными в черном силуэте леса.

Дома тепло, сухо. В полном восторге набрасываются на хозяина истосковавшиеся от безделья собаки — старый лхасский апсо Мак, которому идет тринадцатый год, и молодая глупая бассет-хаунд Глория, перекрещенная для простоты в Глафиру. (Заведи себе собаку, и пусть она будет тебе эталоном человеческого отношения к людям.)

Информационная программа «Время» рассказывает о том, что уже отшумело, мелькают одни и те же лица, «говорящие головы»… Исторический оптимизм сквозь слезы. Некстати вспоминается постановление ЦК КПСС черненковских времен, предписывавшее всем средствам массовой информации напоминать аудитории об обреченности капитализма. Постановление было совершенно секретным и, видимо, поэтому не дошло до рядовых бойцов идеологического фронта.

Время отвлечься и почитать. Иван Солоневич — «Народная монархия», 1951 год, Буэнос-Айрес. Прислали по моей просьбе коллеги из Аргентины. Солоневич был эмигрантом, непримиримым врагом советской власти и исконным, без примеси, русским патриотом. Мои предшественники охотились за ним, где-то году в 38-м послали ему по почте бомбу, взрывом убило жену и секретаря Солоневича. Он остался невредим и продолжал писать.

«Мы стоим, — пророчествует Иван Лукьянович Солоневич, — перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Сейчас он загажен и замазан, заклеен лозунгами и заглушен враньем. Но он существует. Нужно очистить его от лозунгов и плакатов, от иностранных переводов и доморощенного вранья, нужно показать его во всей его ясной и светлой простоте. Но не в вымысле «творимой легенды», а в реальности исторических фактов. Наше будущее мы должны строить из нашего прошлого, а не из наших шпаргалок и программ, утопий и демагогии. Всю политическую работу нашего будущего мы должны начать совсем с другого конца, чем это делали наши деды и наши отцы, — иначе наши дети и внуки придут к тому же, к чему пришли мы: к братским могилам голода и террора, гражданских и мировых войн, — к новому периоду первоначального накопления грязи и крови, злобы и ненависти. Нам прежде всего нужно знать нашу историю, а мы ее не знали».

Любезный Иван Лукьянович! Нами правят профессиональные политиканы. Для них история начинается с момента вступления их на пост первого секретаря райкома. Они не знают ни своего народа, ни его истории, ни окружающего мира.

Ни одному человеку, которому хоть немного больно за

Россию, у которого нет виллы и банковского счета в США или Австрии, не советую читать Солоневича на ночь…

Телефонный звонок заставляет меня вздрогнуть и выругаться вслух.

Приятный женский голос:

— Леонид Владимирович? С вами будет говорить из машины Владимир Александрович!

— Добрый день! Вот что, завтра в десять вам надо быть на совещании у Зайкова, это по разоружению… Наджибу разъясните ситуацию с Гулябзоем, можете сослаться на меня, а подпишете сами… Что там еще новенького (звук затяжного зевка)? Ничего? Ладно, пока!

— Всего доброго/

Указания Крючкова записаны для памяти в блокнот, Солоневич отложен в сторону.

Есть несколько минут спокойного чтения. А. А. Майеръ — «Годъ въ пескахъ. Наброски и очерки Ахалъ-Тэкинской экспедиции 1880–1881 (Из воспоминаний раненаго)», Рыбинскъ, 1895.

Русский человек с немецкой фамилией, российский воин на самых дальних рубежах Отечества, родная душа…

«В штурмовой колонне кроме охотников была и небольшая морская команда; но командир их, молодой Майер, упал, не дойдя до рва. Он видел, как текинец в него целил, но не хотел согнуться перед матросами. Пуля попала ему в правую щеку, выбила десять зубов, пробила шею и вышла под мышкой. Кроме того, вместе с пулей в рану вошла грязная тряпка, заменявшая пыж…» Это пишет доктор Щербак, участник экспедиции.

«…Он видел, как текинец в него целил, но не хотел согнуться перед матросами…» Достанет ли мне мужества не согнуться?

Гаснет лампа, на оконном стекле беспокойные тени — дуб отряхивает последние листья.

Был день как день, трудов исполнен малых и мелочных забот…

ИЮНЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Москва страдает от жары. К середине дня раскаляются стены домов, размягчается асфальт. На пестром толкучем рынке, со всех сторон окружающем здание «Детского мира», появляются самодельные бумажные навесы, солнечные зонтики. Толкучка от этого становится еще неряшливее, придает самому центру Москвы колорит восточного города эпохи войн и революций. Впечатление усиливается обилием смуглых, усатых, с крючковатыми носами физиономий и полным отсутствием стражей порядка. Кажется, вот-вот из-за угла появятся всадники в папахах — персонажи из старинного фильма о Махно, толпа закричит и ринется во все стороны, бросая мелкий товар на панели. Ничего подобного, разумеется, произойти в действительности не может. За углом расположен респектабельнейший, только для иностранцев отель «Савой», за другим углом — новое серое здание Комитета госбезопасности. Немного поодаль — небольшая прогулка вдоль Политехнического музея — кварталы ЦК КПСС, где размещается рабочий кабинет президента СССР и генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Жарко на улице. В просторной комнате на четвертом этаже здания КГБ прохладно, кондиционер работает беззвучно, ковровые дорожки безукоризненно чисты, огромный стол накрыт белоснежной скатертью. Это столовая руководства Комитета госбезопасности. Ежедневно за столом в 13.30 собираются председатель КГБ и его заместители, если, конечно, кого-либо из них не задерживают неотложные дела. Заместитель председателя — начальник ПГУ бывает здесь редко — раз в неделю, а иногда в десять дней. Из Ясенева на Лубянку путь неблизкий, машин на улицах становится все больше, и быстрее чем за 40–50 минут не доберешься. Включать сирену и гнать, нарушая все правила, ради того, чтобы не опоздать на обед, кажется недопустимым.

Столовая на Лубянке привлекает не какой-то особенной едой, в этом отношении она немногим отличается от нашей ясеневской — без разносолов и деликатесов, но вкусно и быстро. За обедом можно услышать интересные, не для печати, новости, обменяться с коллегами мнениями по любой проблеме, получить разъяснения от председателя и — что, пожалуй, особенно важно — неприметно, в ходе общего разговора высказать для обсуждения какую-либо мысль и посмотреть, как прореагирует на нее Крючков.

Сегодня удалось доехать из Ясенева на удивление быстро, и я

оказываюсь в столовой первым, на пять минут раньше времени, и успеваю слегка утолить голод. Заходят коллеги, рассаживаются по раз и навсегда установленным местам. За последние полгода состав обедающих изменился. Вот усаживается И. К. Петровас, недавно назначенный на должность зампреда. В его ведении войска Комитета госбезопасности. Пока это две дивизии, переданные комитету Министерством обороны. Напротив меня — бывший заместитель начальника ПГУ Титов. Геннадий Федорович в начале года стал заместителем председателя — начальником Второго главного управления. Его предшественник В. Ф. Грушко, тоже выходец из разведки, делает быструю карьеру — он первый заместитель председателя. Крючков стремится окружить себя преданными людьми, такие у него были в ПГУ, остальные подразделения он знает слабо. Владимира Александровича это беспокоит, поскольку общественность в комитете с неодобрением отмечает, что руководство переходит в руки людей из разведки. Еще один первый заместитель — Гений Евгеньевич Агеев. Он пришел с партийной работы, долго был секретарем парткома комитета, сейчас курирует военную контрразведку, транспортную, так называемую «четвертую линию». Грушко и Агеев заменили двух ветеранов комитета — Филиппа Денисовича Бобкова и Николая Павловича Емохонова, людей опытных, осмотрительных, пользующихся авторитетом в государственных верхах. Поговаривали, что именно Бобков должен был заменить Чебрикова на посту председателя комитета в 1988 году, но председателем стал Крючков.

Мотивы таких решений никогда не разъясняются, но каждое новое назначение становится предметом неофициальных дискуссий, и выводы редко расходятся с действительностью. Бобков слишком тесно связан с борьбой против «идеологической диверсии», то есть с гонениями на диссидентов, он последователен, осторожно относится ко всякого рода новациям, способен твердо и прямо отстаивать свою позицию. В команду Горбачева образца 1988 года Бобков явно не вписывается. Видимо, Крючков показался Михаилу Сергеевичу более гибким, динамичным и податливым человеком, тем более что Владимир Александрович давно уже вошел в неофициальное окружение Горбачева. Думается, генеральный секретарь сильно заблуждался и не заметил за мягкой манерой, внешней гибкостью и послушностью Крючкова железной воли и упрямства, способности долго, окольными путями, но все же непременно добиваться поставленной цели. Есть у Владимира Александровича и еще одна внешне незаметная способность — подчинять себе людей.

Бобкова и Емохонова проводили из комитета со всеми

почестями: зачитали их проникновенные и патриотичные рапорты с просьбой об отставке, теплую речь произнес Крючков, были вручены ценные подарки, и два ветерана — генерала армии отправились продолжать службу в Инспекторской группе при министре обороны, называемой в просторечии «райской группой».

В ту же группу направлен и начальник всех советских пограничников генерал армии В. А. Матросов. Вадиму Александровичу уже исполнилось 70, он сух, прям, седовлас. Лоб генерала армии пересекают глубокие шрамы — память рукопашной схватки с медведем. В последние годы часто приходилось общаться с Матросовым по афганским делам. Мне кажется, что и в своем нынешнем солидном возрасте он мог бы схватиться с любым зверем. Теперь за столом сидит генерал-полковник Илья Яковлевич Калиниченко. В нашей чекистской компании он отличается солдатской простотой, открытостью, способностью говорить то, что думает. Илья прошел весь путь от рядового пограничника до начальника Главного управления пограничных войск, не пользуясь покровительством высоких сфер, только за счет своего труда и, конечно, удачи.

Сидят еще за столом главный кадровик комитета Виталий Андреевич Пономарев да Владимир Петрович Пирожков — очень милые, интеллигентные и во всех отношениях приятные люди.

Собрались все. Через несколько минут стремительной походкой в столовую входит Крючков, здоровается резким наклоном головы. Кажется, что любая медлительность председателю чужда.

— Что там новенького в Прибалтике, Виталий Андреевич? — без предисловий спрашивает Крючков. Пономареву поручено руководить работой комитетов госбезопасности в Риге, Вильнюсе, Таллинне.

— Все так же. Я утром разговаривал с Вильнюсом. Требуют отдать архивы, ведут себя жестко. Что-то мы в свое время упустили…

Минута молчания, и затевается разговор на беспокоящую всех тему. Недавно прошли выборы президента России. Ельцин одержал убедительную победу. Это удар по Горбачеву, КПСС и Комитету госбезопасности, принявшему довольно заметное участие в предвыборной кампании. КГБ неуклюже поддержал Рыжкова, не позаботившись даже скрыть свои уши. В первой половине мая по указанию руководства в комитете начался сбор подписей за выдвижение Рыжкова в кандидаты на президентских выборах. В подразделениях на этой почве произошли мелкие бунты, сотрудники запротестовали против вмешательства начальства в сугубо гражданское дело. В ПГУ отказались

подписывать листы все машинистки. История со сбором подписей стала достоянием печати, дошла до Ельцина, который потребовал от Крючкова объяснений. Не известно, как выкручивался председатель, но совершенно очевидно, что симпатий к комитету у Ельцина не прибавилось. Теперь Ельцин стал президентом России, а репутация у него человека, не прощающего обиды.

Да, вновь промахнулся комитет. Чем-то стала наша могучая организация походить на партийный аппарат — непродуманные, неуклюжие действия, мероприятия не координируются и толком не прикрываются, последствия не просчитываются. Лезем в совершенно незнакомую нам политику, где старые методы не срабатывают, а новых придумать не удосужились.

С месяц назад за этим же столом обсуждались шансы Рыжкова на избрание. Разговор шел дилетантский, и стало ясно, что ни у Горбачева, ни у Крючкова, ни у самого Николая Ивановича Рыжкова каких-либо основательных сведений о настроениях избирателей нет.

— Владимир Александрович, времени еще достаточно. Может быть, стоило бы силами комитета организовать быстрое изучение общественного мнения? Хоть как-то будем ориентироваться, а то ведь говорим, а положения дел себе не представляем…

Крючков едва уловимо хмурится и пропускает реплику мимо ушей. Зато очень решительно и резко реагирует Геннадий Федорович Титов.

— Это в ЛГУ сидят и ничего не знают. Тем, кому нужно, все известно!

Выпад неожиданный и многозначительный. Поднявшись по служебной лестнице, переместившись на Лубянку, поближе к председателю, Титов начинает вести себя некорректно. То, что он сказал сейчас, это бестактный, но не случайный выпад. Мой бывший заместитель ничего не делает случайно. Я свирепею и внятно ругаюсь матом.

Крючков продолжает жевать и делает вид, что не слышал перепалки.

Сегодня я с некоторым злорадством напоминаю об этом эпизоде (у Титова заинтересованное и сочувствующее выражение лица: вот, дескать, мы были правы, а нас не послушали).

— Владимир Александрович! Нет ли смысла поглубже проанализировать, почему же народ проголосовал за Ельцина, а не за Рыжкова? Надо бы попытаться понять, чем живет народ, а то будем и дальше промахиваться…

Все принимаются молча есть.

— М-да, — издает неопределенный звук председатель, — видимо, надо бы…

— Средства массовой информации народ одурачили. Вы только посмотрите, что они писали и пишут… — замечает кто-то.

— Подтасовки во многих местах были, — Председатель говорит об этом с некоторой неуверенностью.

Страшное раздражение и беспокойство толкают меня дальше:

— А что же наши средства массовой информации не смогли оболванить народ? Почему он не поддался нашей пропаганде? И еще, власть-то не переменилась. Почему все эти исполкомы, райкомы, госбезопасность, милиция допустили подтасовки? Почему наша сторона не смогла ничего подтасовать? Такие мы честные?

Кажется, меня с сочувствием слушают Петровас, Пирожков и Калиниченко. Председатель молчит. Это не значит, что он пропустил мои слова. Через какое-то время разговор может продолжиться по телефону, но может и просто повиснуть в воздухе. В мою душу закрадывается подозрение, что у Крючкова уже сложилась полная картина всего происходящего в стране, он пришел к каким-то твердым выводам и ему не нужна дополнительная информация, способная поставить эти выводы под сомнение. Появляется у меня еще одна тревожная мысль: председатель все чаще проявляет непонятное раздражение, когда говорит со мной. Иногда вспыхивают телефонные перепалки по пустякам. Крючков никогда не допускает грубости, однако резкость его тона мимо меня не проходит. Вполне возможно, что меня заносит, я слишком свыкся с ролью начальника разведки, слишком явно начал отстаивать ее самостоятельность и автономность. Может быть…

Встаем из-за стола расстроенные и расходимся.

Надо бы отвлечься от печальных мыслей и неприятного разговора, пройтись по Кузнецкому и Пушечной, потолкаться в толпе и заглянуть в букинистические магазины. Но магазины уже закрылись на обед, а просто прогулка по безобразно заплеванным, заваленным мусором, заставленным машинами тротуарам кажется совсем непривлекательной. Придется оставить книги до первой субботы после получки. Город не изменится — может быть, настроение будет другим.

Вперед! К целительной зелени и прохладе ясеневских рощ. Черная «татра» сдержанно взвывает, выползает из комитетских ворот, огибает захваченный блошиным рынком «Детский мир» и устремляется вниз по проспекту Маркса к Манежу. Слева мелькает памятник основоположнику научного коммунизма с какой-то хулительной надписью на постаменте, квадрига на фронтоне Большого театра справа давным-давно скрыта ремонтным сооружением, похожим на гигантский киоск для

мороженого.

Мимо Манежа, на большой Каменный мост, по Якиманке и дальше на юго-запад…

День начинается как обычно — радио, газеты, оперативные телеграммы, информация. Международная тема номер один — положение в Советском Союзе во всех его проявлениях: борьба за власть. Центр — республики, экономика, демократы — консерваторы, Горбачев — Ельцин.

С утра в верха прошла добротная и, на мой взгляд, интересная информация. В окружении Буша сделан вывод, что господствующая роль Горбачева в политической жизни Советского Союза завершилась, в полный рост встает альтернативная ему фигура Ельцина. Сохраняя прежние отношения с Горбачевым, Соединенные Штаты должны отныне уделять гораздо больше внимания российскому президенту — проще говоря, не связывать свою политику с проигравшим игроком. Судя по информации, американцам было бы жаль потерять Горбачева — он податлив и предсказуем, Ельцин для них пока неизвестная величина, но в серьезной политике нет места эмоциям.

Идет подготовка к встрече «большой семерки» в Лондоне. Весь мир оживленно обсуждает вопрос, пригласят ли на встречу Горбачева. Разведка информирует президента: его обязательно пригласят, но денег Советскому Союзу не дадут, и, видимо, было бы целесообразно с прямым обращением о финансовой помощи в Лондоне не выступать.

Сведения о поставках оружия из Венгрии в Хорватию; Югославию подталкивают к развалу и гражданской войне. Сербы с угасающей надеждой смотрят на Россию.

У Первого главного управления есть не только агентурная сеть и радиоперехват за рубежом, но и обширный круг контактов в политических, журналистских, официальных, научных кругах Советского Союза. Это контакты, как правило, неоплачиваемые, но и не афишируемые. С нашими работниками делятся информацией те, кто давно привык к этому, и те, кто не может найти выход своим сомнениям в новой обстановке, кто нуждается в надежном понимающем собеседнике. Такие люди находятся даже среди «демократов». Оказывается, для многих из них КГБ — анафема как социальное явление, но они с уважением относятся к разведчикам КГБ. Наши люди бывают на политических собраниях Межрегиональной депутатской группы и «Демократической России». Год назад мы в ПГУ подумывали о том, чтобы поставить сбор информации о положении в собственной стране на солидную организационную базу — иными словами, создать

группу, составить план, наладить учет контактов и информации. Что-то остановило уже занесенную было руку — пожалуй, мысль о том, что не стоит накапливать компромат на самих себя. Так и продолжали работать — без плана и без учета. Вот именно эта информация — кто и что о ком сказал, какие намерения вынашивают Ельцин, МДГ или «ДемРоссия» — стала пользоваться все большим спросом на самом верху. Я направлял ее без регистрации Крючкову, дня через два-три бумаги возвращались ко мне без резолюций и пометок. По некоторым признакам можно было догадываться, что из информации доводилось до президента. Не ясно было только одно — какие выводы делает президент, способен ли он адекватно воспринимать реальность.

Эти сомнения подкрепляются и рассказами контактов, и таким многозначительным эпизодом. ПГУ только что установило контакт с иностранной разведкой, и в Москву прибыл с конфиденциальным визитом один из ее руководителей. Нам хотелось подчеркнуть то значение, которое советская разведка придает этому визиту, и Горбачев согласился принять главу делегации. На беседе присутствовал Крючков, переводил сотрудник ПГУ. Поздоровавшись с гостями, Михаил Сергеевич начал говорить и говорил без умолку полтора часа, не задав гостям ни одного вопроса и не позволив им сказать ни единого слова. Он изложил идеологию, стратегию и тактику перестройки, сетовал на трудности, выражал оптимизм и между делом жаловался на КГБ, который пытается-де оказывать на него воздействие односторонней информацией. Не знаю, насколько интересны высказывания Горбачева гостям, для них важен сам прием у президента. На меня рассказ произвел удручающее впечатление — лидер замкнулся в себе. Я попытался проверить это впечатление в разговорах с людьми, которые имели возможность общаться с Горбачевым. Оно подтвердилось. Кто-то отметил резкий контраст между поведением Ельцина и Горбачева. Российский президент на одном из совещаний выслушал десятка два выступавших, непрерывно делал пометки, а затем кратко и внятно подвел итог обсуждению. Михаил же Сергеевич говорит, говорит и говорит.

Наше дело — собирать и давать информацию, задача Крючкова — пробивать невидимую броню самоослепления, плотно закрывающую лидера от внешнего мира. Нам хотелось бы, чтобы лидер правильно понимал ситуацию: мы не изобретаем неприятные для него новости, мы их только собираем.

Было утро, была информация, были обычные деловые разговоры с начальниками подразделений, а потом совещание несколько необычного характера.

Точно так же, как в любом высшем учебном заведении, в Институте имени Ю. В. Андропова существовала кафедра марксизма-ленинизма. С наступлением новых времен она была переименована в кафедру социально-политических наук. Меня давно занимал вопрос: что дает будущим разведчикам эта кафедра, помогает ли она хотя бы осмысливать суть наблюдаемых явлений или приобретать практически применимые навыки?

Личный опыт не вдохновлял. Дважды, в 1963/64, а затем в 1968/69 годах, на факультете усовершенствования, уже имея высшее образование и солидный опыт оперативной работы, я продолжал изучать марксизм-ленинизм под руководством этой самой кафедры. Суть учения заключалась в том, чтобы прочитать одну-две брошюры и по возможности без запинок, с задумчивым видом пересказать их содержание на семинаре. Казенный марксизм-ленинизм, совершенно одинаковый для всех кафедр на всех необъятных просторах Советского Союза, был средством поддержания единомыслия, разъяснения линии партии, но никак не познания жизни. Будущие разведчики исполняли необходимый идеологический ритуал, тратя на это десятки и сотни драгоценных учебных часов.

Начальник кафедры Б. Н. Чижов, профессора и преподаватели заходят в кабинет начальника разведки с некоторой неуверенностью. Никто и никогда не знает, чем обернется совещание у руководства — деловым обсуждением, внезапным разносом или пустым многоговорением. Последний вариант наиболее распространен, и каждый служивый человек к нему готов постоянно.

Я заинтересован в деловом, приближенном к нашим задачам обсуждении.

Ученые расселись по местам, перед каждым раскрытая рабочая тетрадь с грифом «Секретно», на лицах вежливое внимание.

Прошу присутствующих высказаться по таким вопросам:

— в чем цель преподавания общественных наук людям, имеющим высшее образование, в столь специфическом учебном заведении, как институт разведки;

— какие проблемы следует изучать и какими методами;

— что делает и что может сделать кафедра для того, чтобы институт выпускал надежные, преданные Отечеству и своему делу, думающие кадры.

Последняя позиция звучит как подсказка участникам совещания.

Слово предоставляется начальнику кафедры доктору Чижову. Раньше общаться с ним начальнику ПГУ доводилось, к

сожалению, мало. Начальник имеет дело больше с плодами разведывательного труда и редко обращается к корням — подбору, подготовке и воспитанию разведчиков. Именно там требуется вдумчивая и неспешная работа, которая даст результаты не завтра и не через месяц, а через годы и на годы. Эту работу нельзя подменить никакими срочными мерами, реорганизациями и указаниями.

Доктор Чижов умен, эрудирован. У него высокий лоб, открытое славянское лицо, ладная фигура, хорошо поставленный лекторский голос. Во всем его облике есть неброская привлекательность.

Чижов готовился к сегодняшнему историческому событию в жизни кафедры, текст его выступления заготовлен и отшлифован загодя. Похоже, профессор заучил его наизусть, ибо речь его льется гладко, он вовремя перевертывает странички, но в текст почти не заглядывает.

«…Перестройка… новая общественно-политическая обстановка… творческое переосмысление марксизма-ленинизма… приближение науки к решению практических задач в новых условиях… экономика, международные отношения… факультативные курсы» — все, что говорит Чижов, логично, разумно, своевременно. Интересно, как же все это выглядит на деле?

— Кафедра разработала курс лекций на тему «Философские основы нового мышления»… — льется голос профессора.

— Что-что?

— Философские основы нового мышления…

— Извините, продолжайте!

Делаю пометку, по этому поводу совершенно необходимо высказаться.

В целом выступление Чижова мне нравится, его коллеги выскажутся по конкретным вопросам, и мы наметим какую-то канву действий на будущее.

Профессор завершает речь, несколько повышает голос, придает ему столь знакомый всем нам торжественный оттенок и говорит: «Заверяем вас, что коллектив кафедры с честью выполнит задания партии». Возможно, было сказано «…партии и руководства».

Вот-те на, вот так ученые! На дворе середина 91-го года, партия и формально, и фактически отказалась от руководящей и организующей роли, КГБ — государственный, а не партийный орган. Неужели все это прошло мимо кафедры или Чижов просто оговорился? Столько лет мы бездумно повторяли это клише — «задания партии», что оно будет вновь и вновь выскакивать во

сне, в бреду, просто в задумчивости. Самое интересное, конечно, если Чижов не оговорился и слушателям по-прежнему вколачивают в голову преданность партии. Какой партии — Горбачева? Александра Николаевича Яковлева? Шостаковского? Или Ивана Кузьмича Полозкова? Или же нашей комитетской партийной организации во главе с Николаем Ивановичем Назаровым? Мелькает и еще одна профессиональная мысль - как скоро «демократы» или окружение Ельцина узнают, что в разведке под видом служебных совещаний проводятся тайные партийные собрания? Время нынче такое — время всеобщего доносительства, предательства, зловещих шепотов и подозрений. Утечка информации из ПГУ идет двумя потоками — к демократам и в комитетские верхи, перекрыть их я не могу, хотя утечка раздражает меня до крайности. Выход есть — твердо стоять на служебной почве и отбивать попытки втягивать разведку в открытую политическую борьбу. Тайно мы в ней участвуем на стороне Горбачева — Крючкова, но об этом может знать только узкий круг надежных людей.

Вношу ясность в вопрос о взаимоотношениях разведки и партии и не удерживаюсь — высказываюсь по поводу курса «Философские основы нового мышления».

— Задача разведывательной науки и вашей кафедры заключается не в том, чтобы обосновывать очередную концепцию начальства. На нашем веку этих концепций бьши десятки, и общественная наука, включая и вас, уважаемые коллеги, бросалась со всех ног отыскивать философские основы очередного заблуждения или конъюнктурной выдумки аппаратных верхов. Не дело науки — толковать директивные установки, пусть это делает партийная организация, а применительно к служебным задачам — оперативное руководство.

В глазах присутствующих загораются огоньки — начальство говорит что-то необычное и, пожалуй, крамольное. Двое-трое согласно кивают и сдержанно улыбаются, у других лица каменеют. Коллектив разведки раздирается, как и все наше общество, противоречивыми взглядами на перестройку, судьбу партии, Горбачева, на все, что с нами происходит. Дискуссия, однако, не вспыхивает. Дисциплина есть дисциплина, это именно то, что выручает и будет выручать разведку в трудные времена.

Обсуждение идет живо, корректно и по делу. Совершенно очевидно, что нынешнее положение с преподаванием общественных наук в институте удовлетворять разведку не может. Мы робко, с оглядкой тянемся за жизнью, боясь сделать хоть какой-то упреждающий шажок. Так было всегда, отсюда и ученое

толкование конъюнктурных установок. Дальше так быть не может.

Договариваемся в принципе о том, что кафедра должна давать слушателям не только сумму конкретных знаний, но прежде всего привычку думать, осмысливать проблемы, учить не «новому», а реалистическому, самостоятельному мышлению. Кафедре нужно заботиться о том, чтобы ее усилиями у слушателей укреплялось чувство патриотизма, преданности Отечеству и Службе, своему товариществу. Они должны знать подлинную историю своего народа, видеть вековечные устои нашего государства и не захлебываться в мутной воде фальсификаций прошлого. Думается, что за счет общего расплывчатого пока курса надо вводить больше факультативных конкретных дисциплин. Слушатель и его оперативные руководители должны иметь свободу выбора, готовить разведчика не вообще, а к работе под конкретным прикрытием и по конкретным проблемам. И еще, преподаватели кафедры должны изучать настроения своих подопечных, подсказывать способы воздействия на них.

Договорились, что через несколько дней вновь встретимся с начальником кафедры. Кажется, он не в обиде за мои разъяснения. Впрочем, трудно сказать. Он работает в разведке, а угадать, что в самом деле думает наш человек, непросто. Кстати, именно за это разведчиков недолюбливают сотрудники Управления кадров КГБ: «Да, у вас там такие люди, что никогда не поймешь, что у них на уме». Что ж, как раз такие нашей Службе и нужны.

Остаюсь в кабинете один, прошу принести стакан чая покрепче, курю и, глядя в окно на яркие зеленые березки, раздумываю. Если будем жить только сегодняшним днем, заниматься текущими делами и лишь реагировать на происходящее, волна грядущих перемен сметет и изуродует ПГУ. Разведка — национальный институт, в каком-то смысле символ могущества нашего Отечества, ненавидимый противником и уважаемый союзниками. Разведка создавалась многими поколениями наших предшественников, она не принадлежит ни нам, ни нынешнему руководству, она лишь доверена нам во временное управление, и мы должны передать ее своим преемникам более сильной, более умной, более изобретательной, что бы ни происходило в мире и у нас дома.

Сегодняшнее обсуждение не радует. Разведка плохо заботится о своем пополнении, и учащающиеся случаи предательства тому свидетельство. Нельзя оправдываться ни усилившимся давлением на разведку со стороны противника, ни

политической и идейной смутой, ни материальными трудностями. Все это есть, и все это работает против нас, мы не в силах изменить мир, в котором живем. Но мы обязаны так знать, так проверять, так готовить людей, чтобы они могли устоять перед любым воздействием и сохранить верность своей земле и своей Службе. У нас это не получается, мы ищем мгновенные магические решения, которые не существуют в природе.

Прошу заглянуть ко мне начальника Управления кадров Анатолия Александровича.

Звонят телефоны, и я звоню по телефону, быстро просматриваю лежащие на столе бумаги. Очень много лишнего, маловажного, бессодержательного. Эта беда не только нашей государственной машины. Иногда любопытства ради я просматриваю всю текущую переписку какого-либо иностранного министерства внешних сношений, чужого посольства или другого учреждения. Они тоже тонут в море бумаг. Есть, правда, некоторое отличие: большая часть их бумаг напечатана на компьютерных принтерах, а у нас — на пишущей машинке. Но стиль, мысли или отсутствие мыслей одинаковы.

С Анатолием Александровичем продолжаем давно начатый разговор. Разведка нуждается в реформировании — не структурной реорганизации, которые обычно осуществляются в нашем государстве одним судорожным рывком, не в повальной замене руководящих кадров и не во всеобъемлющем приказе, единым махом обозначающем все дефекты и меры по их устранению, а в осторожном, последовательном, продуманном реформировании. Разведка — живой организм, требующий к себе бережного отношения.

Наш кадровый начальник молод, ему далеко до 50, вдумчив и энергичен. В укор ему ставят излишне назидательный, командирский тон. Иногда при удобном случае советую ему быть помягче с людьми, побольше прислушиваться к их мнению. Анатолий Александрович соглашается. Важно то, что он не только мыслит правильно (это значит — так же, как начальник ЛГУ), но толково действует, без напоминаний и понуканий, со спокойным энтузиазмом. Анатолия Александровича приметил и «вывел в люди» Крючков — в этом случае, думается, шефа чутье не подвело.

Еще раз проходимся по всем направлениям уже ведущихся и замышляемых преобразований: подбор и изучение кандидатов в Службу; институт, качество его преподавания, обучения и воспитания слушателей; оперативные отделы должны заниматься своим будущим работником еще до того, как он переступил порог института; начальники должны поменьше вмешиваться в дела

резидентур и побольше заботиться о тех, кто будет вести агентурную работу за рубежом; разработать реальную систему стимулов и оценок — не арифметическую формулу, которую предлагает Управление «Р». Разведка нуждается в омоложении, у нас слишком много пожилых, уставших, равнодушных людей на командных должностях. Они все видели и все знают, среди них очень много способных работников, но они находятся во власти инерции. Опыт — это не столько крылья, сколько тяжелые доспехи, мешающие человеку двигаться.

Есть и еще проблема: внешняя политика страны теряет динамику, сфера ее активных интересов сокращается, Советский Союз уходит из Африки, Латинской Америки, Азии. Это уже объективный процесс, но разведка делает вид, что она этого не замечает, и продолжает работать с размахом, приобретенным в конце 60-х — начале 70-х годов. Появились новые важные проблемы — экономические, разоруженческие, и мы с трудом находим кадры, которые могли бы ими компетентно заниматься. Надо энергичнее искать новые прикрытия, сокращать непомерно и не по делу раздувшиеся резидентуры, лучше зашифровывать работников.

Прикидываем с Анатолием Александровичем, что уже сделано и что предстоит сделать, как двигаться вперед в этом сложном и деликатном предприятии. Не галопом, а ровным шагом, не упуская контроля и постоянно видя цель — повышение боеспособности и эффективности разведки.

Есть и еще одна кардинальная проблема. Разведка — часть системы государственной безопасности, звено в цепи карательных органов. Так сложилось исторически. С оперативной точки зрения это очень удобно, ибо разведка может использовать ресурсы всего комитета. Политическая ситуация невыгодная. Разведке было бы лучше выделиться в отдельное ведомство, как это и есть во многих государствах. Вопрос об отделении все чаще ставится на совещаниях и собраниях в ПГУ, он становится больной темой для разведчиков, и это, разумеется, не секрет для председателя. Мне даже не нужно выяснять его позицию — он категорически против. Я сдерживаю «сепаратистские» настроения. Если вывести разведку из КГБ или даже затеять официальное обсуждение этой проблемы, комитет начнет разваливаться и утратит остатки своей и без того ограниченной боеспособности. Это будет тяжелым ударом для нашей стороны в политическом противоборстве. Несмотря на свою неприязнь к Горбачеву и разочарование в партийных вождях, я все же твердо стою на «нашей» стороне. Противоположная, рвущаяся к власти сторона меня просто-напросто пугает. У ее деятелей те же дефекты, что и у наших. В

конце концов, их лидеры выращивались в том же аппаратном инкубаторе, что и наши, усвоили те же ценности, у них то же отношение к людям. Но противная сторона беспардоннее, беспринципнее, разухабистее и еще плотнее, чем горбачевская компания, льнет к американцам. Вопрос об отделении разведки от КГБ, таким образом, замораживается.

Но все это было утром, до обеда на Лубянке.

Телеграмма из Кабула и телефонный разговор с Реви-ным. Произошло что-то неожиданное и пока не вполне ясное: президент Наджибулла разрешил бывшему вождю афганского народа Бабраку Кармалю возвратиться из Москвы в Афганистан. Кармаль сидит в Москве с 1987 года, оказался он здесь по решению политбюро ЦК КПСС, которое пошло навстречу пожеланиям Наджибуллы. Естественно, все происходило при самом деятельном участии нашей Службы: добровольное желание Кармаля покинуть Афганистан, организация отлета из Кабула, встреча и устройство в Москве… Вдали от родины, от афганских гор Кармаль тосковал, ругательски ругал Наджибуллу, возмущался поведением советских товарищей, требовал дать ему возможность возвратиться домой. Наджибулла стоял твердо: Кармаль способен только вызвать смуту, ситуация достаточно опасная и без этого. И вдруг Наджибулла дает разрешение, Кармаль уже пакует чемоданы и собирается лететь следующим рейсом «Арианы». (В Москву четыре года назад он прилетел специальным рейсом, но без почестей.)

Случилось же вот что. Заседал политисполком партии «Ватан». Заседание прошло исключительно гладко, в атмосфере непривычного единения, согласия и братства. Безупречно вел себя брат Кармаля Барьялай, постоянно досаждающий президенту интриганством. Короче говоря, участники были довольны друг другом, и когда Барьялай предложил поехать к нему поужинать, все с удовольствием согласились. Ужин сопровождался выпивкой, и в этом не было ничего особенного. Афганцы — мусульмане, но к запрету на спиртное, как, впрочем, и ко всем другим запретам, относятся весьма либерально. Выпили, Доктор совсем пришел в доброе настроение, был оживлен, рассказывал анекдоты, до которых афганцы большие охотники, шутил.

Барьялай на минутку отлучился, а затем подошел к Доктору с телефонной трубкой, сказал, что на проводе Кармаль, не хочет ли товарищ президент с ним переговорить. Захваченный врасплох президент согласился, тон Кармаля был неожиданно теплым, и… дело было сделано.

Ревин успел переговорить кое с кем из афганцев. Общее мнение — Барьялай и Кармаль провели президента. Кармаль

сейчас в Афганистане не нужен. Дело понемногу идет к политическому урегулированию, Наджибулла держится прочно. Появление Кармаля в этот момент возбудит оппозицию, вновь обострится вопрос о деятельности партии в период правления Кармаля, о вводе советских войск. В общем, лучше бы Кармаль сидел в Москве. Но если он и возвратится, то тоже ничего страшного, сторонников у него не много. Сам Барьялай с утра успел побывать у президента, клялся, что никакой политической игры не ведет и разговор с Кармалем произошел непреднамеренно, даже слегка всплакнул.

Ну что ж, не трагедия, хотя, конечно, было бы лучше не вводить в неустойчивую афганскую ситуацию новый неблагоприятный элемент.

Поднимаю трубку, докладываю Крючкову.

Председатель на секунду озадачивается и начинает ругаться.

— Как же так Наджиб промахнулся? Разве можно такие вещи решать наспех? Может быть, сам Наджиб затевает какую-то игру и темнит?

— Едва ли… Судя по всему, его просто застали врасплох и он с мыслями не успел собраться.

— Да, это большая ошибка, Наджиб еще не раз о ней пожалеет… Пытаться задерживать Кармаля в Москве, видимо, не стоит?

— Невозможно и нет смысла.

— А куда вы смотрели?! — взрывается вдруг председатель. — Когда был разговор? Что там Ревин делает?

Возможно, Крючков забыл, что мы прекратили прослушивать телефонные разговоры Кармаля в Москве еще в 87-м. Послушали недели две-три, ничего интересного не услышали и бросили. Так что узнать о разговоре сразу здесь мы не могли. Ревин же проявил, на мой взгляд, похвальную оперативность.

— Разговор был вчера поздно вечером, Ревин узнал о нем утром, выяснил все детали…

— Пусть встретится с Наджибом и подробно обсудит ситуацию… Как же он мог так промахнуться? А сейчас подготовьте сообщение для Михаила Сергеевича, Язова и Бессмертных.

Владимир Александрович переживает. Он делает многое для того, чтобы помочь Наджибулле удержать власть, сохранить на южных границах Советского Союза дружественный нам или, по меньшей мере, невраждебный режим. Над-жибулле принадлежит ключевая роль в реализации этого замысла, и вдруг президент Афганистана допускает такой элементарный промах. Мне думается, что председатель придает слишком большое значение

Кармалю. Он свое отыграл и ни помочь, ни серьезно помешать Наджибулле не сможет. Держу тем не менее язык за зубами. Момент для разговора на эту тему наступит, придет дополнительная информация, тогда можно будет во всем спокойно разобраться. Опасность Наджибулле исходит не от Кармаля и не от оппозиции, а от ненадежных советских союзников. Восточноевропейских друзей наше руководство уже бросило на съедение. На очереди Афганистан и Куба. Советский Союз и его друзья расплачиваются за «общечеловеческие ценности», «новое мышление», за «демократический и гуманный социализм», за нобелевские и иные премии.

Кстати, у меня вновь мелькает мысль, что председатель придает слишком большое значение отдельным личностям. Похоже, что для него большая политика — это прежде всего сплетение отношений между крупными политическими фигурами: кто-то с кем-то в союзе, кто-то тайно ищет поддержку на стороне. На сцене много, очень много актеров, одни выходят к рампе, другие прячутся в тени, скрываются за кулисами и появляются вновь в неожиданный момент. Играется очень сложная пьеса. Если сначала был какой-то сценарий, то теперь все импровизируют, объединяются в группки, уводят действие в сторону. Огромный зрительный зал скрыт в темноте, загадочно молчит или вдруг начинает шуметь, недружно аплодировать, непонятно кому и чему.

Нет, конечно. Не так видит политику председатель, он умен, опытен и информирован. Тем не менее подозреваю, что действо на сцене, в котором он не последняя фигура, заставляет его забывать о безмолвном, беспредельно большом зрительном зале.

На пульте вспыхивает кнопка, раздается негромкий мелодичный сигнал. Просит разрешения зайти с докладом начальник Управления внешней контрразведки Валентин Петрович Новиков. Его предшественник Л. Е. Никитенко скоропостижно скончался в прошлом году во время короткой командировки в Бразилию. Обстоятельства смерти, результаты вскрытия не дают оснований подозревать чью-то грязную игру, но в нашем мире бывает всякое. Конфиденциально обращаемся к коллегам из ЦРУ с просьбой поинтересоваться, действительно ли Никитенко умер своей смертью от сердечного приступа. Естественно, у американцев в Бразилии неизмеримо большие возможности, чем у нас. Коллеги с полным пониманием и сочувствием относятся к просьбе и через некоторое время сообщают, что никаких подозрительных моментов не выявлено. Контакты такого рода у КГБ с ЦРУ установились давно, но в том, как американцы прореагировали на наше обращение, есть нечто

гораздо большее, чем деловые соображения. Совершенно явственно проявляется чувство профессиональной солидарности. Мир действительно изменился. Спасибо коллегам. Не сомневаюсь, у нас будет возможность отплатить добром за добро.

У начальника внешней контрразведки документов для доклада, как правило, не много. Проблем же — и текущих, и долгосрочных — великое множество. Начинаем с конкретных.

В результате проводимого обследования в здании посольства СССР в Вашингтоне обнаружено еще несколько подслушивающих устройств. Есть предложение устроить выставку, подготовить несколько хороших стендов с фотографиями, схемами, образцами секретных изделий и показать все это зарубежным и советским журналистам. Американская сторона шумит по поводу того, что КГБ установил технику подслушивания в новом здании посольства США в Москве, но никакими вещественными доказательствами не располагает. Будь в их распоряжении хоть кусок проволоки, они повесили бы на нем весь наш МИД. Давайте утрем им нос! Докладная записка, адресованная президенту СССР Горбачеву, визируется начальником ПГУ и будет направлена на подпись председателю. Наши техники поработали отлично, но надо отдать должное и американской инженерной мысли. Вот одно из устройств-роботов. Небольшой цилиндр закладывается в бетонную строительную конструкцию еще тогда, когда раствор только залит в форму. Раствор твердеет, на поверхности конструкции нет никаких признаков того, что в ее теле прячется подслушивающая закладка. Завершится проверка, советские технари облазят все здание и, разумеется, ничего не найдут. Через какое-то время мощный радиосигнал из близлежащего дома разбудит спящего робота. Медленно уйдет внутрь торцовая крышка черного цилиндра, оттуда выдвинется сверло, которое прогрызет тонкое отверстие в бетоне. Пройдя строго вымеренное расстояние, сверло медленно уйдет в цилиндр, а его место в отверстии-звуководе займет сверхчувствительный микрофон. Да, передовая наука и техника не перестают служить человечеству, хотя иногда неожиданными способами.

Подготовлен интересный материал — список всех сотрудников английской разведки, работающих за рубежом под прикрытием официальных должностей. Есть и проект рапорта председателю с предложением опубликовать с помощью «имеющихся возможностей» этот список за рубежом. Замысел понятен. Публикация может привлечь внимание и в соответствующих странах, и в самой Англии. Обязательно найдутся газеты и члены парламента, которые обратятся с неприятными вопросами к правительству Ее Величества.

Английская разведка будет вынуждена оправдываться, кого-то срочно менять, чью-то деятельность ограничивать, принимать дополнительные меры предосторожности, особенно в недружественных странах. Хлопот мы англичанам, несомненно, доставим.

— Два вопроса у меня. Первый — не доберутся ли они до источников?

— До настоящих не доберутся, а кое-кого, видимо, уволят. Они клюнули на приманку и подозревают «Роберта».

(Ведется игра, отдающая немного духом «холодной войны». Несколько загадочных телефонных звонков, «случайные» пересечения маршрутов установленных советских разведчиков и ничего не подозревающего сотрудника английской разведки «Роберта», упоминание его имени нашим сотрудником в третьей стране агенту-двойнику, работающему на англичан, — все это в совокупности бросает тень на честного «Роберта» и отвлекает внимание контрразведки от реальных объектов. Контрразведчики профессионально подозрительны и легко попадают в ловушки. Достаточно припомнить, что у англичан в свое время попал под подозрение сам начальник контрразведки Холлис.)

— Хорошо. Вопрос второй — стоит ли вообще связываться с этим делом? Мы чувствительно уколем, но не парализуем англичан. В списке есть интересные для нас люди, вы знаете, а мы и их поставим в сложное положение. Нет, надо еще раз хорошенько взвесить все плюсы и минусы дела. Поработайте, пожалуйста.

Валентин Петрович согласен. У него самого были сомнения, но уж очень напирает исполнитель, и он решил посоветоваться со мной.

— Кстати, как там наши негодяи?

— Гордиевский готовит новую книгу. Англичане хотят опубликовать все документы, которые он украл из резидентуры. Давят, требуют вернуть Гордиевскому семью. Кузичкин безобразно пьет, жена, наверное, его скоро бросит. Оба страшно трусят…

— Иногда жаль, что времена меняются. Их надо было бы гнать до последней ямы…

Тема для всех нас тяжелая. Предатели избегают кары. Это офицеры, продавшиеся противнику и активно работающие против своей бывшей родины. Радуйтесь, сукины дети! Возможность того, что наша рука когда-то дотянется до вас, продолжает уменьшаться. Спивайтесь спокойно!

— Ладно, что еще?

— Рапорт на деньги для «Фишера». Такую сумму может

санкционировать только председатель.

— Отчет о работе нашего сотрудника Н. с предложением о прекращении мероприятий. Вы помните, мы его подозревали. Теперь можно твердо сказать, что он чист.

— Так можно выпускать его в командировку?

— Можно.

Валентин Петрович лаконичен, сух. Это его обычная деловая манера — ни одного лишнего слова.

Уславливаемся, что Управление «К» внимательно и без промедлений проработает вопрос о системе защиты секретоносителей из числа советских граждан, находящихся за рубежом. Работать по-старому и объять необъятное невозможно — совграждане повалили за рубеж сотнями тысяч, многие из них советские посольства обходят, попадают в лапы аферистов и уголовников. Впрочем, это не забота разведки. Нас беспокоит то, что поток уносит государственные, технические и научные секреты, что обратно он несет агентуру. Наши источники отмечают повышенный интерес ЦРУ к новым политическим деятелям и особенно к народным депутатам. Американцы считают, что именно через них можно получить доступ к наиболее интересной, тщательно скрываемой от посторонних глаз информации.

Вывод верный. Власть в растерянности, а народные избранники чрезвычайно настойчивы и любознательны, лезут во все щели. Разумеется, западным партнерам нужны и те люди, которые на нашем языке называются агентурой влияния.

Разведка уже привлекала внимание руководства Верховного Совета к этому вопросу, высказывала мнение, что было бы неплохо как минимум наладить учет поездок депутатов и интересоваться, кто их оплачивает. Сделано это не было. Следовательно, надо вновь и вновь напоминать, что здесь источник угрозы государственным интересам СССР.

На книжной полке — достаточно обернуться и протянуть руку — новый боевик американского писателя Клэнси «Сумма всех страхов».

— Есть минутка, Валентин Петрович? Вот, послушайте, художественная иллюстрация наших опасений. Ситуация вымышленная, но близкая к реальной. Первый заместитель председателя КГБ Головко консультируется со своим американским коллегой по проблеме парламентского контроля над разведкой. Собственно, мы уже получили советы от некоторых западных коллег. Так вот что пишет Клэнси: «Райан надеялся, что в числе тех, кого Головко выберет для осуществления контроля, будет Олег Кириллович Ка-дышев,

псевдоним Спиннакер. Средствам массовой информации он известен как один из самых блестящих советских парламентариев в неуклюжем законодательном органе, пытающемся создавать новую страну. Его репутация умного и неподкупного деятеля скрывает то, что уже несколько лет он находится на содержании ЦРУ… Игра продолжается, — подумал Райан. — Изменились правила. Изменился мир. Но игра продолжается». Здорово похоже на правду, Валентин Петрович? Видно, у автора есть не только воображение, но и приятели в ЦРУ?

— Да, картинка с натуры. Только наши боссы по-английски не читают.

— Пишите подоходчивее по-русски! Анонимщика в 18-м отделе нашли?

— Нет еще, но уже определили примерный круг, два человека. Ждем результата графологической экспертизы.

— Ускорьте экспертизу. Анонимщика надо отловить и с позором, в назидание другим, выгнать.

Раз в несколько лет в ПГУ появляется анонимщик — приходит безымянный поклеп на кого-либо из сотрудников. Нынешняя жертва готовится к выезду в командировку. Анонимки должны уничтожаться без рассмотрения. Везде, только не в ПГУ. Мы должны отыскать автора (судя по некоторым деталям, он работает рядом с объектом доноса) и выгнать его. Анонимщик — это готовый предатель. Искать трудно, нужно время…

Новиков уходит. Появляется очень молодой, очень скромный человек, представляется: «Товарищ генерал-лейтенант! Слушатель Краснознаменного института лейтенант Сергеев по вашему указанию прибыл!»

Лейтенант Сергеев, слушатель второго курса, подал рапорт об увольнении из КГБ. Принципиальный подход определен — никого не удерживать. Мне нужно из первых уст узнать, почему молодые люди уходят из Службы.

История оказывается совершенно тривиальной. Сергееву обещали, что через полгода после окончания института, в начале 92-го, его отправят в командировку за границу, в страну с твердой валютой и мягким климатом. Он обнадежил этой перспективой свою жену — будущее материальное благополучие тоже может быть фундаментом супружеского счастья. Жена согласна потерпеть нынешнюю нужду, но на днях Сергееву объявили, что планы меняются и ему придется подождать два-три года. Он посоветовался с женой, и они вместе решили, что ждать смысла нет, тем более что их однокурсник предлагает Сергееву хорошее место в новой коммерческой фирме. Там ему понадобятся и английский, и французский языки, которыми он

свободно владеет. Рассказ бесхитростный и честный. Расставаться с Сергеевым не жаль, а к нему самому я начинаю испытывать невольное сочувствие. Добрый и безвольный человек (куда смотрели кадровики?!), всегда хорошо учился, слушался старших, теперь попал под каблук жены (вот с кем надо было бы поговорить!), плывет по течению. Окажись он в резидентуре, работал бы добросовестно, переживал неудачи, но думал бы не столько о деле, сколько о настроении жены. Интересно, сумел бы он устоять от соблазна, дать отпор попытке подкупить его? Пожалуй, сразу же начал бы раздумывать, как воспримет это жена.

— Ну что ж, разубеждать и удерживать вас я не буду. Вы — зрелый человек и делаете сознательный выбор. Не в ваших и не в наших интересах, чтобы ваша принадлежность к КГБ стала широко известна. Вы договорились о документах?

— Да, мне обещали… Я понимаю…

— Вот и хорошо. Устраивайтесь в новой жизни. Если будет тяжело, можете обратиться ко мне за помощью. Вот мой прямой телефон. Если что, звоните, напомните наш разговор… Думаю, и вы не откажетесь нам помочь, если потребуется?

— Конечно, с удовольствием.

До свидания, неудавшийся разведчик! По крайней мере, ты не врал и не ссылался на идейные причины. Может быть, тебя, честного и простоватого человека, судьба пощадит, в чем я лично глубоко сомневаюсь. Спасибо за то, что не остался в разведке!

У меня инстинктивное предубеждение против мужчин, подпавших под влияние женщин, и против женщин, подавляющих своих мужей. Меня раздражает приятная физиономия и складненькая фигура Раисы Максимовны, следующая как тень по экранам телевизоров эа Михаилом Сергеевичем. По долгому опыту работы в разведке знаю, что к добру такая семейная идиллия не приводит. Как-то я попытался изложить Крючкову свой взгляд на этот предмет. Председатель прореагировал сочувственно, но неопределенно. Потом я узнал, что начальник 9-го Управления Плеханов деликатно дал понять Горбачеву, что не весь народ одобрительно воспринимает Раису Максимовну. Здесь президент проявил мужскую волю: побагровел, стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули телефоны, и приказал Плеханову не лезть в его личные дела. Так что Бог с ним, с Сергеевым, не он первый, не он и последний.

Перекур, стакан крепкого чая (наверное, внутри я желтый, как китаец), десяток шагов по мягкому ковру в одну сторону, десяток обратно. За окном купаются в солнечных лучах березки, удивительно голубое, как в Персии, небо, постукивают

каблучками по асфальту воздушные, в светлых одеждах женщины. Жизнь гармонична, разлад в нее вносят люди. Мы все хотим привести действительность в соответствие с неразберихой своих мыслей.

Немым укором смотрят с полки стопка научных работ НИИРП, несколько книг, только что поступивших в библиотеку, последний номер «Форин афферс», «Вестник Министерства иностранных дел». Информационный шум… До чего же много в мире вещей, которые мне совершенно не нужны… Деваться некуда, не хочешь остаться на месте — беги изо всех сил вперед. Карандаш в руку, стопку на стол. Все, что не нужно, вернуть в библиотеку, остальное читать, отмечать полезное, отдать машинистке перепечатать и затем перечитать вновь. Так самое необходимое может удержаться в памяти.

Отвлекают звонки, мы живем в век телефонного террора. Мир изменится в лучшую сторону лишь тогда, когда люди научатся говорить кратко.

Время принимать очередной доклад Управления информации. Заходит Михаил Аркадьевич. Хренова оплакали, похоронили, помянули. Он был в сознании до последнего часа, уходил из нашей беспокойной жизни с мужественным достоинством. Светлая ему память!

Работать с Михаилом Аркадьевичем приятно, и тем не менее я частенько вспоминаю Хренова. Покойник не боялся поспорить с начальством, а это неоценимое качество в информаторе.

Пяток телеграмм: наша страна глазами иностранных дипломатов, разведчиков, политических деятелей; факты, наблюдения, оценки, которые предназначены для глаз зарубежных лидеров, но никак не для Москвы. Советская проблематика доминирует в информационном потоке, идущем из ПГУ наверх. Это вызвано, во-первых, тем, что положение в Советском Союзе прочно стало международной проблемой номер один, и, во-вторых, Кремлю, совершенно очевидно, не до событий, которые совершаются в различных уголках земного шара. Область советских внешнеполитических интересов сокращается, как шагреневая кожа. Если несколько лет назад разведка не успевала дать упреждающую информацию о государственном перевороте в какой-либо африканской стране, на ее голову обрушивались громы и молнии. Сегодня вся Африка может провалиться в преисподнюю — в Кремле на это не обратят внимания.

В телеграммах анализ расстановки сил в советских верхах: на кого может опереться Горбачев и кто влияет на Горбачева; западноевропейский посол, ссылаясь на доверительный источник, информирует свой МИД о политической роли КГБ и весьма

высоко оценивает влияние Крючкова. Председатель будет смотреть телеграмму и сам определит, следует ли направлять ее Горбачеву. Разведывательная оценка экономического положения Советского Союза. Вывод — советская экономика не в состоянии эффективно использовать иностранную финансовую помощь. Это не новость, но существенно то, что доклад и его выводы лишены пропагандистского оттенка, это трезвый и деловой взгляд на вещи. О нем нельзя сказать: «Нам тут подбрасывают…»

Аналитическая записка о влиянии проблемы «северных территорий» на советско-японские отношения. Наши эксперты заглянули в книги по истории, переработали массу материалов и, опираясь на надежные данные, приходят к выводу, что территориальные уступки с нашей стороны отнюдь не приведут к качественному скачку в экономических отношениях Японии с СССР и тем более не позволят рассчитывать на крупную японскую помощь. Неразрывность политики и экономики для японцев лишь тактика. Как только они добьются своего, этот лозунг будет забыт и отношения Японии с Союзом в самой важной для нас области будут строиться на основе жесткого экономического расчета. Нашему руководству не следует питать иллюзий на этот счет. Японцы ухитрились внушить Москве мысль, что она может немедленно после сдачи островов рассчитывать на 28 млрд. долл. Нам известно, что ни о чем подобном японская сторона в действительности и не помышляет, но мифические миллиарды неудержимо манят советских политиков.

Деньги нужны, и нужны срочно. Государство обанкротилось и судорожно ищет, где бы получить кредит. По указанию президента КГБ и МИД готовят совместные предложения о дополнительных усилиях, направленных на поиски новых источников кредитов. Президент одобряет предложения. Разведка использует свои конфиденциальные контакты с родственными службами, ее посланцев принимают на самых высших уровнях, обещают рассмотреть доверительное обращение президента Горбачева. Денег нет.

Первый заместитель начальника разведки В. А. Кирпи-ченко, великолепно владеющий арабским языком, тайно едет в Ливию, чтобы убедить Каддафи ускорить выплату немалых валютных долгов и предоставить валютный заем нашей стране. Ливийские коллеги действуют очень четко.

Лидер Ливийской Джамахирии незамедлительно принимает Вадима Алексеевича, ведет с ним теплую беседу, делает некоторые колкие замечания о политике нового мышления. Ничего конкретно он не обещает. Наши энергичные усилия видимого результата не дают.

Разведка может сделать многое, однако она не может убедить иностранных финансистов дать в долг банкротам. Все предприятие подтверждает, что наши лидеры мечутся вслепую, и оставляет в душе горький осадок. Довели великую державу!

Информационные материалы рассмотрены и подписаны. В списке адресатов весьма существенное добавление — Б. Н. Ельцин. Телеграммы и аналитические записки ПГУ направляются ему уже несколько месяцев; с середины июня Ельцин получает те же материалы, что и Горбачев. Таково указание Крючкова. Бывают, правда, исключения: документы, в которых содержатся нелестные отзывы о союзном или российском президенте, идут только Горбачеву. КГБ пытается быть беспристрастным, но остается на стороне союзной власти. У Крючкова есть какие-то надежды на то, что Горбачев может спасти единый Союз и советскую власть.

Это повод для разговора с председателем.

Звоню в приемную Крючкова. Мой добрый знакомый порученец председателя Н. Ф. Мишин сообщает, что посетителей у Владимира Александровича нет и телефоны не заняты. Можно позвонить.

У председателя усталый голос, рабочий день выдался тяжелым, но, кажется, я попал в ту редкую минуту, когда он отдыхает от посетителей и бумаг.

— У меня вопрос не очень конкретный, но важный. Можно отнять несколько минут?

— Пожалуйста!

Чувствую по интонации, что председатель настораживается.

Выкладываю свои сомнения: рассчитывать на то, что Горбачев сможет сохранить единство Союза и удержать страну от распада, нереалистично. Престиж президента упал до нулевой отметки, он безволен и, по моему убеждению, думает только о собственном выживании. Противостояние с Ельциным и Россией он неизбежно проиграет. Его не спасут ни американцы, ни руководители республик.

Единственная надежда сейчас — это сильная Россия. Нравится нам Ельцин или нет (мне лично он не нравится), комитету и всем нам стоило бы ориентироваться на российского президента и Российскую Федерацию, ядро Союза.

Владимир Александрович слушает внимательно, легонько хмыкает, не перебивает.

Продолжаю: нам надо искать общий язык с Ельциным и его окружением, развеять их сомнения в лояльности КГБ, установить тесные контакты с российским депутатским корпусом независимо от политической ориентации депутатов.

— Вы знаете, Владимир Александрович, ходят по комитету слухи, что начальник ПГУ перекинулся к «демократам». Заверяю вас, что это не так. Вы знаете все мои связи и в каком направлении я с ними работаю. Уверен, что у нас нет иного пути, кроме как ориентироваться на Россию.

Разговор о слухах Крючков отметает одним грубым русским словом. Употребляет он «простонародные идиомы» редко — или в состоянии ярости, или тогда, когда идет неформальная беседа, как сейчас.

Мои рассуждения Владимир Александрович не отвергает и в спор не вступает. Более того, он одобряет мысль о развитии контактов со всеми уровнями российской власти и ругает комитетскую верхушку за пассивность. Председатель говорит медленно, над чем-то раздумывая. Кажется, я невольно затронул беспокоящую его тему.

— Договорились!.. Работайте, побольше информации Борису Николаевичу… Подумаем еще…

Манера председателя мне знакома. Он никогда не спешит с выводами в категоричных формулировках, оставляет себе свободу для маневра. Ну что ж. Я свое сказал. Ни облегчения, ни чувства исполненного долга не испытываю. Надо было бы подробнее поговорить с председателем один на один, не по телефону, отчетливее представить себе его позицию. Он остро переживает нарастающую смуту, обеспокоен нерешительностью Горбачева, усилением центробежных сил, раздирающих на части наше государство. В этом нет сомнений. Однако Крючков — непосредственный участник борьбы за власть, и это может искажать его взгляд на положение в обществе, на пути преодоления тотальной разрухи.

Шифровальщик с телеграммами. Обычные доклады о проведенных операциях с особо ценными источниками. Все нормально, есть интересные материалы.

Сообщение из Бонна. Состоялось совещание руководства БФФ и БНД. Участники отметили активизацию разведывательной деятельности КГБ на территории Германии, объясняя это тем, что ряд задач, которые в прошлом решала для Советского Союза восточногерманская разведка, теперь приходится выполнять советской разведке. Есть уверенность, что советская сторона использует в этих целях бывших сотрудников МГБ ГДР и их агентуру. Хорошие источники, в частности, сохранились у бывшего руководителя разведки ГДР Маркуса Вольфа. Он помогает Комитету госбезопасности СССР.

Контрразведчикам и разведчикам всего мира свойственно преувеличивать возможности и масштабы деятельности

оппонентов. Это универсальный закон, и понимающий человек всегда принимает его во внимание. Однако в том, что говорилось на совещании, есть какие-то вопиющие неувязки. Наша деятельность в ФРГ в последнее время никак не активизировалась. Если немцы всерьез говорят об обратном, значит, они заметили что-то такое, что раньше ускользало от их внимания. Из этого вывод для нас — тщательно проанализировать состояние работы с каждым источником, особенно с занимающимся экономической проблематикой. На совещании был отмечен особый интерес советской разведки именно к этой области. Мы не используем в разведывательных целях бывших сотрудников и агентуру МГБ ГДР, хотя, надо признать, соблазн велик, но риск еще больше. Каждый сотрудник МГБ находится под подозрением и может быть объектом контрразведывательной разработки. Связь с таким человеком чрезвычайно опасна. Взвесив все «за» и «против», политические издержки, связанные с возможным провалом, Первое главное управление приняло решение от использования и агентов, и сотрудников восточногерманского МГБ отказаться. Немецкая сторона в конфиденциальном порядке об этом была информирована. В этом случае выводы немцев о нашей активизации могут означать, что под нашей вывеской работает ГРУ. Тема для разговора с начальником ГРУ Михайловым, дружеский совет не играть с огнем. Совершенно несправедливо обвинение Вольфа в том, что он помогает КГБ. Вольф давно расстался с разведкой, и мы к нему не обращаемся. Попробуй докажи это немцам! Во всяком случае, информация о совещании требует внимательно приглядеться ко всему комплексу нашей работы в Германии и по Германии. Отношения с этой страной надо беречь!

Июньский день бесконечен. Предзакатное солнце вываливается из-за дома, его лучи бьют в широкое, во всю стену окно, плотные белые шторы сияют ослепительным светом. Я не люблю яркого света, чувствую неловкость от избытка освещения. Лучше думается, когда тебя окружает полумрак, не отвлекают взгляд ненужные вещи. Во времена оперативной работы, во времена конспиративных встреч, тайников, проверок на маршруте я больше всего любил сумерки. В недолгие минуты от заката до наступления непроницаемой азиатской тьмы обостряются зрение и слух, тело становится легким, мысли ясными, движения четкими. Кабинетная тоска сушит человека. На волю бы, в пампасы… Десять шагов в одну сторону по ковру, десять обратно, еще стакан чая, еще сигарета.

Заходит Владимир Иванович Жижин. До недавнего времени

он был начальником секретариата КГБ и вернулся в родное ПГУ в качестве заместителя начальника Главного управления. Он заменил Титова. Мне Владимир Иванович кажется почти идеалом оперативного работника. В свои сорок лет он уже побывал в трех командировках, вербовал, работал с агентурой. Даже не это сейчас главное — у Жижина отточенный аналитический ум, неисчерпаемая энергия и еще одно, довольно редкое у нас качество — разумная инициатива. Случайно узнаю, в комитете идут разговоры о том, что председатель перевел Жижина в ПГУ, имея в виду выдвинуть его в начальники разведки. Вполне возможно. Крючков никогда не раскрывает свои планы, исподволь готовит почву, ходит тайными, окольными путями. Замечаю, что председатель стал чаще не соглашаться со мной, разговаривать слегка раздраженным тоном и даже как-то упрекнул в повышенном самолюбии. Он прав — я чувствую себя хозяином в ПГУ и терпеть не могу, когда кто-либо вмешивается в мои дела. Но Жижин стал бы хорошим начальником разведки.

Владимир Иванович зашел посоветоваться по конкретному делу. Он занимается американцами. Кажется, у одной из резидентур появился реальный шанс завербовать сотрудника ЦРУ. Это бывает не так уж часто и заслуживает непосредственного внимания начальника ПГУ. Интересно, что же толкает нашего заокеанского коллегу в лапы КГБ? Желание быстро и много заработать и озлобление против начальников — людей ограниченных, недобросовестных и несправедливых? Ну что ж, этот набор мотивов вполне убедителен. Сейчас важно не отпугнуть американца неловким движением и не засветить его. Деньги на такое благое дело найдем.

На сегодня все, штык в землю…

Говорю дежурным, что отправляюсь на дачу пешком.

— Завтра с утра буду в Центре, скажите информаторам, чтобы направили документы для доклада туда. Машину к 7.45 к нижним воротам поселка. Все ясно?

— Так точно!

Территория пустынна и красива, цветет сирень, лужайки аккуратно подстрижены, дорожки подметены. Несколько метров за ворота по асфальту, а дальше узенькой лесной тропинкой, отводя от лица ласковые зеленые веточки, обходя березовые пеньки, прямо к дому.

Полчаса неспешного хода и спокойных мыслей. Вполне можно было бы жить, если бы… Что — если бы? Если бы не катились мы всем своим государством в пропасть! Если бы нас не обманывали вожди! Но если нас обманывают — значит, мы кому-то нужны. «Пошел ты к чертовой матери со своими выдумками, —

злюсь я на самого себя. — Заткнись!»

Дневные дела сделаны, ужин съеден, но на дворе так светло и тепло, что утыкаться в телевизор или книги нет ни малейшего желания. Звоню соседу Николаю Сергеевичу Леонову и приглашаю его сыграть в шахматы.

Садимся на улице под развесистым дубом, дышим свежим летним воздухом, пьем чай и не спеша, вдумчиво играем.

Николай Сергеевич основателен во всем: в шахматах, в своем огородном хозяйстве, в отношениях с людьми, в мыслях. В этом русском рязанском человеке беспредельная энергия и упорный, всесокрушающий дух.

Играть в шахматы с Леоновым тяжело. Казалось бы, все развивается спокойно, ты даже ощущаешь легкий подъем. Следуют несколько ходов, связанных железной логикой, и предвкушение победы сменяется горьким привкусом неминуемого поражения.

Игра игрой, но в промежутках между ходами обмениваемся отрывочными замечаниями по поводу уходящего дня и надвигающихся событий. Эти замечания набрасывают канву разговора, происходящего по дороге к леоновской даче.

Начинает смеркаться. В маленьких домиках, разбросанных по территории поселка, загораются неяркие огни; темнеет лес, окружающий оазис со всех сторон.

Николай Сергеевич — человек прямой и откровенный от природы. Мне тоже нет нужды с ним лукавить. Долой всю презренную словесную шелуху! Разговор печален: шансы на спасение единого советского государства с каждым днем уменьшаются; Горбачев в растерянности и озабочен только сохранением своего президентского кресла; его борьба с Ельциным не может смениться сотрудничеством или сосуществованием, и Горбачев проиграет; экономическая разруха углубляется, и непродуманные, скороспелые попытки перебросить огромную страну от планового хозяйства к рынку будут иметь самые тяжелые последствия; американцы ведут себя в СССР как хозяева; расчеты на западную экономическую помощь иллюзорны — руководство боится правды, обманывает себя, народ, всех нас.

— Что же делать?

— А что делать людям, на которых надвигается ураган? Нам, людям русским, бежать некуда. Убегут в США, Израиль, Австрию архитекторы и глашатаи перестройки. Нечто подобное в России уже было в начале века — либеральные политики и публицисты витийствовали, сокрушали, заварили кашу 17-го года и смылись. Воевать? Но с кем и за кого? Молиться? Какому богу? Верить —

кому? Вожди сменяют друг друга и без устали врут. Мы же обязаны делать вид, что верим. Будущее нашего Отечества мрачно…

— Может быть, нужно чрезвычайное положение?

— Пожалуй, да. Но можно ли чрезвычайным положением накормить людей и заставить их работать?..

«Порвалась дней связующая нить…» Нет, слова Гамлета, мне кажется, звучат иначе: «Свихнулось время…» Время свихнулось. Надо сойти с ума, чтобы чувствовать себя нормальным.

Жизнь кажется тяжелой только по вечерам…

АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Скольжение по крутому склону завершилось: страна, комитет, разведка, власть ухнули в какую-то пропасть и находятся в состоянии свободного падения.

Сегодня 22 августа. Вчера вернулся из Крыма Горбачев. В аэропорту Внуково-2 его встречала не вполне обычная публика — не было членов политбюро, не было вице-президента и членов Президентского совета. Привычные подтянутые фигуры сотрудников «Девятки» терялись в пестрой толпе людей в военной форме и в штатском, вооруженных автоматами и пистолетами. Толпа была радостно возбуждена и изрядно пьяна.

Сам президент и генеральный секретарь ЦК КПСС, пожалуй, впервые появился на народе в необычном виде. Спускаясь по трапу самолета, он приветливо, но вяло помахал рукой встречавшим, улыбаясь неуверенной, то ли усталой, то ли виноватой улыбкой. К трапу подкатил огромный президентский «ЗИЛ», распахнулась тяжелая бронированная дверь.

«Это чья машина, — неожиданно спросил президент, — «Девятки»?» — и, услышав: «Да, Михаил Сергеевич, «Девятки», сделал широкий жест, как бы смахивая с летного поля и «ЗИЛ», и всю свою охрану: «На «Девятке» не поеду!» Толпа встречавших одобрительно загудела, кто-то хихикнул. Представление начиналось прямо у трапа, но, к сожалению зрителей, продолжения не последовало. Нерас-терявшиеся охранники моментально подогнали «Волгу», президент плюхнулся на заднее сиденье, и неряшливый, перемешанный кортеж под вой сирен и мелькание красных и синих фонарей помчался по направлению к Кремлю. В это же время другой дорогой увозили Крючкова, Язова, Бакланова — вчерашних ближайших сподвижников президента, арестованных за попытку организации путча.

Все это было только вчера, и государственный комитет по чрезвычайному положению возник всего лишь три дня назад и моментально лопнул. Что-то произошло с неторопливым колесом русской истории. Пожалуй, слова президента о том, что, вернувшись в Москву, он оказался как бы в другой стране, могли быть искренними. Мы все оказались в странном и непривычном мире. Может быть, все это уместно в театре абсурда — та же сцена, те же декорации, но внезапно резко поменялось амплуа действующих лиц, сброшены одни маски и натянуты другие, друзья оказываются предателями, злодеи — воплощением добродетели, а действие продолжается, и зрители с замирающим сердцем ждут новых капризов драматурга.

Вот и начальник разведки, по какой-то счастливой или несчастливой случайности («Не называй человека счастливым, пока он жив, — говорил Паскаль, — в лучшем случае ему везет».) избежавший причастности к заговору или его подавлению, идет привычной дорогой от дачи на работу. Служивый народ встревожен и насторожен, все внимательно приглядываются к начальнику, поэтому он принимает бодрый и деловой вид, приветливо раскланивается с охраной, всеми встречными, которых в этот ранний час не много.

«Происшествий не было», — докладывает дежурный. Происшествием были бы названы утеря пропуска кем-либо из сотрудников или пожар в служебном помещении. То, что произошло со страной, естественно, под рубрику служебных происшествий не подходит, так что дежурный абсолютно прав. Пронзительно орут попугаи, у них тоже все в порядке; не спеша идут с работы уборщицы; за окном тепло и солнечно.

Газеты задерживаются, но недостатка в новостях нет; радио и телевидение просто захлебываются в потоке сенсационных материалов. Мир, разумеется, приветствует победу «демократии». Канцлер Коль заявил, что провал путча откроет новую главу в истории России и Советского Союза. Премьер-министр Мэйджор объявил о возобновлении британской помощи СССР, замороженной в связи с попыткой переворота. Ролан Дюма предлагает Европейскому сообществу пригласить Горбачева для совместного обсуждения будущего Советского Союза в Европе. Генеральный секретарь НАТО Вернер говорит, что руководство Советского Союза обрело больше стабильности и демократичности. Кажется, Вернер спешит сказать что-то глубокое и забегает вперед, особенно в том, что касается стабильности.

Это новости из-за рубежа. Дома все пришло в бурное движение, Москва бурлит, демократия торжествует. Те, кто не успел сделать этого вчера, спешат немедленно, с раннего утра, отмежеваться от заговорщиков и втереться в ряды победителей, предать своих вчерашних товарищей, засвидетельствовать лояльность новой власти, ибо всем, кроме неисправимых простаков, понятно, что власть переменилась. Александр Николаевич Яковлев заявляет, что для всех честных членов партии было бы аморально оставаться в организации, которая не выступила против переворота. Михаил Сергеевич предстает перед миром и народом как невинная жертва заговора, человек, преданный теми, кому он полностью доверял.

Но Горбачев еще не успел отдохнуть от перелета из Крыма, как по Москве, а затем по миру пошли слухи, что президент едва

ли был просто беспомощным, изолированным в Форосе свидетелем происходящего. Пока советские публицисты и политики принюхивались к обстановке, пытались понять, в какую сторону подует ветер, их западные коллеги сразу же стали намекать, что автором спектакля мог быть сам Горбачев, находившийся в крайне сложной ситуации.

Это повод для размышлений: то, что происходило на наших глазах с 19 августа по вчерашний день, выглядит совершенно нелепо. Мне вполне понятно, какими мотивами руководствовались «заговорщики», решаясь на столь отчаянный шаг. Я неплохо знаю Крючкова, много общался с генералом Варенниковым, маршалом Ахромеевым, Олегом Дмитриевичем Баклановым и совершенно убежден, что это честные, бескорыстные люди, патриоты своей страны, доведенные до отчаяния. Мне кажется, что я в состоянии видеть причину их неудачи. Эти люди замкнулись в узком кругу единомышленников, подогревали свои эмоции, закрывали глаза на все, что не укладывалось в их концепции, и оказались не в состоянии оценить действительные настроения общества. До сих пор вся политика в Советском Союзе делалась в кулуарах, главным орудием в борьбе за власть была интрига. Ситуация полностью изменилась за последние два-три года, но это осталось не замеченным Крючковым. Это коренная причина неудачи. Даже если бы ГКЧП выжил, его успех был бы недолговечным: «заговорщики» пытались остановить движение истории, а не встать во главе его.

На размышления наводит другое: почему ГКЧП действовал столь вяло, неуверенно и нерешительно, почему Крючков в этот ответственный момент не привел в действие весь комитет, почему не были изолированы российские руководители, почему не была отключена связь с Белым домом? Вопросы — крупные и мелкие — неотвязны. Не самый главный, но для меня весьма существенный: почему Крючков не пытался вовлечь в свои замыслы начальника разведки, хотя бы предупредить меня о том, что одно из наших подразделений может потребоваться для решительных действий в Москве?

Плохое время, плохие мысли. Свалены кучей на столе сводки информационных агентств, остывает чай, поднимается к потолку дымок от догорающей в пепельнице сигареты, плотная вереница людей тянется от ворот к зданию, стучат по асфальту каблуки…

Я подхожу к сейфу и начинаю перебирать немногие находящиеся там бумаги. Официальные, зарегистрированные документы ложатся в одну сторону — их надо передать помощникам. Записи крючковских указаний, черновики, наброски

мыслей — все это должно немедленно пойти в печку, а кое-что, например вот эта бумага без адреса и подписи о высказываниях одного из видных «демократов» по поводу Ельцина, уже не может быть доверена ничьим рукам. Я рву ее на мелкие клочки и спускаю в унитаз. Настоящие события еще не начали разворачиваться, но если какая-либо власть заинтересуется содержимым сейфа начальника ПГУ, человека, выдвинутого в комитетские верхи Крючковым, то она найдет там коробку с личными документами и пистолет с 16 патронами. Пистолет аккуратно вычищен и смазан, обойма вставлена, патрон в патронник не дослан. «Макаров» — простая, надежная вещь, приятным весом ложащаяся в ладонь. Свинцовый эквивалент человеческой жизни, любой жизни — достойной или жалкой.

Точно в 9 часов (из-за двойной двери доносится отголосок резвой мелодии, отбиваемой вьетнамскими часами) на пороге появляются ответственные дежурные. Все в порядке, происшествий в Службе не было ни в Москве, ни за рубежом. Служба притаилась. 19 августа мы успели разослать во все резидентуры документы ГКЧП («для вашего сведения, товарищи резиденты») — указание следить за реакцией на события в СССР — и не более того. Появившаяся у кого-то из коллег идея провести активные мероприятия в поддержку ГКЧП была отвергнута с порога. Почему? Ведь ГКЧП создавался высшими представителями законной власти с участием нашего непосредственного начальника Крючкова. Рукой начальника ПГУ, перечеркнувшей проект указания резидентам, водило понимание того, что вся затея сомнительна и добром не кончится, что разведке лучше остаться в стороне от азартной политической игры.

Я перебираю несколько деловых бумаг, лежащих на столе. Еще пять дней назад они казались важными и интересными; возможно, такими они и будут еще через несколько дней. Сегодня же поражает их неуместность, разрыв с реальностью. Тем не менее механизм не должен останавливаться, люди должны быть заняты делом. Пишу на бумагах пространные резолюции, прошу помощника без задержки передать их по назначению, тревожу начальников подразделений вопросами по интеркому. Импульсы, идущие сверху, немедленно расходятся по всей огромной Службе, подбадривают людей.

Телефонный звонок. Это аппарат СК, спецкоммутатор, которым пользуется только самое высокое начальство, в списке его абонентов всего лишь человек 30, в их числе начальник разведки.

Женский голос:

— Леонид Владимирович? С вами говорят из приемной Горбачева. Михаил Сергеевич просит вас быть в приемной в 12 часов.

— А где это?

Женский голос вежливо и четко, без тени удивления объясняет:

— Третий этаж здания Совета Министров в Кремле, Ореховая комната.

— Хорошо, буду!

Это какой-то новый поворот. Мысли начинают беспорядочно прыгать. Зачем вдруг я понадобился президенту? Вызывает он меня одного или вместе с другими коллегами?

Быстро просматриваю телеграммы из резидентур. Как и следовало ожидать, еще не успела улечься пыль от событий последних дней, как сворой собак на Службу накинулись ее «доброжелатели» из соотечественников. Кое-кто из послов и торгпредов не сумел сразу почуять, куда подует ветер, они или проявили симпатию к сегодняшним «заговорщикам», или просто колебались. Сейчас они бросились замаливать грехи, но не прямо, не каяться, стоя на коленях, а испытанным многократно способом — доносами. Доносят на КГБ, требуют немедленного сокращения резидентур, жалуются на то, что люди из КГБ ввели, пытались ввести их в заблуждение и только проявленная принципиальность и приверженность его — посла или торгпреда — демократии не позволила сбить с толку коллектив. Посол в одном из восточноевропейских государств, старинный знакомый, так хорошо относился к Службе, а теперь многословно и возбужденно ее клеймит… Торгпред в латиноамериканской стране. Его должны были отозвать за воровство, теперь он в первых рядах «правдолюбцев». У него, естественно, много оснований не любить КГБ, он мечтает о новом обществе, где не будет органов безопасности и можно будет воровать без оглядки.

Неприятно, но не будем спешить. Доносительство было всегда неотъемлемой чертой российской политической и интеллектуальной жизни и, видимо, останется элементом «духовности», о которой сейчас так много и жарко говорят.

Телефоны молчат. Заходит с докладом Михаил Аркадьевич. Тонкая пачечка информационных телеграмм говорит только об одном: сегодня разведке сказать нечего, все это уже сказано газетами, телевидением, радио. Мы не можем и не должны соревноваться с ними. И даже если бы сейчас передо мной оказались какие-то совершенно исключительные сведения — кто их будет читать?

— Знаете, Михаил Аркадьевич, придется нарушить традицию.

Сегодня информационные телеграммы из разведки не пойдут. Подготовьте задание резидентурам, только не циркуляр один для всех, а поконкретнее для каждой. Если поступит что-то интересное, доложите мне. Я буду в Центре.

Надо ехать на Лубянку для того, чтобы быть поближе к Кремлю и не опоздать к назначенному часу. Обстановка в городе может быть беспокойной, и будет просто глупо застрять где-то на улице.

Город абсолютно спокоен и обычен, нет ни толп, ни флагов, не видно возбужденных лиц. Толкучка у «Детского мира» живет своей жизнью, но вокруг памятника Дзержинскому на Лубянской площади тоже толпятся люди. Постамент памятника обезображен неряшливыми надписями, корявые буквы «Долой КГБ» и на фасадах наших зданий. Они меня раздражают, я думаю со злобой, что это, видимо, дело рук тех, кто раньше писал на заборах трехбуквенное ругательство и размалевывал стены общественных уборных, а теперь пошел в политику. Мысль несправедливая, но утешительная

На Лубянке срочно созывает коллегию Грушко, после ареста Крючкова оставшийся старшим должностным лицом комитета Происходит новый для нас, но столь обычный в России ритуал коллективного посыпания головы пеплом, публичного, а следовательно, неискреннего покаяния. Коллегия принимает заявление с осуждением провалившегося заговора, и неожиданно возникает спор по поводу употребленного в проекте выражения «честь комитета замарана…». Кто-то предлагает написать «запачкана честь…», а еще лучше — «на комитет ложится пятно».. Это напоминает сцену из романа Кафки, заседания партийного съезда или Верховного Совета. Состояние всеобщего уныния, единственная невысказанная мысль: «Ну, влипли!» Все дружно ругают вчерашнего шефа, который подставил всех нас таким глупым образом.

Коллегия завершается быстро. Я захожу к Грушко и докладываю о вызове в Кремль. Грушко говорит, что утром ему позвонил Михаил Сергеевич из машины и сказал, чтобы все работали спокойно. Виктор Федорович спокоен и погружен в раздумья, глаза у него запали, лицо осунулось и потемнело. О прошедших событиях не говорим и не пытаемся прикидывать, зачем я понадобился Горбачеву.

В коридорах комитетского здания непривычно пусто. В приемной председательского кабинета тоскует одинокий помощник, у каждого входа на четвертый этаж стоит подтянутый прапорщик, и не видно больше ни одной живой души в бесконечно длинных коридорах.

Толпа на площади прибывает, машины осторожно объезжают кучки людей, которые выплескиваются на мостовую с зеленого газона вокруг памятника.

На въезде в Кремль у Боровицких ворот тщательно проверяют документы, охранников больше обычного, они серьезны и настороженны. Это тоже в порядке вещей, момент наивысшей бдительности обычно наступает после того, как неприятное событие состоялось. Начинаем запирать конюшню после того, как украли лошадей. На Ивановской площади сияют золотом в голубом безоблачном небе купола Ивана Великого. Они сияют почти четыре столетия, видели нашествия, резню, смуты, смены правителей, пожары, мелькающие фигурки царедворцев. Они привыкли ко всему и едва ли рассчитывают на окончание русских неурядиц. Иллюзии присущи только людям с их коротенькими жизнями.

У подъезда здания Совмина паркуются два огромных «ЗИЛа». Это прибыл начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев, который тоже направляется в Ореховую комнату. Там уже много людей. Мы с Моисеевым успеваем коротко ругнуть наших бывших начальников за глупость, то есть деяние более тяжкое, чем преступление или ошибка, но продолжить разговор не удается — в приемную входит президент, пожимает руки всем присутствующим и отзывает меня в пустующий соседний зал заседаний.

За закрытыми дверями происходит недолгий разговор. «Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?» Отвечаю, как на исповеди, моя неприязнь к Горбачеву куда-то испарилась. Рассказываю о совещании у Крючкова 19 августа. «Вот подлец. Я больше всех ему верил, ему и Язову. Вы же это знаете». Согласно киваю. В отношении Грушко говорю: «Не знаю, возможно, он знал». (Немного позже приходит мысль: а, кстати, почему президент так уверен, что я не был причастен к крючковским делам? Или проверял, что мне известно и что неизвестно?)

— А кто у вас начальник пограничников?

— Калиниченко Илья Яковлевич.

— Как они меня окружили, стерегли. Был приказ стрелять, если кто-либо попытается пройти через окружение.

Пытаюсь сказать словечко в защиту Ильи, человека, не способного на злодейство, но президент пропускает это мимо ушей.

Горбачев говорит, что он временно возлагает на меня обязанности председателя комитета: «Поезжайте сейчас, созовите заместителей председателя и объявите им это решение».

Одновременно он дает указание, чтобы я и мои коллеги подготовили отчеты о своих действиях 19–21 августа. Отчеты следует направить лично президенту в запечатанном конверте.

Михаил Сергеевич выглядит прекрасно. Он энергичен, оживлен, говорит коротко и ясно, глаза блестят. Именно так должен выглядеть человек, хорошо отдохнувший на берегу ласкового теплого моря, но никак не вырвавшийся на свободу узник.

Есть в нашем мире вещи неизменные. Одна из них — повадки царедворцев. Проходя через Ореховую комнату, руководитель КГБ, то есть личность в нынешней обстановке. несомненно, подозрительная, видит дружелюбные, теплые улыбки, символические рукопожатия из дальних углов. На всякий случай…

Собираю своих коллег, объявляю указание президента. Вопросов ни у кого нет. Надо обсудить, что делать. Договариваемся собрать совещание руководящего состава КГБ завтра, а на нем определим срок и содержание заседания коллегии. Коллегию надо проводить как можно раньше. Создаем официальную комиссию по расследованию деятельности КГБ в дни путча. По предложению Грушко назначаю главой комиссии Титова. В глазах Грушко, потухших и отрешенных, мелькает огонек надежды, они с Титовым старинные друзья. Титов будет хорошим расследователем, но позволят ли ему остаться во главе комиссии? Это вопрос.

Совещание закончилось, иду длинным коридором в свой кабинет. Приятель из «Девятки» шепотом сообщает, что покончил жизнь самоубийством, застрелился Борис Карлович Пуго, бывший министр внутренних дел, член ГКЧП.

Я знал его. Это был честный преданный своей работе, рассудительный и добрый человек. Почему он застрелился? Неужели он и другие участники ГКЧП были настолько уверены в успехе предприятия, что неудача оказалась равносильной смерти? Вечная память Борису Карловичу!

Все телефоны в моем кабинете звонят одновременно. Их можно переключить на дежурного, сказать ему, что я занят, отрезать себя от мира и ждать, пока этот мир ворвется в твое уединение… Отвечаю на звонки сам, жонглирую телефонными трубками, ибо интеркома в этом кабинете нет.

Начальник охраны комитетских зданий докладывает, что, пока мы заседали, толпа на площади выросла, ведет себя угрожающе и собирается штурмовать комитет.

— Что делать?

— Закрыть и заблокировать все двери и ворота, проверить

решетки. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не применять оружие. Я дам указание Московскому управлению связаться с милицией.

С огромным трудом отыскивается кто-то из милицейских начальников, обещает помочь, но милиция не появляется. Сумятица и растерянность царят во всех московских учреждениях.

Звонок из Прокуратуры Союза:

— Против Крючкова возбуждено уголовное дело. Нам необходимо провести обыск в кабинете Крючкова. Бригада следователей готова выехать.

— Хорошо, пусть едут.

Тут же следует звонок из Прокуратуры РСФСР, говорит Степанков:

— Мы возбудили уголовное дело против Крючкова и высылаем следователей для обыска его кабинета. С ними приедет Молчанов от Центрального телевидения.

Телевидения?! Впрочем, какая разница…

— Присылайте следователей, но сюда уже едут из Прокуратуры Союза.

— Ничего, мы успеем, нам здесь недалеко. А с ними договоримся.

Действительно, не проходит и десяти минут, как в кабинете оказывается добрая дюжина служителей правосудия во главе с Генеральным прокурором РСФСР Степанковым. Внешний вид команды заметно отличается от того, к чему мы привыкли в этих стенах. Не каждую шею украшает галстук, все какие-то помятые, вежливые, но слегка возбужденные, будто бригада рабочих, которые должны заняться переноской мебели. К моему удивлению, разбираются они между собой быстро и толково, берут в качестве понятых двух машинисток из секретариата. Одна группа идет в кабинет Крючкова, другая направляется на дачу, где горько рыдает Екатерина Петровна. Еще одна группа едет на городскую квартиру Крючковых.

Прошу принести чаю покрепче и начинаю писать отчет о своих действиях для Горбачева.

Звонок. Голос Горбачева: «Я подписал указ о вашем назначении временно исполняющим обязанности председателя КГБ. Работайте!»

Почему у меня ни три часа назад, ни сейчас не мелькает даже мысли о том, что надо было бы отказаться от назначения? Привычное — ни от чего не отказываться? Дисциплина? Привычка повиноваться старшим, тем более что здесь распоряжается моей судьбой сам президент? Все это есть. Но появляется и чувство, которое мне самому неприятно, я пытаюсь

отогнать его, но оно уходит не сразу — чувство тщеславия: я, потомок сапожников из Марьиной рощи, недавний пеший боец разведки, оказался во главе Комитета государственной безопасности. Слаб человек. «Суета сует и томление духа…»

К становящимся уже привычными докладам («пытаются бить окна…», «милиции нет…», «призывают скинуть памятник.») добавляется волна телефонных поздравлений с новым назначением. Кое-кто искренне доволен (я уверен в своих друзьях), кое-кто отмечается на всякий случай. Надо отвечать, благодарить… Жизнь становится все невыносимее. Толпа на площади растет.

Окна кабинета выходят во двор, глухо доносится уличный шум, мне не видно, что происходит вокруг здания, но ситуация знакома. Десяток лет назад в Тегеране приходилось сидеть в осаде, командовать защитниками, слушать рев толпы, звон разбиваемых стекол, выстрелы, тяжелые удары в двери… Но теперь все это происходит в самом центре моего города, на Лубянке, а не в Тегеране, и помощи здесь, как и там, ждать неоткуда. Тогда нас осаждали люди, прикидывавшиеся фанатиками-мусульманами, теперь прут те, кто прикинулся демократами. Шульгин при виде толпы, хлынувшей в Зимний дворец, страстно мечтал о пулеметах. Я знаю, что стрелять нельзя и не стоит. Нас окружает митинговое пушечное мясо, а те, кто заваривает кашу, предпочитают держаться подальше от горячих точек.

У меня в кабинете появляются два российских депутата — Илья Константинов и Леонид Гуревич. Если толпа начнет вести себя буйно, они намерены ее урезонивать. Пьем чай, курим, говорим о политике и жизни. Собеседники кажутся мне людьми весьма разумными и совестливыми, с такими комитет должен был говорить намного раньше, мы нашли бы общий язык.

Доложили, что с какой-то машины в проезде Серова, то есть рядом с комитетом, бесплатно раздают водку. Любой бунт в России совершается с помощью водки, это очень опасная вещь. Прошу немедленно проверить. Через несколько минут разочарованный голос сообщает, что сведения не подтвердились, водку не раздают. Ситуация постепенно проясняется. На площади не буйная толпа, а организованный митинг. Всем распоряжается молодой и многообещающий политический деятель Станкевич, милиция появилась и приглядывает за порядком, идет подготовка к демонтажу памятника Ф. Э. Дзержинскому.

У нас на Лубянке локальный очаг напряженности. В стране бушует политическая буря, КПСС в панике отступает, власть уже перешла в руки Ельцина. Неожиданный шаг делает Горбачев —

заявляет о своей решимости оставаться вместе с партией (неужели не успел посоветоваться с Александром Яковлевым?), говорит, что верит в социализм и Октябрьскую революцию. Что-то не верится, но если Горбачев искренен, это мужественное заявление.

Дежурный приносит сводки радиоперехвата — Служба действует.

Главный эксперт по КГБ Калугин вещает на волнах Би-би-си:

— Роль и участие КГБ в организации этого путча очень велика, хотя я думаю, что главным организатором все-таки была другая фигура. Скорее всего, это был Лукьянов.

Не удержался бывший генерал и донес-таки на человека, чем-то ему не угодившего. Но что это? Не прошло и часа, как Калугин говорит той же Би-би-си:

— КГБ фактически выступил в качестве главного организатора антиконституционного заговора. Так что я бы сейчас на месте президента не только расформировал КГБ СССР, а подверг аресту его руководителей.

Ваша бы воля, господин Калугин. Вы не аресту, а пыткам бы подвергли своих бывших коллег, а потом бы их расстреляли, правда? Трудно быть новообращенным демократом, приходится сдерживать природные инстинкты, ограничиваться доносами и советами, но, кто знает, дальше может стать посвободнее.

Звонки утихают, личный состав давно отпущен по домам, кабинеты и сейфы опечатаны. Приказ не уничтожать документы был отдан еще в середине дня, но проверять его исполнение я не собирался, и если что-то и ушло в печки или канализационные трубы, то не мне об этом жалеть.

Иду подземным переходом в старое здание, в кабинет на пятом этаже, выходящий окнами на площадь. По просьбе организаторов митинга были включены прожекторы на комитетском доме — помогаем готовить собственную экзекуцию, но площадь освещена слабо. Кольцом на некотором отдалении от статуи Дзержинского стоят люди, 15–20 тысяч. Говорят речи, выкрикивают лозунги, нестройным хором начинают петь песню про Магадан. Станкевич стоит у микрофона, поэтому его приятный, но плохо поставленный тенор летит над общим шумом. Дирижер он неважный, и хор сам собой разваливается, хотя расставаться с песней о чьих-то мученических судьбах толпе не хочется. Других, приличных случаю песен, видимо, не находится, и музыкальная часть вечера заканчивается.

Тем временем два мощных автокрана примериваются к чугунному монументу. На плечах Дзержинского сидит добровольный палач, обматывающий шею и торс первого чекиста

железным канатом. Палач распрямляется, подтягивает свалившиеся штаны и делает жест рукой: «Готово! Можно вешать!» Скорее всего, какой-то монтажник… Разумеется, не Станкевичу же самому набрасывать петлю, всегда были распорядители и были исполнители…

Гражданская и публичная казни — дело для России не новое. С монументом все выглядит масштабнее и немного не по-настоящему, но когда дело дойдет до живых людей, масштабность будет придана с помощью телевидения. Будет даже интереснее, ведь памятник не меняет выражения лица, все происходящее для него — это сон, мелочная суета тех, кому еще предстоит раствориться в вечной тьме. «Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»; но это уже было в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, кто будет после». Но толпе да и мне сейчас не до Экклезиаста, толпа поглощена зрелищем…

Заставляю себя смотреть, эту чашу надо испить до дна. Испытываю ли горе? Нет. Все происходящее закономерно — расплата за близорукость, за всесилие и корыстность вождей, за нашу баранью, бездумную натуру. Конец одной эпохи, начало другой, скрип колеса истории.

Краны взревели, радостно зашумела толпа, вспыхнули сотни блицев. Железный Феликс, крепко схваченный удавкой за шею, повис над площадью, а под чугунной шинелью обозначилась смертная судорога чугунных ног. Не за то дело отдали первую, земную жизнь, Феликс Эдмундович? Посмертно ответили за прегрешения потомков?

В зданиях КГБ в бесконечных коридорах пусто, тихо, глухо. Внутреннюю охрану я распорядился снять еще днем.

Больше здесь делать нечего. Машина в гараже, ворота которого заблокированы. Дежурный вызывает автомобиль, заблудившийся днем в городе.

Ночной город холоден, неприветлив, равнодушно смотрит на меня пустыми темными окнами. Я родился, вырос, жил в этом городе. Этой ночью я чувствую себя здесь столь же чужим, как в Тегеране. Город одержим бесом, заснувшим до рассвета тяжким сном.

Прошедший день не дал ответа ни на один вопрос. Ну что ж, придется подождать. Узнать будущее так же просто, как и разобраться в прошлом, — надо иметь терпение и ждать.

На даче ждет обеспокоенная Нина. Она, разумеется, знает о моем назначении, и оно ее не радует.

— Как ты думаешь, это надолго?

— Думаю, на несколько дней…

Засыпаю с мыслью: не забыть завтра же запросить резидентов о состоянии личного состава, и в первую очередь агентуры. Наших помощников необходимо успокоить…

6 часов утра, пятница, 23 августа. Спал я или не спал? А может быть, все еще сплю и надо сделать усилие, проснуться и все происходящее — ГКЧП, арест Крючкова, казнь Дзержинского — все это окажется просто тяжелым, запутанным сном?

Такое ощущение я как-то пережил в Тегеране. Измена Кузичкина, появление нелегала, угроза нового нападения на посольство, несколько дней безостановочной работы и постоянной тревоги довели меня до того, что так же вот мелькнула средь бела дня отчетливая мысль: все это мне снится, я должен проснуться, и мучения прекратятся.

Увы, эпизоды вчерашнего дня мелькают перед глазами, как отрывки какого-то фильма. Встреча с Горбачевым, повешенный над площадью первый чекист, следователи в кабинете Крючкова. Кстати, ничего они там не нашли и не могли найти: шеф не вел дневников и никогда не хранил никаких записей.

Что предстоит сегодня? Совещание, коллегию надо готовить; думать, как вывести из-под удара разведку: разведка и ее начальник к попытке переворота непричастны, но в нашей стране это ничего не значит, справедливость — это всего лишь производное от политической целесообразности. Аксиома, не требующая доказательства. Надо общими усилиями спасать комитет, а это будет очень непростым делом. Демократы быстро поймут, что ни одна власть не обойдется без государственной безопасности, но в упоении победой, мстительным торжеством они могут не подумать о будущем. Комитету надо было отстраниться от партии, обреченной на поражение ее же вождями… Впрочем, сегодня это пустые рассуждения. Из происшедшего едва ли можно извлечь уроки на будущее — история не повторяется.

В 8 часов я в своем кабинете на Лубянке. Совершенно очевидно, что без председательского пульта прямой связи справляться с комитетом, даже временно, невозможно. Надо мной тяготеет груз традиций: исполняющий обязанности никогда не занимает кабинет начальника. Видимо, дело здесь не только в скромности, но и в глубоко запрятанном суеверии: раньше времени сядешь в кресло и сглазишь, спугнешь удачу, не достанется оно тебе. Будь момент менее драматичным, я остался бы за своим привычным столом и с помощью дежурных справился бы с телефонами и посетителями, но сегодня не до приличий и не до суеверий, надо выплывать самому и спасать комитет, надо действовать. Линию поведения подскажет обстановка.

Кабинет председателя огромен, мрачен, абсолютно лишен каких-либо следов пребывания своего последнего обитателя. Крючков был совершенно равнодушен к окружающей обстановке, он ее просто не замечал: хорошо освещенный стол, телефоны и любого качества, пусть грошовый, шариковый карандаш. Они торчат веером из стаканчика.

Лавина телефонных звонков обрушивается на меня сразу: внутренняя связь, «кремлевки», междугородный ВЧ. Без помощников не обойтись, переключаю телефоны на них, оставляя на себе лишь «первую кремлевку» и ВЧ. Облегчение невелико, помощник появляется каждые десять — пятнадцать минут со списком тех, кто звонил.

Сообщения довольно однообразны: на комитет со всех сторон сыплются угрозы, какие-то силы собираются штурмовать наше здание, все начальники ждут указаний и, судя по всему, продолжают пребывать в растерянности, кто-то жалуется на бездеятельность милиции, кто-то уж совсем неуместно вспоминает о том, что они, то есть победители, «говорят о законности и праве, надо сказать им, что творится произвол» и т. п.

Конечно, у комитета нашлись бы возможности, чтобы защитить свои здания от любого штурма, для этого не нужно было бы даже вызывать свои специальные подразделения, обошлись бы силами оперативного состава. Но ситуация такова, что комитет не может себе позволить никакой конфронтации с толпой — помощи ему ждать неоткуда.

Когда-то мы были «щитом и мечом» власти. Этой власти уже нет, а без опоры на власть государственная безопасность беспомощна. Она отнюдь не была государством в государстве, самодовлеющей силой с особыми политическими интересами.

Начальник Следственного управления докладывает, что сторонники Новодворской собираются штурмовать Лефортовскую тюрьму, чтобы освободить свою предводительницу. Это имя мне известно, я видел Новодворскую по телевизору, она прочно ассоциируется у меня с истерической частью политического спектра. Часть эта, к сожалению, довольно обширна.

— Вот-те на! А разве она у нас?

— У нас.

— А что делать?

— Освободить.

— Кто может распорядиться об освобождении?

— Вы сами.

— Выпускайте!

Получается, как у бойскаута: ни одного дня без доброго дела,

узницу вызволил из заточения.

В 10.30 начинается совещание руководства КГБ: члены коллегии, начальники управлений, консультанты председателя — всего человек 35. Время дорого, мне не хочется, чтобы каждый выступающий рассказывал о политической ситуации, как это обычно происходит на любом совещании. Спрашиваю, все ли видели сегодня с утра площадь Дзержинского. Да, все видели, вопросов об обстановке вокруг КГБ нет, ясность полная. Теперь надо попытаться внести ясность в главный вопрос — как жить дальше.

Сразу же приходим к согласию, что необходимо запретить деятельность партийных организаций в системе госбезопасности. Ни одного голоса против, ни одного воздержавшегося, секретарь «большого парткома» Н. И. Назаров (бывший работник ПГУ) тоже «за». Тут же готовится приказ по КГБ и циркулярная телеграмма: конец партийной организации. Шаг неизбежный, но запоздавший на несколько недель, если не месяцев. Десятками лет нам внушали, а мы, послушные ученики, усердно повторяли, что органы КГБ — это вооруженный отряд партии. Последние три-четыре года мы пытались делать вид, что и лозунга такого не было, а теперь распрощались с некогда руководящей силой нашего общества при самых печальных обстоятельствах. Одна из самых сильных сторон русского человека — крепок он задним умом.

Вопрос о департизации закрыт, но стратегическая линия пока не вырисовывается.

Выступающие говорят о необходимости структурной реорганизации, о мерах по защите агентуры и архивов, недопустимости резкого сокращения штатов, ненужности и обременительности войск, недавно включенных в состав КГБ. (Кстати, это еще одна загадка: почему Крючков не приводил в действие эти силы, хотя, казалось бы, они и были бы полезны именно в таких ситуациях, как 19 августа?)

Сегодняшний разговор был бы уместен несколько месяцев назад, сейчас он не имеет отношения к ситуации. Непрерывно поступает информация о том, что на площади собирается толпа, что раздаются подстрекательские призывы штурмовать КГБ, в городе опечатывают райкомы КПСС и находящиеся в тех же зданиях районные отделы КГБ, что милиции по-прежнему нет. Принимаем обращение к президентам СССР и РСФСР с просьбой не допустить противоправных действий толпы в отношении КГБ и его сотрудников. Кто-то предлагает в этом обращении намекнуть, что офицеры КГБ вооружены и не следует доводить их до отчаяния. Нет, эта фраза не пойдет — сила не на нашей стороне,

нет смысла показывать кулак, если нет возможности ударить. Обращение срочно отправляем в Кремль и продолжаем дискуссию.

Тон заседания — разговор обеспокоенных коллег и единомышленников — резко меняет выступление заместителя председателя КГБ РСФСР Поделякина. Совсем недавно он был одним из нас, возглавлял КГБ в Башкирии. Сейчас он представляет победившую сторону и, видимо, вдохновлен своей причастностью к ее верхам.

Поделякин поднимается во весь свой небольшой рост, его лысина покрывается красными пятнами (мелькает мысль: ведь этот человек всех нас просто ненавидит!). Он сразу же берет быка за рога, вернее, всех нас за горло. Напористо, жестко, с чувством огромной внутренней убежденности Поделякин говорит, что совещание уходит в сторону от самого главного вопроса — о кадрах. Надо немедленно вывести из состава коллегии тех, кто активно участвовал в деятельности ГКЧП. Известно, что первый заместитель председателя КГБ СССР Г. Агеев, например, давал указание шифроорганам не пропускать телеграммы КГБ РСФСР. Возразить нечего, Агеев такое указание давал. Он сидит здесь же, молча глядя в стол, слушает обвинителя Поделякина. Да и многие другие чувствуют, что виноваты не виноваты, а отвечать придется.

Поделякин внес в дискуссию тревожную, персональную нотку — традиция чисток и расследований, оказывается, жива в наших душах.

Звонит Горбачев, дает задание установить владельца телефона, чей номер он мне диктует. Президент не объясняет, чем вызвано указание. Я отзываю в сторону начальника Управления правительственной связи А. Беду, он исчезает из кабинета и через несколько минут возвращается с информацией: телефон внутреннего коммутатора министерства обороны, установлен в кабинете полковника такого-то. Из комнаты отдыха звоню президенту, передаю информацию. Дополнительных вопросов он не задает.

Совещание продолжается. Создаем группу, которая должна подготовить заседание коллегии, по инерции говорим о своих проблемах, но всем ясно, что Поделякин прав: главным будет вопрос о судьбе каждого из нас, и решать его будем не мы.

Вновь звонит телефон прямой связи с президентом. Голос Горбачева: «Появитесь у меня через полчаса!»

Ехать в Кремль приходится окольными путями. Площадь забита радостной, возбужденной толпой.

В 14.00 я в той же приемной на третьем этаже, где побывал

вчера. Мне поясняют, что заседает Государственный совет — президент Союза и главы республик. В приемной ожидает вызова Моисеев — подтянутый, строгий пятидесятилетний генерал армии. В соседней комнате, куда мы заходим вместе с Моисеевым, нам ласково улыбается человек в форме генерал-полковника авиации — Е. Шапошников.

В зал заседаний вызывают Моисеева. Он выходит через полминуты, внятно, ни к кому не обращаясь, говорит: «Я больше не заместитель министра обороны и не начальник Генерального штаба». Делает два шага к окну, молча глядит на зеленые крыши кремлевских зданий. Никто не произносит ни слова. Поворот кругом — и четким солдатским шагом уходит генерал армии Моисеев из высших сфер. Всей душой я желаю ему стойкости и спокойствия.

Вызывают меня. За длинным столом (за ним раньше собиралось политбюро ЦК КПСС) Горбачев, Ельцин, руководители республик. Кажется, мимолетно улыбнулся Назарбаев — я познакомился с ним на последнем партийном съезде и приглашал выступить перед офицерами ПГУ. Он принял приглашение и произвел на аудиторию сильное впечатление глубоким и трезвым взглядом на нашу действительность. Лица всех сидящих за столом знакомы, но раскланиваться и отвлекаться некогда.

Президент коротко говорит: «Я назначаю председателем КГБ товарища Бакатина. Отправляйтесь сейчас в комитет и представьте его». Товарищ Бакатин, оказывается, здесь же, в зале заседаний.

Испытываю такое облегчение, что начинаю широко улыбаться: «Большое спасибо! Сегодня ночью буду спать спокойно».

Улыбаюсь я напрасно. Президент руководит государством, ему не до улыбок, он говорит: «Спать спокойно еще рано». Зловещий оттенок этого замечания доходит до меня не сразу. Прежде чем выйти, слышу, что Ельцин собирается ехать на Лубянку, урезонивать собравшийся народ. Это значит, что наш вопль о помощи дошел до президентов.

Да, мое командование комитетом оказалось чрезвычайно коротким, пожалуй, это рекорд в истории советской госбезопасности. Соблазнительным видением мелькают перед взором ясеневский лесок и кабинет начальника разведки, который отсюда уже не кажется ни темным, ни мрачным. Там моя стихия, а не на Лубянке.

Выходим вместе с Бакатиным. Он приглашает меня заглянуть в его кабинет и выпить по чашке кофе. Кабинет, оказывается, на

том же третьем этаже — уютное помещение с высоченным потолком, старомодная тяжелая мебель, стол под зеленым сукном, миловидная женщина-секретарь. Вадим Викторович приветлив, раскован, добродушно и полушутя сетует на новое назначение. Договариваемся, что к 15.00 я соберу руководящий состав комитета, а Бакатин к этому времени прибудет в председательский кабинет. Дорогу он знает.

В приемной председателя толпятся мои обеспокоенные коллеги: я позвонил дежурным из машины и попросил собрать руководство, нет обычных шуток и разговоров. Бакатина многие знают, и репутация у него в комитетских кругах не самая лучшая.

«Прибыл, поднимается…» — дает сигнал охрана. Распахивается дверь лифта, и перед собравшимися появляется новый председатель. Есть в этой сцене что-то чуточку театральное, и мне даже показалось, что новый начальник как бы поглядывает на себя в невидимое зеркало. Бакатин приглашает всех в кабинет, и, пока мы движемся унылой и робкой вереницей, у меня в голове мелькает ненужная мысль: «А не играл ли Бакатин в молодости в любительских спектаклях, как Михаил Сергеевич?» Ну, не будем спешить, не будем судить по внешности — у партийных работников много обличий, они будут раскрываться со временем…

Председатель раскован, прост. Его первые слова: «Я человек не военный. Вот даже воротничок как-то не так застегнут», — произнесенные задушевным тоном, могли бы настроить на лирический лад. К сожалению, среди собравшихся нет женщин лирического возраста. Здесь сидят не очень молодые, попавшие в серьезные неприятности люди, и легкий, даже немного шутливый тон начальника никого не вводит в заблуждение. Ситуация начинает повторяться — победившая сторона разговаривает с побежденными. Начало положил Поделякин.

Председатель сажает меня по правую руку, и вновь лица коллег осветились улыбками в моем направлении. А разве я сам не улыбался бы человеку, которого таким образом отличают?

Бакатин говорит речь, я делаю краткие пометки в блокноте. Вот они:

«Разведка и контрразведка — это святая святых, на них никто не посягает. Не политизировать, не пугать граждан.

Не нужны общие рассуждения о мохнатой руке империализма. Идеологическая война нас не касается.

Полная департизация. Переход от партийно-государственной к государственной системе. Партий не должно быть ни в одном учреждении. Никаких парткомов.

(Здесь новый председатель прерывается и спрашивает:

— А вы партийные организации запретили?

— Запретили, запретили… Еще вчера, — ответствуют недружные голоса.

— Жаль. Я хотел, чтобы это было моим первым приказом!)

Самостоятельность отдельных ведомств: погранвойска.

Профессионалы должны заниматься своими делами.

Нам обещана защита, чтобы мы могли спокойно реорганизоваться.

Автономность и координация.

Борьбу с коррупцией надо взять на себя, видимо, МБ, службе антикоррупции?

Войска КГБ: расследование на уровне руководящего состава.

Нужна концепция работы КГБ на республики — информацию каждому президенту.

Уйдет Литва, только лучше будет.

Не втягиваться не в свои дела.

Давать информацию без идеологии; наладить информирование всех президентов».

Речь связная и логичная. Создается впечатление, что назначение в КГБ для Бакатина не было столь уж неожиданным.

Заходит речь о кадровых изменениях. «Вот и первый заместитель у нас есть», — раскованным жестом председатель показывает в мою сторону.

Моментально срабатывает рефлекс: я громко и категорически протестую: «Нет, я не согласен!»

(Нет, я не согласен, уважаемые товарищи начальники! Хватит, я отказываюсь быть бессловесной шахматной фигуркой в ваших коварных руках! Я буду играть по своим, а не вашим правилам.)

Я задерживаюсь после совещания и еще раз твердо заявляю, что быть первым заместителем председателя я не хочу и не буду, «…а то приму решительные меры».

— Какие же? — любезно спрашивает Бакатин.

— Совершу государственный переворот!

Шутка глупая, но она помогает завершить тягостный для меня разговор.

Бакатин предлагает мне продолжать заниматься текущими делами комитета, пока он быстро освоится с обстановкой.

Кстати, обстановка…

— Там сторонники Новодворской пытаются лезть в здание через окна второго этажа. Внизу решетки…

— Если влезут, выбрасывайте их к чертовой матери!

День продолжается. Бакатин брезгливо обходит кресло, в котором сидел Крючков, и пристраивается за длинным столом.

Я иду к себе, отвечаю на непрерывные телефонные звонки, пью чай, курю. Напряженность спадает, удается поглядывать на экран телевизора. Там происходит действо, заставляющее сжиматься сердце даже у человека, не питающего симпатий к Горбачеву. Его привели на заседание Верховного Совета России, и там ликующие победители измываются над президентом Союза. Горбачев растерян и жалок, Ельцин радостно мстителен.

Талантливые бунтари продолжают сметать все то, что было создано трудом добросовестных простаков. Бунтари в зале, простаки на улицах, на заводах, на полях, они продолжают работать.

День тянется к концу. Такой вот получился зигзаг в линии судьбы служивого человека, незамысловатой, как траектория полета пули. Когда-то какая-то неведомая сила выстрелила мной по неведомой мишени. И вот теперь пуля на излете. Она начинает что-то соображать сама.

Черная «татра» легко бежит по ночной Москве, выныривает на темную кольцевую дорогу, взвывает, прибавляет скорость — я еду домой, в Ясенево.

Чувство облегчения от сброшенного бремени, тревога за будущее, беспокойство за себя и за Службу.

Мысли отрываются от сегодняшнего дня, пытаюсь осмыслить все происходящее со мной и вокруг меня. Не только этот странный путч, не свое неожиданное вознесение и столь же внезапное низвержение. Это всего лишь суета, томление духа, жизни мелочные сны…

Что будет с разведкой завтра, когда будут востребованы новой властью ее возможности, когда и как начнет она служить новой России? Это трудные вопросы. Однако, когда речь идет о будущем, человеку свойственно, думая о худшем, рассчитывать если не на лучшее, то хотя бы на сносное. Естественно, всегда присутствует ни на чем не основанная, многократно подводившая уверенность в разумности участников исторического процесса, их способности этим процессом управлять.

Меня же неизмеримо сильнее мучит, доводит до бешенства вопрос не будущего (все в руке Божьей), а настоящего и не столь отдаленного прошлого. Я чувствую себя беспредельно униженным, обманутым и ограбленным, бунтуют остатки человеческого достоинства, возмущенного надругательством над ним. Ведь не только для того я жил, чтобы сытно есть и сладко пить. Я считал себя в меру образованным, в меру разумным, в меру порядочным человеком. Казалось, что так меня и мне подобных воспринимают и другие.

56 лет — немалая жизнь. В ней были война, голод, теснота,

бедность, смерти ближних, обстрелы и осады, разочарование в людях и в себе — обычный набор обычного русского человека моего поколения. Не о чем особенно горевать и нечему особенно радоваться. Но зачем же меня так часто и так гнусно обманывали люди, которым я обязан был верить, зачем же меня заставляли обманывать тех, кто был обязан и хотел верить мне?

Перечень предательств и лжи тягостен, но совершенно необходимо изложить его, вытвердить на память хотя бы для того, чтобы никому не позволить еще раз насмеяться надо мной, над дурацкой верой в порядочность власть имущих.

Нас предали первый раз, когда заставили поверить в полубожественную гениальность Сталина. Мы были еще слишком молоды для цинизма, для того, чтобы подвергать сомнению мудрость старших. (Может быть, идиотом был только я? Имею ли право обобщать? Уверен: имею.) Я и мои сокурсники плакали в марте 1953 года настоящими горькими слезами. Умер Сталин, черная туча грядущих горестей надвинулась на страну и на нас, ее бедных детей. Мы были слишком неопытны, чтобы за траурной пеленой разглядеть лихорадочный блеск глаз одержимых жаждой власти соратников и наследников «вождя всех времен и народов».

В 1956 году нас стали заставлять поверить в то, что Сталин был преступником (не просто знать, а поверить), что все, во что нас раньше, совсем недавно заставляли верить те же самые, сегодняшние вожди, — все это было чудовищным обманом. Унизительно даже вспоминать культик нашего дорогого Никиты Сергеевича, а затем героя Великой Отечественной войны, героя целины, героя возрождения, махрового аппаратчика Леонида Ильича Брежнева, жалкую фигуру Черненко.

В феврале 1984 года, когда стало известно о кончине Ю. В. Андропова, сидя в маленькой комнатке в информационной службе, мы гадали, кто же станет нашим вождем, и гнали прочь мысль, что это место может занять бывший заведующий гаражом и бывший заведующий канцелярией Черненко. Уже через неделю на собраниях и совещаниях зазвучали льстивые слова о «лично товарище Константине Устиновиче Черненко». В этот период уже не обязательно было глубоко и искренне верить, но совершенно обязательно было публично врать.

Обстояло ли дело по-другому при Андропове? Обаяние его личности в моем кругу оперативных работников разведки среднего и рядового эшелона было велико. Оно возрастало в личном общении с Юрием Владимировичем. Он был дальновиден, практичен и остроумен, говорил просто и по делу. Не пришло бы в голову в разговоре с ним прибегать к текущим лозунгам, привычной риторике. Случись такое, думаю, разговор

был бы последним. Но и Андропов лгал и вольно или невольно заставлял нас верить в ложь и лгать самим.

Из официального лексикона исчезло слово «совесть». Ложь стала и ступенькой к успеху, и инструментом в политических играх, и условием выживания. Но совесть, человеческое достоинство могли исчезнуть без следа только в высших и приближенных к ним сферах, где пьянящий аромат власти и всесилия заглушал все.

Они врали ради власти, заставляли нас врать ради своей власти, мяли, уродовали наши души, а мы были вынуждены делать вид, что верим, старались искренне верить всей этой своекорыстной и тупой болтовне. Искренне верить, ибо иначе жить человеку, в котором сохранились хоть какие-то частицы совести, невозможно.

Настали новые времена. Если ложь и не отменили, то по меньшей мере уравняли в правах с правдой. Уходила в прошлое непременность единой канонизированной истины, носителями которой были верховный жрец и таинственный синклит мудрецов, именуемый «политбюро». Еще принюхивались подозрительно к словам блюстители былой идейной чистоты, но становилось ясно, что каждый может верить в то, что ему кажется правдой, и открыто об этом говорить. Появилась робкая надежда, что даже если наши вожди не очень мудры, то по меньшей мере честны.

Право на правду, однако, было вновь использовано для обмана Нас предали в очередной раз.

Светят огоньки моего дома. Нина не спит, она уже знает о происшедших переменах, мой решительный отказ от должности первого заместителя председателя КГБ одобряет

Что-то наконец проясняется: вожатым должна быть только собственная совесть. Достанет ли мне сил?

Я выпиваю стакан водки, с аппетитом ем и ложусь спать, не взяв в руки книгу.

За открытым окном тихонько шумит лес, далеко-далеко кричит беспокойная ночная птица, воздух пахнет дубовыми листьями. Горбачев, Новодворская, Поделякин, Ельцин, Бакатин, толпа на обезображенной площади, Верховный Совет сбиваются в какой-то бесформенный ком и укатывают за пределы сознания…

СЕНТЯБРЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Телефон с надписью «Председатель» отвратительно громким звонком нарушает тишину кабинета начальника разведки в самом начале девятого часа утра, именно в те недолгие минуты, когда человек размышляет о делах грядущего дня.

— Доброе утро, Вадим Викторович! Слушаю…

— Японская газета сообщает, что тысячи партийных функционеров бегут из Советского Союза в Китай через Синьцзян. Немедленно проверьте.

— Думаю, это дезинформация. Сейчас она идет потоком…

— Проверяйте немедленно!

Легкий треск в трубке и молчание. Нажатием кнопки на своем пульте председатель обрезал разговор. Кажется, его внутреннему взору художника (председатель пишет маслом) представилась лавина партаппаратчиков с атташе-кейсами, переваливающая через советско-китайскую границу для того, чтобы потом начать с территории Китая наступление на российскую демократию. Скорее всего, советско-китайская граница в районе Синьцзяна видится ему как нечто вроде скверика на Старой площади напротив зданий бывшего ЦК КПСС: метровый забор, зеленая лужайка — и вот он, Китай.

Задание есть задание. За долгую службу приходилось выполнять так много нелепых заданий, что одним больше, одним меньше — никакой разницы.

Управление «РИ» никогда не расслабляется. Через десять минут в Пекин, Токио летят внеочередные телеграммы, требующие принять самые энергичные меры к проверке сообщения японской газеты. О результатах доложить незамедлительно — это указание председателя.

Некоторым начальникам кажется, что разведка работает по принципу справочного бюро: поступило задание, разведчик тут же встречается с агентом или звонит ему по телефону; если у агента нет требуемых сведений, он должен добыть их немедленно и не мешкая передать по назначению. Примерно так действовал партийный аппарат: звонок из обкома секретарю райкома, и горе ему, если через полчаса он не удовлетворит любопытство областного воеводы.

Для того чтобы получить надежную информацию, разведке надо вызвать агента на внеочередную встречу или внеочередной сеанс радиосвязи, дать ему задание, осуществить через некоторое время контакт для получения информации. Спешка и жадность противоречат самому характеру нашей работы. Дело облегчается,

если у резидентуры есть полезные официальные или доверительные связи, с которыми можно быстро встретиться под удобной легендой. Работник-журналист, скажем, приглашает своего коллегу — местного журналиста пообедать и выясняет через него интересующий Центр вопрос. Уровень информации, разумеется, не тот, но когда требуется не качество, а быстрота, то и это сойдет. Резидент, как и каждый советский человек, должен постоянно выкручиваться. Этим занимаются все, от мала до велика. В Пекине и Токио добросовестные и опытные резиденты, они смогут докопаться до истины.

Совершенно понятно, конечно, что информацию об исходе тысяч перебежчиков через «зеленую границу» (термин означает нелегальный переход) надо искать не за рубежом, а в первую очередь у наших пограничников и в Комитете госбезопасности Казахстана. Возможно, Бакатин сам догадается об этом. Я пояснить ему ситуацию не успел.

Прошу ответственного дежурного по ПГУ связаться с пограничным начальством в Москве и с Алма-Атой. Через полчаса выслушиваю доклад: за последние дни на советско-китайской границе были задержаны два нарушителя — китайские граждане. Они забрели на советскую территорию по хозяйственным нуждам (не уточнили, что за нужда: пасли скот, заготовляли сено, собирали дикие травы?) и были выдворены обратно обычным упрощенным порядком. Обстановка на границе совершенно спокойная. То же самое сообщает и Алма-Ата. Для надежности связываемся с Фрунзе-Бишкеком. И там все спокойно.

Резиденты тем временем указания получили, почесали в затылках: что это Центр стал так нервно реагировать на заурядную дезу? — и приступили к исполнению…

День начался энергично. Новое начальство проявляет недюжинное рвение и, кажется, хочет стать не столько примером, сколько укором для подчиненных. Впрочем, манера довольно странная: лихорадочный рывок, затем полное отсутствие интереса и новый лихорадочный, взахлеб, рывок.

Погода в Москве стоит великолепная, неярким огнем разгорается золотая осень, солнечно и тепло, полетели осенние паутинки, в открытое окно тянет ветерок, чуть-чуть отдающий дымом. Жить бы да радоваться, тем более что и напор разных дел заметно спал: дернулись и притихли, дернулись и притихли…

Спешить особенно некуда, можно пить чай, курить, неторопливо листать газеты.

Министр иностранных дел СССР Б. Панкин провел в Москве переговоры с госсекретарем США Бейкером. Партнеры договорились прекратить поставки оружия всем афганским

сторонам. Советский Союз свое обязательство выполнит — на правительстве Наджибуллы поставлен крест. Американские союзники — Пакистан, Саудовская Аравия — участниками договоренности не являются, поток оружия оппозиции не сократится.

Исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов находится с визитом в Японии. Разведка направляла ему материалы к этой поездке.

Премьер Украины Фокин высказывает уверенность, что Украина вскоре сможет подписать с Россией экономический договор. Что у нас сегодня на месте Советского Союза? Кажется, единое экономическое пространство?

Начинается война в Грузии, Молдавия собирается присоединяться к Румынии, Казахстан создает свое Агентство космических исследований, греческая печать сообщает о достигнутой Грецией и Польшей договоренности выдвинуть кандидатуру Бориса Ельцина на Нобелевскую премию мира. Ничего не сообщается о предыдущем лауреате — М. Горбачеве, он стал заметно реже появляться на экранах и вообще на публике.

Ожесточенные боевые действия в Югославии. Был ли шанс предотвратить братоубийственную бойню? Кажется, был, но советское (еще советское) руководство побоялось занять решительную позицию, чем-то не потрафить западным партнерам. Вообще, думается мне, перестроенные лидеры во главе с Михаилом Сергеевичем были настолько поглощены общечеловеческими ценностями, что им и в голову не приходило, что сотни тысяч беженцев, странствующих по просторам нашего Отечества, жертвы межнациональной розни и политических конфликтов, кровь, льющаяся в Югославии, обнищание и вымирание русского народа — все это ложится на их совесть. Словом, как у Крылова: «До того ль, голубчик, было…»

В целом новости обычные. Злой насмешкой звучит все еще проскальзывающий в выступлениях политиков рефрен: мир стал более безопасным. Для кого?

Дурная, временами изнурительная привычка вести внутреннюю полемику с самим собой. Похоже на игру в шахматы правой руки против левой.

Изменилось все: государство, на которое работает разведка, власть, начальство. Неизменным пока остается распорядок дня. Шифровальщик приносит утренние телеграммы. Обычные темы: проведены операции, кто-то из ценных источников не выходит на контакт, где-то получены интересные документальные материалы. Псевдонимы, условности, «подробности сообщаем почтой» — привычный мир, привычная жизнь. Легко представить

себе работника, который полдня или целый день проверялся, дабы не привести на встречу «наружку», нервничал, успокаивал себя, шел жестко по графику, так чтобы нигде не задержаться сверх необходимого, не привлечь к себе внимания, скользить неприметной тенью по чужому городу. В моем прошлом это было, и до сих пор живо ощущение радости, окрыленности от успешно сделанного дела. С каким нетерпением ждет разведчика резидент, с какой жадностью он слушает возбужденный рассказ о встрече и листает страницы добытых документов! Это наша жизнь.

Сообщение из Копенгагена о вербовочном подходе к нашему работнику. Вербуют грубо, в лоб. О таких случаях необходимо знать председателю КГБ. Со своими примечаниями направляю телеграмму Бакатину.

Что срочного сообщает резидент из Токио? На запрос о беглых партаппаратчиках он ответить не может, времени прошло мало.

Начальнику разведки приходится читать много неприятных вещей самого разного свойства. Токио преподносит нечто совсем необычное: «Хасбулатов выступал на собрании дипломатического состава посольства… выразил резкое недовольство материалами разведки, доложенными ему в Москве… не понимают сути политики… динозавры какие-то… (динозавры — это начальник разведки и столь ценимые им аналитики, — *Л. Ш.)*.

…Один из дипломатов громко сказал: «Нечего с ними церемониться, надо поинтересоваться, чем они вообще занимаются». Хасбулатов ответил, что он непременно это сделает…»

Вот так клюква! Неужели мы опростоволосились, исказили японскую позицию, а я недоглядел? Позор, позор! Начальник японской разведки делает в таком случае «се-пукку» — иными словами, распарывает себе брюхо самурайским мечом и умирает с именем императора на устах. Наша традиция гуманнее. Кроме того, у меня нет самурайского меча и нет лидера, за которого хотелось бы отдать собственную жизнь или отнять чужую…

Замечаю, что неуместные мысли все чаще посещают меня, а сам тем временем вызываю начальника информаторов с его заместителем, непосредственно занимающимся Японией, и прошу их захватить материалы, которые мы на днях направляли Хасбулатову.

Появляются Михаил Аркадьевич и Геннадий Васильевич. Вид у них бодрый, на лицах готовность исполнить любое указание, но и некоторое беспокойство: ясно, что начальство вызывает двоих, да с документами, в столь ранний час не для объявления

благодарности. Информаторы читают телеграмму, я перечитываю пакет документов, вызвавших столь неортодоксальную реакцию спикера российского парламента. (Хасбулатов для нас еще загадочная величина. Ясно только, что это человек неординарный, отнюдь не марионетка в руках Ельцина, у него своя твердая позиция.)

Физиономии асов информационной работы вытягиваются и заметно скучнеют. Я вчитываюсь в документ и не вижу в нем изъянов. Может быть, в одном только месте стоит лишняя запятая. Мы аргументированно, опираясь на документы, показываем, что Советскому Союзу не следует рассчитывать на крупную японскую помощь, даже если японцы получат острова. Спикер же говорит, что Россия «надеется не на сотни миллионов, а на миллиарды долларов» в виде экстренной экономической помощи от Токио. Кто внушил Хасбулатову эту идею? Едва ли министерство иностранных дел, хотя… кто знает Панкина? Разведка в своей позиции и своей оценке уверена, она готова ее отстаивать, но вряд ли это потребуется. Рассыпался не только Советский Союз, развалилась власть. Старая ушла, а новая еще сама себя не познала. Кстати, горячо обсуждается проект нового российского символа. Скорее всего, это будет двуглавый орел. Очень уместно: правая голова не знает, что думает левая.

Короче говоря, уважаемые товарищи аналитики, поднимите документы, которые легли в основу записки, и готовьтесь защищаться!

Аналитики суровеют, затронута их профессиональная гордость. Я пишу на телеграмме: «Доложить тов. Бакатину В. В. Для сведения». Пусть председатель прочитает. Это подтвердит его невысокое мнение о разведке. В любом случае лучше, если он узнает об инциденте от нас, чем по телефону от Хасбулатова. Возможно, что они приятели, хотя это и сомнительно. На выборах Бакатин воевал против Ельцина, самоуверенно предсказывал второй тур, где именно он должен был вступить в единоборство с нынешним президентом. Хасбулатов же твердо и неуклонно стоял на стороне Бориса Николаевича. Бакатин получил три процента голосов и замкнул список претендентов, заметно уступив не только Ельцину, Рыжкову и Жириновскому, но также Макашову и Тулееву.

Геннадий Васильевич уходит, выражая поворотом головы и всей осанкой оскорбленное достоинство. 20 лет мы работаем вместе, шли сквозь огонь и воды и медные трубы. 17 лет назад Геннадий заработал свой первый инфаркт, он воспринимал работу буквально слишком близко к сердцу. Это еще один неброский, непритязательный русский офицер из тех, на ком

издревле стояла наша земля.

Михаил Аркадьевич докладывает информацию. Преобладает единственная тема — положение в Советском Союзе. Мир еще не привык к мысли, что исчезла супердержава, но кое-кого уже беспокоит перспектива усиления России. Наш осведомленный источник предупреждает, что в ЦРУ очень решительно настроены в пользу дробления России на составные, слабо связанные конфедеративными узами части. Видимо, усилия будут сосредоточены на Татарии, где растут сепаратистские настроения.

Вновь вопрос об экономической помощи бывшим республикам Советского Союза. Источник из Комиссии Европейских сообществ уверен, что Россия в обозримом будущем может рассчитывать только на экстренную продовольственную помощь, но никак не на приток валюты.

Судя по информации из Вашингтона, американцы еще не списали окончательно Михаила Сергеевича. Они рассчитывают, что в комбинации с лидерами бывших республик Горбачев некоторое время сможет сдерживать «великодержавные притязания» Ельцина. Неужели американцы все же поддаются эмоциям? Кажется, Михаил Сергеевич сумел чем-то очаровать Буша и Бейкера. Как бы не пришлось им горько разочароваться.

Подписываю телеграммы. Теперь они идут за подписью начальника разведки, минуя председателя, прямо адресатам — Горбачеву, Ельцину, Панкину, по экономической тематике — Силаеву, по военной — Шапошникову. Пожалуй, новый порядок правильнее старого. Разведка должна быть видна и должна отвечать за свои данные, не прячась за КГБ.

Впрочем, некоторые важные аналитические документы мы продолжаем направлять на подпись председателю. Один из них передо мной. Это основательная записка о состоянии советско-китайских отношений, оценке Пекином последних событий в СССР и взгляд в будущее. Суть изложена на трех страницах, даны более подробные приложения для заинтересованного читателя. Документ только что положил на стол мой помощник. Пояснение от начальника секретариата КГБ Д. А. Лукина, написанное от руки на «фартучке» — так называют небольшой прямоугольный лист, прикалываемый к левому верхнему углу документа. Вот что передает Лукин:

«Мнение председателя: приложение и основной документ объединить и резко сократить. Написать в более дружественном тоне в отношении КНР. По его мнению, Китай будет поддерживать КПСС и эту мысль надо изложить. При этом при улучшении отношений с СССР в целом эта поддержка может быть

меньшей. В этой связи он считает, что можно было бы в записке высказаться за возобновление деятельности КПСС.

Таковы замечания.

С уважением…»

«Все возвращается на круги своя, только вращаются круги сии…»

Который раз сожалею, что не верю в Бога, ибо не к кому воззвать, некому пожаловаться. Много лет разведку, министерство иностранных дел, всех тех, кто в состоянии думать и писать, заставляли думать и писать так, как удобно начальству. Если мнение начальства не совпадает с реальностью, тем хуже для реальности. В последние годы мы начали с трудом освобождаться от ненавистной сервиль-ности в формулировках, оценках и выводах. Правда спасет страну и общество, да здравствует объективность! Простодушные мы люди: борьба за власть обостряется, в ней хороши все средства, и искажение информации, пожалуй, самое невинное из них. Замысел Бакатина — Горбачева прозрачен. Михаил Сергеевич предал КПСС, но в противоборстве с Ельциным партия ему могла бы пригодиться. Пусть они осуществляют этот замысел сами и не втягивают в свои игры разведку. Мы сыты по горло, нас не считают за людей, мы еле приметные деревянные фигурки на гигантской шахматной доске. Наши имена вспоминают только тогда, когда надо искать виновных за прегрешения начальства.

Прошу Михаила Аркадьевича срочно проверить, есть ли у нас данные о том, что Китай будет поддерживать КПСС. Ответ следует через несколько минут: таких данных нет. Откуда же они взялись у Бакатина? Оттуда же, из обкомовского прошлого- мне так нужно — значит, так должно быть?

Сообщаю Лукину по телефону, что, к сожалению, разведка не в состоянии подтвердить мысль председателя фактами, и прошу доложить об этом Бакатину.

Дмитрий Александрович Лукин — профессиональный контрразведчик, и его новому посту — приближенному к креслу, — не позавидуешь. Председатель размашист, капризен, груб, есть в нем какая-то истеричность. Лукин худеет на глазах. Дня два-три назад он передал указание Ба-катина — прибыть на совещание в 19.30. Прибыли, зашли в кабинет. «У меня к вам вопросов нет, — говорит Бака-тин, — не знаю, зачем вы собрались. Опять секретариат что-то напутал». Поехали обратно, несолоно хлебавши и дружески попрощавшись с Лукиным.

Телефоны звонят редко. Начальник ПГУ подозревается в причастности к августовскому заговору, каждый разумный человек исходит из того, что новая власть может подслушивать

его телефоны. Зачем лишний раз фиксировать на магнитофонной пленке свое знакомство с сомнительной личностью? 37-й год был очень давно, но память о нем, видимо, перешла в генетический код русского человека. Я прекрасно понимаю своих знакомых и тоже стараюсь не навязываться со звонками, тем более что настоящая деловая активность резко спала. Идут дележка постов, сфер влияния, выяснение отношений, поиски сторонников и предательство былых соратников.

Совсем недавно (когда это было — две-три недели назад?) проходила сессия Верховного Совета СССР — действо, которое несмываемым позорным пятном легло бы на страницы истории любого государства. Народные избранники, отталкивая друг друга локтями и плечами, рвались к микрофонам, чтобы публично донести на коллегу, выгородить себя. Жалкое блеяние насмерть перепуганных людей и постыдное самолюбование победителей. Вот вам живой ответ на вопрос, каким образом в 1937 году страна захлебнулась в лавине доносов! Неужели все четыре миллиона (!) лживых доносов были написаны или инспирированы НКВД? Нет! Достаточно взглянуть на сегодняшних народных избранников…

Если наши потомки будут умнее, а главное, порядочнее нас, они накроют горы нынешнего вранья, лицемерия, предательства чем-то наподобие бетонного саркофага, в который одели реактор Чернобыля.

Еще не известно, чем закончится расследование, которое ведет в ПГУ группа во главе с Шиповским.

Помяни дьявола — и он тут как тут. Шиповский легок на помине. Виктор Алексеевич работает в инспекторском управлении, возраст его предпенсионный: плохо поработаешь — уволят. Он стремится поработать хорошо, но в то же время не согрешить против истины. Эти две вещи трудно совместимы. Виктор Алексеевич говорит мягко, ведет себя безукоризненно вежливо, и не только потому, что имеет дело с заместителем председателя — начальником разведки. Он интеллигентный человек, у которого за плечами хорошая чекистская школа и долгие годы непорочной службы Иными словами — коллега, человек моего круга. Группа Шиповского опросила десятки сотрудников ПГУ, просмотрела десятки дел, причем пыталась заглянуть и туда, куда посторонним вход строго воспрещен, — в оперативную область. Вывод один — ни ПГУ, ни его начальник о заговоре осведомлены не были и участия в осуществлении путча не принимали. Не мелькнула ли в глазах моего собеседника легкая тоска? Ведь хорошо поработать — значит, получить результат, откопать какие-то скрываемые доказательства!

Вчера позвонил мне знакомый из секретариата (отчаянный человек!) и в полном изумлении поведал такую историю. По указанию Бакатина было проведено тщательное исследование (мы живем в эпоху исследований, расследований, дознаний и судилищ) вопроса о возможной причастности КГБ к покушению на папу римского в 1982 году. Никаких признаков этого обнаружено не было, о чем Ба-катин и доложил Горбачеву, сделав такую собственноручную приписку: «За недолгие дни работы в КГБ я убедился, что чекисты не только хорошо хранят тайну, но и умеют заметать следы». Иначе говоря, отсутствие доказательств есть доказательство того, что доказательства были уничтожены. Великолепная и несокрушимая логика того швей-ковского жандарма, который писал в донесении: «Из показаний арестованного совершенно ясно вытекает, что только неимение при себе аппарата помешало ему сфотографировать железнодорожные строения и вообще места, имеющие стратегическое значение… Только благодаря тому обстоятельству, что аппарата при нем не оказалось, никаких снимков у него обнаружено не было». В оправдание жандарма надо напомнить, что писал он свой рапорт с сильного похмелья.

Вот и Шиповский никак не может угомониться.

— Но, Леонид Владимирович, ведь Крючков встречался с другими заговорщиками на объектах ПГУ. В вашем гостевом доме в поселке, в АБЦ на Ленинском проспекте… Ваши люди обслуживали эти встречи, еду и напитки подавали, а вы говорите, что об этих встречах не знали.

Попробуй доказать человеку, что я оперативный работник разведки и Крючков был моим непосредственным начальником, что все мое служебное воспитание не позволяло мне интересоваться, с кем и для чего встречается председатель КГБ. Да, Крючков звонил мне, спрашивал, свободен ли вечером гостевой дом, и просил распорядиться подготовить ужин, иногда на две, иногда на три-четыре персоны. По-видимому, мой собеседник считает, что после каждой такой встречи поутру я вызывал официанток, охранников и опрашивал их: кто был с Владимиром Александровичем? да сколько выпили? о чем говорили? спорили? улыбались или хмурились?..

Который раз — третий или пятый? — разъясняю, как было дело. Виктор Алексеевич вежливо и сочувственно улыбается. Я знаю, что на днях он же начнет проверку финансовых дел разведки. Он думает, что мне это неизвестно.

На очереди беседа с начальником управления кадров ПГУ. Получено указание подготовить предложения по сокращению зарубежного штата разведки и ее внутренней реорганизации. По

столичным учреждениям, имеющим свои представительства за границей, растет и ширится движение протеста против использования их Комитетом госбезопасности в качестве прикрытий. Волнуются главным образом журналисты. Кое-кому кажется, что разведчики занимают места, которые по праву должны принадлежать им, работникам пера, микрофона и телекамеры. Им неведомо, что разведка оплачивает содержание своих офицеров за рубежом из собственного бюджета. Будет отозван разведчик — исчезнет должность, ускользнет из-под самого носа борца за справедливость. Но напор велик, и, к сожалению, тон задает министр иностранных дел Б. Д. Панкин.

Наше государство давно распалось на незримые административные уделы со своими интересами и сферами влияния. Сильная власть могла заставлять их действовать в едином направлении, учитывать общегосударственный интерес, поступаться ведомственной корыстью. Разведка, так же как вооруженные силы, дело общегосударственное, и главы ведомств, учреждений, органов информации с охотой или скрипя зубами создавали ей возможности для работы. Распалось государство, расползлась аморфной массой власть, каждый за себя. Нас вытесняют, и апеллировать не к кому.

Будем приспосабливаться к обстановке, а заодно посмотрим, нет ли возможности извлечь хоть какую-то пользу для разведки, несколько омолодить личный состав, избавиться от лишнего жира, который сковывает ее движения.

Предложения у Анатолия Александровича готовы. Уточняем отдельные позиции для доклада председателю и последующей беседы с Б. Д. Панкиным. Он уже распорядился приостановить оформление в МИД краткосрочных командировок сотрудников ПГУ.

На председателя надежда слабая. При каждом удобном и неудобном случае он заявляет, что ему неизвестно, чем там занимается разведка. Выяснить это можно очень просто — побеседовать с разведчиками. Такую попытку Бака-тин недавно сделал.

Я был в своем кабинете на Лубянке. Звонок из Ясенева: к нам на объект едет председатель, приказал собрать всех заместителей начальника ПГУ. Интересно, меня, что ли, снимать едет? Почему же не предупредил? Получаются вроде бы похороны с попом, но без покойника… Зван или не зван — надо ехать, хозяйство-то пока мое. Едем. Занимает меня пустая мысль: сознательно председатель обижает людей или у него это от упрощенности натуры? Может быть и так, и так.

Пустые размышления, никому не нужные. Начальство себе не

выбирают. Хочешь служить — делай вид, что даже приятно, когда начальство снисходит до тебя хотя бы грубостью. Привыкнешь помаленьку, потом тобой будут вытирать грязные сапоги и при удобном случае с позором выкинут. Рассказывал знакомый, как Бакатин приглашал его на руководящую должность в МВД: «А какие качества нужны, я же в МВД никогда не работал?» — «Какие? Чтобы мне нравился, вот какие!»

В приемной висит тяжелое облако всеобщего уныния, дежурные непривычно понурые.

— В чем дело?

— Председатель ругался. Какая, говорит, вы дежурная служба, обстановку не отслеживаете… Говорил, что у них в МВД дело было поставлено в сто раз лучше. Мы пытались объяснить, он кричит и ничего не слушает.

Бывают люди, у которых в голове что-то переставлено, порядок прохождения сигналов перепутан. Поинтересуйся, чем должны заниматься дежурные в ПГУ: наблюдением за порядком на территории, приемом и отправкой почты, встречей посетителей, автомашинами. Мелкие, но совершенно необходимые дела. За обстановкой в мире круглосуточно следит специальная группа в информационном управлении, за обстановкой в стране — дежурная служба КГБ, с которой у нас постоянная связь. Поинтересуйся, подумай и сделай выводы. Явно выпадают два первых члена формулы.

В кабинете сидят заместители начальника и начальники управлений ПГУ, в рядок с ними Вадим Викторович, как всегда, мужественно элегантен. Мое место во главе стола свободно, предлагаю председателю занять его, он отказывается, сажусь сам.

Разговор только начался. Выступают по очереди разведчики, рассказывают, чем занимаются. Председатель не перебивает, изредка задает вопросы. В общем, все нормально. Мои коллеги внутренне настороженны, хотя говорят свободно, не мнутся и не заикаются. Кажется, с обеих сторон проявляется какое-то взаимное любопытство: так вот, дескать, вы какие!

Доходит очередь до Михаила Аркадьевича. Он добросовестно, своей обычной деловитой скороговоркой, довольно монотонно рассказывает об особенностях информационной службы, о том, как из ворохов информационных материалов приходится выбирать действительно ценное и интересное.

— Иначе говоря, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды?..» — участливо перебивает Бакатин.

Какой-то черт дергает меня за язык.

— Пушкин? — громко интересуюсь я.

— Нет, Маяковский, — серьезно поясняет Бакатин.

Совещание продолжается около полутора часов. Председатель разобрался с разведкой, ему все ясно…

Нет ничего приятнее пыли из-под колес экипажа отъезжающего начальства.

Все это было несколько дней назад. С тех пор я слышу голос председателя только по телефону. Голос обычно раздраженный, с оттенком хронического недоумения, готовый вот-вот сорваться в истерику. Очень неприятно. Как у Щедрина: «Скажи, в чем я виноват, разреши тенета сус-пиции». Может быть, в том, что тридцать без малого лет прослужил в КГБ, или в том, что не защищал демократию вместе с миллионами честных людей на баррикадах у Белого дома? Или в том, что нет доказательств моего участия в заговоре? «Не дает ответа…»

Дел сегодня много. Во-первых, Комитет госбезопасности после обеда посетит государственный секретарь США Бейкер. Начальник ПГУ приглашен участвовать во встрече. Во-вторых, надо подготовиться к выступлению на заседании парламентской комиссии по расследованию деятельности КГБ во время августовских событий. Мандат комиссии несколько расплывчат, и в ее задачу входит выработка рекомендаций по реформированию КГБ.

Громкий звонок. Бакатин:

— Что у вас там по перебежчикам?

— Пограничники говорят, что все спокойно…

— Я без вас знаю, что говорят пограничники! Что известно разведке?

— Пока ничего. Как только получу ответы из резидентур, сразу сообщу. Уверен, что имеем дело с дезинформацией.

Неодобрительный звук, и трубка молчит.

Мне очень хочется, чтобы мой кабинет прослушивался, чтобы начальство услышало, что действительно думает о нем его заместитель.

Стыдно, я теряю чувство меры. Бакатин — только печальный эпизод, вполне возможно, что он не хуже других, хотя сама эта мысль нагоняет тоску. Рассыпался мир, исчезло государство, в верности которому я клялся. Что такое бывший секретарь обкома на фоне апокалипсиса? И что ты сам? Не опошляй трагедию обывательским фарсом!

Сейчас можно перекинуться на сторону новых ценностей. Подумаешь, какое дело — всего-навсего соскрести ярлык чекиста. Беда-то в том, что это давным-давно не ярлык, но часть моей души и моего тела. Можно отодрать его с кровью, прирастить новый — мы не из благородных. Но пройдет немного времени, и меня заставят срывать, соскабливать новый ярлык и привесят

очередную наклейку. Бывшие партийные работники уже пошли в церковь, на всякий случай молятся Богу. Похоже, они всю жизнь верили в Бога, только боялись себе подобных больше, чем Божьего гнева, и нас, простаков, морочили воинствующим партийным "атеизмом. Неужели они всерьез рассчитывают, что Господь, если он есть и если он уделяет хоть капельку внимания земным делам, простит им их былые и нынешние прегрешения?

Что касается меня, товарищи или господа (черт вас разберет с вашей лукавой переменчивостью), то я не собираюсь менять ни ярлык, ни душу. Я — русский человек и, следовательно, ни предавать веру, ни рассчитывать на легкую жизнь не должен.

Вновь, кажется, теряю чувство меры. Надо успокоиться. Стакан чая, сигарета, десять шагов по ковру туда, десять обратно… Со стены смотрит на меня с укоризной Феликс Эдмундович Дзержинский. Я перед ним виноват. Оказавшись временно в кресле председателя КГБ, 22 августа я наблюдал публичную казнь его монумента на Лубянской площади и не вмешался, не разорвал на себе рубашку, не пошел на ликующую, одержимую злобной радостью толпу. Ищу себе оправдания, кривлю душой, мысленно обращаюсь к толпе: «Святая простота…» Феликс Эдмундович оказался в одиночестве. В середине дня 19 августа, когда ход событий был еще непредсказуем, я исполнил зарок и снял со стены портрет Горбачева. Каюсь, поколебавшись немного, снял и Ленина с Андроповым. На всякий случай… В демократию я верю, не верю «демократам».

Распорядок обычный. Доклад информации. Материалы для спокойных умов и, следовательно, восприняты не будут.

— Ничего, Михаил Аркадьевич, не огорчайтесь. Жизнь еще будет преподносить нам сюрпризы.

— Я и не огорчаюсь…

— В этом случае, коллега, прошу вас: поднимите повыше нос! Переживем!

Михаил Аркадьевич уходит несколько бодрее, чем вошел.

«…Откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро»…» Где ты, воля?

Приглашаю Вадима Алексеевича пообедать. Погода ясная и теплая, березки и клены тронуты осенним золотом. Политические и административные бури бушуют над разведкой, а здесь, в Ясеневе, невозмутимо вычерчиваются на фоне голубого неба строгие контуры зданий, подметены дорожки, пострижены лужайки. Почему-то это вызвало раздражение Бакатина: «В стране творится черт знает что, а у вас здесь газончики…» И добавил: «Теперь вижу, что если КГБ — государство в государстве, то разведка — это государство в КГБ».

Все, кажется, как было и месяц, и год, и два назад. Памятник Ленину, пруд, купы деревьев, красная полоса, подчеркивающая шеренгу флагштоков. С красной полосы, однако, исчезли слова «Имя и дело Ленина будут жить вечно», на деревянном штакетнике остались только контуры букв. Трудно сказать, заметили ли сотрудники исчезновение надписи. Ни вопросов, ни протестов не было.

В столовой тоже есть изменения, и они, пожалуй, столь же многозначительны, как смена лозунгов. Скромный обед стоит двадцать рублей, выбор беднеет. Тревожно то, что очереди в столовых исчезли, — многие сотрудники, особенно многодетные, уже не могут позволить себе роскоши пообедать, приносят бутерброды из дома. Стыдно смотреть людям в глаза: мы, начальники, не в состоянии обеспечить своим офицерам сносный уровень жизни. Несколько десятков семей мыкаются по Москве без своей крыши над головой, ютятся у родственников, снимают квартиры за совершенно непосильные для них цены. Разведка набирала оперативных сотрудников по всей стране — самых талантливых, преданных, увлеченных, сорвала их с мест и теперь не может обеспечить обещанным жильем.

Как будем жить дальше?

Неспешно бредем с Вадимом Алексеевичем по дорожке, вполголоса разговариваем. Прошедшие недели еще больше сблизили меня с первым заместителем начальника ПГУ. Для меня оказываются необходимыми его здравый смысл, порядочность, знание людей, солидная невозмутимость. Послеобеденные беседы свободны и откровенны, можно говорить на любую тему, но последние дни мы неизменно возвращаемся к одному и тому же: что в действительности случилось 19–21 августа, каким образом дальновидный, хитрый, целеустремленный Крючков оказался в тюрьме, на что он рассчитывал, почему так нелепо, по-дилетантски проводились меры чрезвычайного положения?

Мы с Вадимом Алексеевичем вспоминаем недавние события день за днем, эпизод за эпизодом.

Начальник ПГУ и его заместители узнали о создании ГКЧП и введении в стране чрезвычайного положения утром 19 августа из сообщения по радио. Это факт, установленный двумя комиссиями — ведомственной и государственной. Тем же утром начальник ПГУ участвовал в совещании у председателя КГБ. День 19 августа проходил так.

Звонок дежурного: «Совещание в кабинете председателя в 9.30».

Если раннее утро начинается с телефонных звонков, добра не жди. Это вестники тревоги, нарушения нормального хода жизни.

Мелькнула мысль: «Нормальной жизни уже не будет никогда».

Передаю информационной службе указание записывать на пленку передаваемые по радио тексты документов ГКЧП и отправляюсь из Ясенева на Лубянку.

Как обычно по утрам в понедельник, на улицах много машин, люди возвращаются из-за города. Очереди на автобусных остановках, народ спешит на работу. Спокойно в центре, обычная толкучка у «Детского мира», никаких внешних признаков ЧП.

В углублении коридора напротив кабинета председателя ждут 9.30 знакомые все лица — члены коллегии, начальники управлений. Все слегка подавлены, не слышно разговоров, не видно улыбок.

Крючков начинает совещание без предисловий; понять, что произошло, невозможно. По привычке делаю короткие пометки, по привычке про себя пытаюсь кратко, одной фразой, прокомментировать речь Крючкова. Получается: «Чрезвычайное положение введено с целью помочь в уборке урожая». Говорит Крючков отрывисто, он очень возбужден, завершает выступление примерно такими словами: «Работайте!» С предложением задавать вопросы не обращается. Мелькнула фигура Плеханова, начальника службы охраны, генерал совершенно подавлен. («Видимо, беспокоится о здоровье президента? Ведь он болен?») Какой-то ободряющий жест в его сторону сделал Крючков.

Расходимся понурые, обмениваемся не мнениями, а бессмысленными ругательствами вполголоса.

Внутренний голос подсказывает, что сейчас от Лубянки лучше держаться подальше, чтобы не нарваться на какое-нибудь поручение. Любителей загребать жар чужими руками в этом здании всегда было достаточно.

Возвращаюсь в Ясенево. Те же улицы, но по ним идут колонны бронетехники. То там, то здесь заглохшие машины, около них суетятся солдаты. В воздухе дизельный чад, как в худые времена в Кабуле. Колонны кажутся бесконечными, идут неспешно и, к нашему удивлению, останавливаются на красный свет светофоров. Явно происходит что-то не то.

Уличное движение продолжается обычным порядком и приходится задержаться лишь минуты на три на проспекте Вернадского у выезда на кольцевую дорогу.

Созываю своих заместителей, начальников подразделений, кратко излагаю ситуацию по крючковским тезисам, записанным отдельными словами и фразами.

Сразу же говорю коллегам, что добавить мне нечего, что ситуация, видимо, постепенно прояснится, прошу соблюдать спокойствие, поддерживать дисциплину. Больше сказать нечего.

Собравшиеся озадачены, но врать у нас не принято, больше сказать ничего не могу, и они воспринимают положение таким, как оно есть.

Крючков пошел на авантюру? Но уж больно внушительно выглядит список ГКЧП. И что с президентом? Инсульт? Инфаркт? Ни черта не поймешь. А вместе с документами ГКЧП зачитывают письмо Лукьянова по поводу союзного договора. По духу он вместе с ГКЧП, но не в его составе. Где бесчисленные комитеты Верховного Совета, где гора, пирамида египетская законодательной власти?

Телевидение показывает дурацкие мультфильмы, радио ведет бессмысленные передачи. У нас принимается программа американской телекомпании Си-эн-эн. Фантастическая ситуация: узнали о положении в столице нашей Родины из американских источников, из сообщений телеграфных агентств, из телефонных звонков частного свойства. Никто ничего не знает! Крючков где-то непрерывно совещается, спрашивать что-либо у Грушко бесполезно, да и не хочется — можно на что-то напроситься, а дело явно нечистое.

Судя по Си-эн-эн, народ начинает стекаться на Манежную площадь и главным образом к Белому дому на Краснопресненской набережной. Это подтверждают звонки.

Время идет. Никаких указаний и никакой информации. Прошу разослать в резидентуры тексты сообщений ГКЧП и указание докладывать о реакции на события в Москве. Реакция последовала быстро — резко негативная со всех сторон, кроме Ирака. Ирак приветствует. Расписываю телеграммы Крючкову, по его указанию какая-то их часть направляется членам ГКЧП. Пусть читают, их это не ободрит, может быть, задумаются.

Но и нас ничто не ободряет. Эфир молчит, телетайпы передают обращения Б. Н. Ельцина, группа сводок их моментально распечатывает и распространяет в главке. Обстановка в городе явно накаляется, но на экране — мультфильмы, по телефонам встревоженные голоса ничего не понимающих и не знающих людей. Так же звучит и мой голос.

Звонок самого важного телефона — АТС-1, правительственная связь. Сергей Вадимович Степашин, с которым я познакомился недавно. Вместе с другими представителями ВС России где-то в мае — июне он побывал у нас на объекте.

Не помню точно его слова, но смысл ясен: необходимо что-то сделать, чтобы предотвратить надвигающуюся трагедию.

Я совершенно согласен со Степашиным, дело идет к чему-то страшному.

— Надо немедленно поговорить с Крючковым, надо убедить

его, что необходимо прекратить все это…

— Как с ним связаться? Мы в кабинете Бурбулиса…

По другому телефону пытаюсь отыскать Крючкова. Говорят, он на совещании у Янаева. Звоню туда в приемную, требую вызвать Крючкова. Он подходит к телефону. Говорю, что надо договариваться, надо остановить все происходящее. Он спрашивает только номер телефона Бурбулиса и бросает трубку. Был ли разговор, о чем, я так и не знаю.

Эфир молчит. К вечеру пресс-конференция Янаева. Она уже описана десятки раз. Дрожащие руки, заверения в том, что он, Янаев, считает Горбачева своим лучшим (или очень хорошим?) другом и надеется еще с ним поработать. Впечатление убийственное. Это был капитальный гвоздь в крышку гроба несостоявшейся диктатуры.

Задаем сами себе вопрос: могли ли мы у себя в ПГУ заранее предвидеть введение чрезвычайного положения? 18 августа начальник ПГУ получил приказ привести в состояние полной боевой готовности 100 бойцов Отдельного учебного центра. Это мощная сила — великолепно подготовленные и отлично оснащенные офицеры, предназначенные для действий в особых условиях за рубежом. Никаких разъяснений по поводу того, куда их собираются направить, до утра 19 августа получить не удалось. Разве нельзя было догадаться, что какие-то экстраординарные события происходят не в Прибалтике или на Кавказе, а в Москве? У Вадима Алексеевича 18 августа было последним днем отпуска, так что вопросы обращены не к нему, а к начальнику разведки, успешно отрицающему свою предварительную осведомленность о подготовке чрезвычайного положения. Ведь Крючков ему доверял?

Пытаемся разобраться. Разумеется, начальник разведки знал, что последние недели Крючков интенсивно встречается на объектах ПГУ с членами высшего государственного руководства. Не представило бы ни малейшего труда выяснить, когда и с кем. Начальник разведки был убежден, что остановить падение страны в пропасть без чрезвычайных мер невозможно. Не было секретом, что той же точки зрения придерживается Крючков. Так почему же начальнику разведки не хватило ума проникнуть в замыслы бывшего председателя? Всего бы хватило, если бы было желание встревать непрошенным в дела Крючкова. Кирпиченко со мной совершенно согласен: правильно, что оставались в стороне от замыслов Крючкова и не пытались в них разбираться. Мы профессионалы, а не политиканы, наша любознательность строго ограничена служебными интересами.

Еще вопрос: почему Крючков не привлек к подготовке ГКЧП

Первое главное управление? Не доверял начальнику разведки, боялся, что он выдаст его замыслы демократам? Исключать это нельзя — Владимиру Александровичу присуща крайняя осторожность, а последнее время позиция начальника разведки стала вызывать у него сомнения. Предположение политически спасительное, но для меня несколько обидное. Дисциплина есть дисциплина, я — кадровый офицер КГБ и ни при каких обстоятельствах не стал бы доносить на своего начальника. Дело, видимо, в другом — план введения чрезвычайного положения не требовал привлечения возможностей разведки и, думается, Комитета госбезопасности как организации в целом. В замысел были посвящены далеко не все руководители комитета, начальник ключевого подразделения — Второго главного управления — Г. Ф. Титов даже не был отозван из отпуска.

Судя по всему, предусматривалось, что создание ГКЧП будет чисто политическим мероприятием, не потребующим применения силы. Из этого, естественно, следует вывод, что у инициаторов ГКЧП были договоренности или, по меньшей мере, понимание с гораздо более широким кругом политиков, чем это пытаются представлять сейчас: кучка-де заговорщиков, действовавшая в глубокой тайне. Логично, но в эти рассуждения не укладываются танки на улицах. Танки-то зачем, если не собирались применять силу и все было заметано заранее?

У меня есть объяснение. Оно выношено долгими годами наблюдения за людьми и их делами. Роль ошибки, просчета, легкомыслия и просто глупости никогда не учитывается в анализе политических ситуаций. В материалах расследований, отчетах, публицистических статьях, научных трудах логика и разум вносятся туда, где господствовали неразбериха и некомпетентность, отметается элемент случайного, все события нанизываются на железный стержень рациональной, злой или доброй, воли. В жизни так не бывает. Танки на улицах — результат чьей-то глупости, излишней и вредной перестраховки.

И еще один, ключевой вопрос: какова же была действительная роль Михаила Сергеевича в августовских событиях? Неужели президент знал о планах «заговорщиков»? Можно ли верить слухам, что он одобрил их в своей обычной неопределенной манере и выжидал исхода? В случае успеха, говорят злые языки, он быстро оправился бы от мнимой хвори и остался бы президентом. Завершилось дело провалом — он остался президентом. «Заговорщики» сами виноваты и теперь оказались в тюрьме.

Этот разговор бесконечен. Каждый день вскрываются новые детали, в памяти всплывают какие-то забытые эпизоды,

складывается мозаичная картина прошедших событий, в которой еще очень много белых пятен.

Пора собираться на встречу Бакатина с Бейкером.

Есть ответы на наш заполошный запрос о перебежчиках. В Токио удалось переговорить с автором статьи. Японец ссылается на расплывчатые слухи, никаких конкретных данных у него, разумеется, не было. Пекинские источники категорически отрицают, что Китай принимал перебежчиков из Советского Союза. Совершенно очевидная дезинформация. Авторы учитывают неустойчивое психологическое состояние новой власти и науськивают ее на коммунистов. Не важно, что выдумка будет разоблачена, — сомнения останутся, в следующий раз на подготовленную почву откуда-то совсем с другой стороны будут брошены новые отравленные семена. Методика нам хорошо известна.

Пытаюсь доложить по телефону председателю. Дежурный сообщает, что «руководство занято и трубку не берет».

Из секретариата сообщили резолюцию Бакатина на наш доклад о вербовочном подходе в Копенгагене: «Почему вас это удивляет? Ведь и вы иногда действуете таким же образом». Разве я докладывал о происшедшем для того, чтобы поделиться с умным собеседником своим удивлением. Можно было ожидать, что председатель поинтересуется нашими защитными мерами или спросит, как часто бывают подобные случаи, словом, проявит какой-то деловой интерес. Здесь же позиция третейского судьи: сами вы, дескать, хороши, и нечего удивляться.

Приходит в голову грустная мысль: легче было бы, пожалуй, найти общий язык с марсианином.

Мне хочется уличить себя в несправедливости и найти в своем начальнике позитивные черты. Это нужно сделать не по соображениям абстрактной объективности — невозможно работать с человеком, будь то начальник или подчиненный, если видишь в нем только плохое. Вадим Викторович очень презентабелен, хорошо смотрится на пленумах, совещаниях и экранах телевизоров. Это в наше время несомненный плюс Говорят, что написал книгу. Это тоже плюс Книгу надо непременно прочитать и даже попросить автограф… Внутренний поиск справедливости перебивается неуместным воспоминанием. Утром 24 августа новый председатель вошел в приемную — «предбанник» своего кабинета, выслушал краткий ритуальный рапорт дежурного офицера и спросил:

— А где вы были 19 августа?

— На работе, — правдиво ответил дежурный.

— Уволить его! — сказал Бакатин находившемуся при нем

кадровику и бодро проследовал в кабинет. «Я — жесткий человек», — любит говорить о себе Бакатин.

Ладно! Пора отправляться на Лубянку. Черная «татра» у подъезда укоризненно пофыркивает: заместитель председателя Столяров ездит за рулем собственных «Жигулей», а мы все от привилегий отвыкнуть не можем! Черный лимузин нам подавай! Ишь, возомнивший о себе опер!

На Лубянке иду в свой большой и пустынный кабинет, дежурный С. И. Кротков передает какие-то пакеты из секретариата. Сергей Иванович находился на этом месте утром 19 августа. После совещания у Крючкова я заглянул в кабинет и попросил Кроткова снять со стены портрет Горбачева. «Пусть со стен смотрят покойники, а живые выступают по телевизору!»

До встречи еще с полчаса. Звонок: просит заглянуть председатель Иду. Бакатин один. Спокойный и разумный разговор. О перебежчиках в Китай — оставить без внимания. Совершенно правильное решение: дезинформация производит меньшее впечатление, если ее просто проигнорировать. Логичные и интеллигентные суждения о меняющемся мире и необходимости содействовать позитивным переменам. Разговор начинает мне нравиться, и я вновь укоряю себя в предвзятости. Отношения с Соединенными Штатами надо развивать. «Абсолютно верно», — согласно киваю я. «Так вот, — продолжает Бакатин, — не стоит ли в интересах развития отношений информировать американцев о технике подслушивания, которая установлена у них в посольстве? Что мы уперлись, зачем это нужно?»

К этому вопросу я не готов, но сразу вспоминаю, что наше посольство в Вашингтоне буквально нафаршировано подслушивающими устройствами. Напоминаю об этом председателю и говорю, что, может быть, стоило бы подумать о том, чтобы эти проблемы решать на основах взаимности.

Бакатин выражает уверенность, что жить по-старому нельзя и должен же кто-то сделать первый шаг. Не успеваю ничего возразить. Гости внизу и поднимаются на четвертый этаж на лифте.

Да, опять мы должны делать первый шаг. Сколько этих первых, вторых и последующих шагов сделали Горбачев и Шеварднадзе?

Приемная битком набита журналистами, телекамерами, охраной, дежурными, помощниками. На веселое оживление строго смотрит мраморный Дзержинский, выставленный в «предбанник» из кабинета председателя. Распахивается дверь лифта, шум и гам мгновенно смолкают. Крепкое рукопожатие

председателя КГБ и госсекретаря США, радостно сияющее лицо Вадима Викторовича и сдержанная улыбка Бейкера. Два переводчика: один — из союзного МИД, другой — американец, оба великолепные специалисты. Хозяин и главный гость следуют в кабинет, за ними валит толпа журналистов.

Оказия историческая. Ни американская, ни московская сторона не вспоминает, что в этом кабинете в последние годы Крючков принимал посла США Мэтлока, начальника Объединенного комитета начальников штабов генерала Пауэлла, заместителя помощника президента США Гейтса, ушедших в отставку директоров ЦРУ Колби и Тернера. Бейкер действительно здесь впервые, но, удивительно, хозяином в этом кабинете чувствует себя скорее он, а не Бакатин. Кажется, это тот редкий момент, когда Вадим Викторович забывает посмотреться в зеркало. Он в самозабвенном упоении: сам господин Бейкер, правая рука президента Буша, посещает КГБ. Мир уже никогда не будет прежним. Со стены взирает на душещипательную сцену портрет Михаила Сергеевича Горбачева. На портрете он молод, полнолиц, глаза его светятся историческим оптимизмом, он явно одобряет и посещение Бейкером КГБ, и своего верного помощника и единомышленника Вадима Викторовича Бакатина. Мы долго не могли угомониться: какая честь, какая редкая привилегия принимать в КГБ (брезгливая гримаса!) господина Бейкера. Разумеется, он должен понять, что председатель КГБ относится к своему ведомству совершенно неодобрительно. Господин Бейкер, кажется, не питает никаких сомнений на этот счет. Ему, совершенно очевидно, нравится господин Бакатин.

— О, совсем недавно я отдыхал вместе с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе, и он мне сказал…

— О, господин Шеварднадзе сказал… Это мой очень близкий друг.

— О, мы очень близки с Эдуардом Амвросиевичем, и он мне сказал, когда мы ели шашлык…

Ну что ж, раз оба собеседника числят Эдуарда Амвросиевича среди своих дорогих друзей, вопрос о взаимопонимании не возникает.

Бейкер очень дипломатично и твердо разъяснил, что России не должно быть позволено притязать на чрезмерную долю при разделе наследства бывшего СССР. Господин Бакатин дипломатично, но с энтузиазмом принял этот тезис. Помощник господина Бакатина господин Никонов, сидящий за тем же столом, одобрительно улыбнулся: Россия должна раз и навсегда расстаться с великодержавными амбициями.

Помощник председателя КГБ Никонов — прелюбопытная

фигура. В отличие от советника председателя господина Калугина, он практически неизвестен публике. Вячеслав Алексеевич Никонов молод, презентабелен, гибок и вежлив. На работу в КГБ, к Бакатину, пошел волонтером. Он доктор наук, с хорошей родословной — внук Вячеслава Михайловича Молотова, несомненно превосходит своего шефа в интеллектуальном отношении и, говорят понимающие люди, является генератором его идей.

Интересно. У каждого нашего политического деятеля есть альтернативный мозг. Тот, который покоится в голове на плечах, отвечает как бы за улыбки, за вежливые протокольные фразы. Другой скрывается в головах толковых помощников. Именно в нем зарождаются и разрабатываются концепции, продумываются ответы на мировые вопросы. У Шеварднадзе такой альтернативный мозг принадлежит умнику Ма-маладзе-Степанову, у Горбачева — Яковлеву и Шахназарову, у Бакатина — Никонову. Мозги в нашей стране ценят!

Беседа тем временем течет своим чередом. Господин Бакатин полностью разделяет взгляды господина Бейкера. Бейкер спокоен и вежлив, Бакатин растроган и угодлив. Мне кажется, что сегодня он долго не сможет уснуть и будет вспоминать вновь и вновь историческую беседу, глубокомысленные замечания господина Бейкера и свои находчивые слова.

Россию продают на моих глазах, с Ельциным или без Ельцина, но продают мое Отечество. Горбачев и его команда стремительно идут ко дну. Их единственная надежда на то, что американцы и главы новых государств, в одночасье возникших на теле Советского Союза, не позволят России отстоять свои исторические права. Они готовы заплатить любую цену, лишь бы их оставили в Кремле. Нет, я за Россию, я за Ельцина, если он даст хотя бы малейший шанс на сохранение нашей независимости. По крайней мере, у него есть воля…

Единственная роскошь, которую может позволить себе нищая и разоренная страна, — это, пользуясь словами Экзюпери, роскошь человеческого общения. Угодливость Бакатина на фоне спокойной, уверенной в себе вежливости Бейкера придает этой общечеловеческой ценности противный, кисловатый привкус.

Я не могу относиться к Бакатину с уважением или даже с пониманием. Он один из той когорты, которая вела нас по дороге к коммунизму и жестоко наказывала уклоняющихся. Я не могу верить этому человеку.

Визитеры уехали. «Татра» нетерпеливо урчит в каменном колодце комитетского здания, рвется на волю.

За рулем Анатолий Михайлович Лысый, не столько шофер,

сколько спутник жизни — складный, тактичный, умный. Машина его не просто слушается, но, кажется мне, любит. Можно задремать, и ни один толчок тебя не разбудит до Ясенева, не задержит ни один светофор, хотя едем мы без сирены и прочих спецсигналов, украшающих начальственные будни.

Я задремать не могу. Я возбужден, меня одолевают угрюмые осенние мысли.

Впереди у Комитета государственной безопасности и его сотрудников тяжелые времена. Канва возможных событий была намечена два-три года назад в Восточной Европе. У нас они могут развертываться быстрее или медленнее, неизбежно русское своеобразие, но особых загадок в будущем не видно. Тысячи людей (почему нас так много?) будут выталкиваться в положение париев, уже начались поиски преступников, а, в отличие от поисков истины и справедливости, они всегда увенчиваются успехом Кому-то удастся пристроиться при прежней профессии, но уже под новыми вывесками, кто-то уйдет в бизнес, кто-то — в культуру и т. п. Обычная человеческая жатва смутных времен, и можно только уповать на то, что она не будет слишком обильной. Надежда на это есть. Механизм еще не набрал обороты, и его можно некоторым усилием остановить. Мне хочется сказать коллегам, которые занимаются расследованиями: «Не усердствуйте! Делайте свое дело, но не слишком рьяно, не раскручивайте маховик! Все, что было у нас раньше, — это результат не только злой воли верхов, но и усердия низов». Не говорю этого, так как присутствует еще и презумпция своекорыстия и страха за собственную шкуру

А можно ли верить Горбачеву, Ельцину, Бакатину? Где, когда и кто вновь предаст нас, служивых людей?

Скептический внутренний голос перебивает эти размышления: «Угомонись, старик! Ну что ты так разошелся? Не наплевать ли тебе, кто тобой командует? Были одни «фигуры», на смену им приходят другие. Деньги тебе платят — и ладно. Подумаешь, нашелся носитель мировой справедливости! Достоевский из Марьиной рощи! Брежневу ты мог служить, а Горбачеву с Бакатиным не можешь? Поумнел или стал слишком много о себе думать? Работай, помалкивай, делай вид, что начальство тебе нравится. Достукаешься, вылетишь без пенсии. Ведь у тебя ни родового поместья, ни счета в банке нет Чем жить-то будешь?» — «Заткнись, сволочь! Тебе бы только была жратва, да машина, да дача, да чтобы тебя не трогали! Совесть-то у меня есть? Предел унижению есть? Да, я солдат разбитой, отступающей армии, но я не позволю, чтобы меня съела вошь!»

Спор бесконечен, извечный спор Дон-Кихота и Санчо Пансы.

Его не решит логика. Где-то невидимая рука взметнет ввысь со звоном старинный пятак: орел или решка? Случай предрешит твой выбор…

С кольцевой дороги великолепно виден весь комплекс Первого главного управления. Огромное поле, окаймленное осенним лесом, над лесом вздымается раскрытой книгой белый небоскреб, еще одно здание, тоже белое, но пониже, выглядывает из-за березовых вершин последний этаж длинного серовато-синего сооружения. Разведка перебралась в Ясенево весной 1972 года. Тогда не было небоскребов, и в целях конспирации основное здание было построено в шесть этажей, дабы его нельзя было увидеть с дороги. Архитекторы просчитались, лес не прикрывал штаб-квартиру разведки, и уже летом того же года фотографии нового здания ПГУ появились в западных журналах. Тем не менее конспирация соблюдалась жестко. Для того чтобы умерить любопытство окрестных жителей, а их с годами стало появляться все больше, был пущен слух, что на объекте ведутся опасные для жизни работы и лучше к нему не приближаться.

Вновь на своем месте. Рабочий день продолжается, на столе ждут бумаги, в эти дни их стало совсем не много. Отвечаю на звонки из отделов. Все рутинные мелкие дела. Часть из них действительно требует внимания начальника разведки, другие ему можно было бы и не докладывать.

Чувствую, что руководителям управлений и отделов иногда просто хочется показать, что они есть, работают и не теряют бодрости духа.

Мы переживаем серьезный момент. Именно в эти дни определяется судьба КГБ и разведки. Совершенно очевидно, что комитет не может быть сохранен в прежнем виде. Его демонтаж уже идет. Выделяются в отдельное ведомство службы шифрования, дешифрования и правительственной связи, получают самостоятельность пограничники, войска КГБ возвращаются Министерству обороны. Честно говоря, КГБ мне не жалко. Вобрав в себя немыслимое число подразделений, продолжая разбухать, как тесто, судорожно цепляясь за случайные задания, комитет утратил эффективность. Это закономерно: когда расползалась власть, неизбежно хирели ее органы. Судьба комитета не кажется предрешенной. Если общество будет действительно развиваться по демократическому пути, прежняя система госбезопасности окажется дорогостоящим анахронизмом и будет медленно и мучительно отмирать. Если же очередная попытка демократизировать Россию завершится по нашей исторической традиции диктатурой, разорванные части структуры госбезопасности в мгновение ока сольются в единый

организм. Это будет гораздо проще, чем создавать госбезопасность на пустом месте, как это было в 17-м году.

Реформирование КГБ идет полным ходом, перетряхивается верхний кадровый эшелон, появляются начальники с демократическими наклонностями. Это привычно: совсем недавно свои лучшие кадры направляла на укрепление органов КПСС. Сейчас то же самое делают победившие политические силы. Преимущество отдается тем, кто сумел зафиксировать свое присутствие у Белого дома 19–21 августа. Кое-кто успел сделать это в последнюю минуту, в середине дня 21-го. Все равно считается!

В комитетскую верхушку выдвигаются ранее малоприметные люди из второго и третьего руководящих эшелонов, они тянут за собой других, преданных им людей. «Демократия» действует подозрительно схожим образом с однопартийной системой. Клянутся, правда, преданностью не КПСС, а «демократии».

Предпринимаются вылазки и в отношении ПГУ. Новый первый заместитель председателя КГБ А. А. Олейников выдвигает на должность первого заместителя начальника разведки своего протеже. Все обговорено, утрясено, обстряпано, сам председатель побеседовал с кандидатом и остался доволен, так что остается только подписать документ и завтра же в руководстве разведки появится новый ценный кадр! Его, оказывается, без ведома ПГУ уже вызвали в Москву из Берлина, где он занимает скромную должность в представительстве КГБ.

Можно, разумеется, сделать вид, что не обратил внимания на бестактность, молча подписать документы и приступить к обучению нового первого зама азам разведывательного ремесла. Можно, ничего страшного не произойдет. Последуют новые назначения, о которых начальник разведки будет узнавать задним числом, придут протеже других свежеиспеченных комитетских руководителей, кого-то будет рекомендовать Бакатину его главный тайный советник Калугин. У руля комитета временные люди с психологией временщиков. Урвать как можно больше, как можно скорее, немедленно, сейчас. Разведку они попытаются обратить в кормушку для верноподданных.

Нет, этот вариант не для меня!

Разведку необходимо выделить из комитета. Будущее определит ее место в структурах госбезопасности или вне их. Первое главное управление надо спасать от некомпетентных, залихватских, недоброжелательных действий Ба-катина и его команды.

Мне известно, что комитет по вопросам обороны и государственной безопасности российского парламента разделяет

эту точку зрения. Однако парламентский комитет еще не власть. Бакатин напрямую выходит на Ельцина и отдельно на Горбачева, давит парламентариев авторитетом сразу двух президентов.

Готовлю аргументацию к выступлению на комиссии: разведка должна быть самостоятельным ведомством, подчиняющимся непосредственно президенту. Естественно, говорить о тех сомнениях, которые вызывают у меня личность Бакатина и стоящая за ним фигура Горбачева, я не смогу и не собираюсь, так что формулируются доводы политические, исторические, подбираются зарубежные аналоги. Так уж устроены наши головы: зарубежный пример неотразимо привлекателен. Мы с удовольствием воспринимаем любую ерунду, лишь бы она была импортной.

Что касается замысла Горбачева и его окружения противостоять России, опираясь на американцев и глав новых независимых государств, то эта тема тоже не для выступления на комиссии. О ней надо говорить с глазу на глаз с теми, кому дорога Россия, а не власть. Такие люди есть среди депутатов, журналистов, ученых. Они прислушаются к моим словам.

Обязательно надо сказать комиссии, что в переходный период, до тех пор, пока не принято официальное решение об отделении разведки, руководство КГБ должно воздерживаться от структурных изменений и кадровых перемещений в Первом главном управлении. Это последняя линия обороны…

Набросок выступления готов. Зачитывать его перед комиссией я не собираюсь, бумага просто помогает привести в порядок мысли.

В здании и за окнами тихо, сотрудники разъехались по домам, на местах остаются многочисленные дежурные, заместители начальника разведки да никогда не складывающие перьев информаторы.

Последние годы у меня появилась привычка записывать случайные мысли. Они появляются чаще всего на совещаниях, когда наступают моменты тугой скуки, под влиянием прочитанного или услышанного, как отзвук воспоминаний. Фразы записываются на любом подвернувшемся клочке бумаги, и время от времени Ирина Николаевна перепечатывает их на плотные квадратики. Мне немного неудобно перед ней: все мысли начальника должны быть строгими и правильными.

Перебираю бумажные квадратики. В ближайшее воскресенье возьму шило, толстую иголку, суровую нитку, кусок картона — и получится очередной маленький томик для домашнего архива. Когда-нибудь он попадет внукам, и они посмеются и погорюют вместе со своим дедом.

«Погубили Россию грамотность без культуры, выпивка без закуски и власть без совести».

«Союзное руководство издает бодрые, но прерывистые звуки — подобно еврейскому оркестру на петлюровской свадьбе».

«Цель процесса разоружения — оставить русским лишь то оружие, которое необходимо для гражданской войны».

«Обладая всеми признаками рептилии, аппаратчик, однако, периодически меняет не только кожу, но и душу» (из учебника сравнительной политанатомии).

«Проклиная все прошлое, кое-кто не отрекается от отца с матерью. Видимо, оставляют про запас».

«Набили оскомину газетные выпады и парламентские оскорбления, — жаловался оратор, — пора бить морды».

«Без прогнозирования невозможны новые просчеты».

«*Мало-помалу пропадает все: еда, одежда, обувь, совесть. Пропадает без следа. Бермудский треугольник на одной шестой части суши».*

«Взялись за ум. А также честь и совесть нашей эпохи. И треплют ее беспощадно».

«Объявление — обмен денег на рубли».

«Векселя становятся все крупнее — перестройка, новое мышление, новый мировой порядок, новая цивилизация… Что дальше — новые законы природы?»

«…по количеству президентов на душу населения…».

«Планирование на основе оборонной загадочности».

Все это еще допутчевые пустяки. В другой стопочке — путчевые и постпутчевые. Есть проект заголовка: «Записки простака. Хроники времен путча и демократии».

«*Чем больше глупец думает, тем глупее его выводы — звучит самокритично…»*

«В эти дни пишется новая страница российской истории. Пишется наспех, с грубыми передержками возбужденными от победы или перепуганными поражением людьми.

Не надо беспокоиться. Очень скоро эта страница будет отредактирована, переписана аккуратно набело. Россия получит очередной официальный перечень своих героев и своих злодеев».

«Если факт не сдается, его уничтожают».

«Солдат может потерять только жизнь, а политик — все».

«Сели в бронированную калошу».

«Чем громче вопли о согласии, тем яростнее будет резня».

«Когда определилась победившая сторона, оказалось, что на побежденной стороне никого и не было».

«Любой новый начальник лучше любого старого начальника» {аксиома российской политологии).

«Этим людям не хватило ума даже для того, чтобы толком совершить государственный переворот. А если бы они победили?»

«Кривая эволюции нашего строя подобна штопору, ввинчивающемуся в нашу собственную заднищу» {занимательная политгеометрия).

«В нашем сумасшедшем доме каждый безумец может не только возомнить себя президентом, но и стать им».

«24 августа 1991 г. покончил с собой Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев. Я знал его Это был честный, прямой, упрямый человек».

«По долгу службы легче оказаться преступником, чем героем».

«Фантасмагория! Покойники назначают своих сатрапов, тоже покойников, в вымершие ведомства. Призраки ссорятся за каплю живой крови, невесть как здесь оказавшуюся, и с ужасом ждут петушиного крика».

«Главная задача КГБ — наладить сотрудничество с ЦРУ».

Довольно! Не знаю, что скажут о своем дедушке внуки, но мысли унылые.

В маленьком поселке тихо. Генеральские внуки улеглись спать, генеральши кормят мужей ужином, загораются телевизионные экраны. Еще один день тянется к концу.

Вадим Алексеевич живет на соседней даче, отгороженной от моего участка лишь живой изгородью. В густой зелени шиповника горят крупные, как яблочки, ягоды.

Окликаю соседа и предлагаю принять на сон грядущий по глотку чего-нибудь освежающего. Сосед с готовностью соглашается, и через минуту мы располагаемся все под тем же развесистым дубом, в лучах заходящего солнца.

Рассказываю Вадиму Алексеевичу о встрече Бейкера с Бакатиным. Без энтузиазма поругиваем новое начальство, и разговор вновь уходит к августовским дням.

Вооруженное подразделение ПГУ — Отдельный учебный центр — было приведено в состояние боевой готовности и вот-вот могло быть послано на штурм Белого дома. Когда начальник ОУЦ Б. П. Бесков доложил, что ожидает приказа о штурме, я запретил ему выполнять чьи-либо указания без моего ведома. Для надежности я повторил свое распоряжение по телефону Вадиму Алексеевичу.

Мы выпиваем по глотку виски, затем еще по глотку, вспоминаем те проклятые дни минута за минутой. Попытка штурма неминуемо обернулась бы трагедией. Наше решение было правильным.

Еще по глотку…

Приходим к естественному и справедливому выводу: Первому

главному управлению не в чем себя упрекнуть, но жизнь от этого легче не станет.

Крючкова не одобряем. Руководитель его уровня не имеет права так ошибаться в оценке обстановки, людей, обстоятельств. Тем не менее сочувствуем ему. Мы живем в России, нам нельзя зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы. Крючков-ская дача печально смотрит на нас темными окнами. Когда все советские руководители, все члены политбюро жили в роскошных загородных особняках, Крючков оставался здесь, в поселке ПГУ, в скромном одноэтажном домике.

Ночных телефонных звонков не будет, можно спать спокойно. Тянет в приоткрытое окошко осенней прохладой, далеко в лесу кричит вечерняя птица.

Читаю «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Купил я эту книгу тридцать лет назад и обращаюсь к ней в дни сомнений и раздумий. Все изменилось в нашем Отечестве со времен неистового протопопа, все, кроме русских людей.

«…На кресте Христа мертва в ребра мужик стрелец рогатиною пырнул. Выслужился блядин сын, **ПЯТЬ** Рублев ему государева жалованья, да сукно, да погреб! Понеже радеет нам, великому государю. Ох, ох, бедныя!» Это про нас, вчерашних, сегодняшних и завтрашних.

«Время жития сего суетного сокращенно: яко дым исчезает, тако вся сия минует. Доброродие и слава века сего и богатство — все ничтоже, едино спасение души сей всего нужнее. Без веры нам невозможно угодити Богу, веровати же подобает право, како от отец прияхом…»

Едино спасение души всего нужнее, все остальное исчезнет, как дым…

ЗА ЧЕРТОЙ. ОКТЯБРЬ ДЕВЯНОСТО ВТОРОГО

Справа и слева зеленые холмы, на горизонте снеговые вершины Кашмира. Машина идет ровно и быстро, поглощая милю за милей, придорожные кусты сливаются в сплошную серовато-зеленую полосу. Возбужденно бьется сердце, в тайничке под сиденьем пачка чужих секретных документов, и мне не терпится взглянуть на них. Я жму на акселератор, и машина летит над дорогой. Монотонный гул двигателя перекрывается грохотом близких разрывов. Это 82-миллиметровый миномет. Каким же образом меня занесло из Исламабада в Герат? Разрывы все ближе. И невыносимая жара, еще немного — и я задохнусь, конечно, если раньше мина не угодит прямо в капот…

Резко жму на тормоз и… просыпаюсь от конвульсивного рывка правой ноги. Бешено колотится сердце, лоб в поту. За окном Москва. Красновато-серое небо, цвет сукровицы, оно никогда не бывает по-настоящему черным. Низкие облака подсвечиваются огнями реклам, уличных фонарей, и на их фоне чернеет шеломом древнерусского воина купол Спасо-Валаамского монастыря. В монастыре поликлиника, одно окошко светится тусклым желтым светом до самого утра. По переулку со страшным грохотом ползет тяжелый грузовик. У него что-то не в порядке и с двигателем, и с глушителем, но он упорно катит по Москве, будоража тысячи спящих мирных жителей.

На часах четыре с минутами. Мучительно долгое возвращение ко сну, с боку на бок, на спину, глаза закрыты, глаза открыты. Пробую досчитать до тысячи. Глупое занятие: сбиваюсь на третьем десятке. Надо плотнее закрыть глаза, представить зеленые, опаленные солнцем холмы, снеговые вершины, манящие прохладой, спокойный, ровный бег машины, монотонно мелькающие по обочинам безлистные кусты. Миля за милей по пустынной, гладкой, как зеркало, дороге.

Сон возвращается незаметно, но ни холмов, ни дороги, ни чувства радостного возбуждения уже нет.

Маленькая красная книжечка, помещающаяся в нагрудном кармане пиджака. Она немного больше по размеру, чем удостоверение сотрудника КГБ, сделана из добротной сафьяновой кожи, приятно ласкающей пальцы. На обложке тисненный золотом герб СССР: серп и молот, снопы пшеницы, пятнадцать лент, символизирующих вечную и нерушимую дружбу братских республик. Под гербом золотая же надпись крупными буквами:

«ПЕНСИОННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ».

На внутренней стороне обложки четким писарским почерком, черными чернилами по розоватому полю написано следующее: «Министерство безопасности Российской Федерации. (Под этими словами полоска белой краски, столь плотной, что прикрытая ею старая надпись нигде не просвечивает. Надпись, однако, угадывается легко: «Комитет государственной безопасности СССР».) Далее идут серия, номер, фамилия, имя, отчество, каждая позиция отдельной строкой. Надо красиво заполнить целую страничку, а писать в пенсионном удостоверении особенно нечего. Воинское звание — генерал-лейтенант. Личная подпись пенсионера. Вот она — на специально подчеркнутой строке колючий заборчик букв. На росчерке перо уткнулось в бумажную складку, и на месте привычного длинного хвостика образовалась черная дырка. Пенсионер не должен с такой силой нажимать на бумагу.

На следующем листке: «Пенсия назначена за выслугу 38 лет в соответствии с Законом СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих» в размере 1366 руб. 75 коп. в месяц. С 3 декабря 1991 года». Подписи: зам. министра безопасности РФ (неразборчиво); начальник финансово-экономического управления (тоже неразборчиво, но можно догадаться, что подписал Н. И. Шуров, главный финансист бывшего КГБ). Большая фиолетовая печать: Комитет государственной безопасности СССР. Для хозяйственных и денежных документов. Дата: 29 января 1992 года.

Вот и вся жизнь в одной маленькой, красивой и очень полезной книжечке. Она дает право бесплатного проезда на всех видах городского транспорта, кроме такси. Чрезвычайно удобно и напоминает о заботе власти.

Вся жизнь — 38 лет выслуги. Служить был рад…

Четыре года в Пакистане. Удушающая влажная жара Карачи, выжженный невыносимым солнцем летний Равалпинди и тот же город, дрожащий при нулевой температуре зимой: прохладные и зеленые предгорья Кашмира. Три вербовки, восстановлена связь с ценным агентом, поддерживал контакт еще с тремя агентами. Один из завербованных оказался двойником — с его помощью я проникал в американское посольство, а пакистанская контрразведка с его же помощью контролировала все мои хитроумные ходы. На последней встрече (поздно вечером, в машине, меж пологими исламабадскими холмами) «Хасан» — таков был псевдоним агента — плакал настоящими слезами, клялся, что никогда не забудет русского друга и готов продолжать работу. Мой голос, кажется, тоже срывался от

волнения. В темноте я трогал лежавшую под сиденьем тяжелую монтировку и думал: как хорошо было бы обрушить ее на голову моего плачущего приятеля — пустая, недостойная оперативного работника мысль. Мы обнялись и, всхлипнув последний раз, пошли каждый своей дорогой.

Здесь, в Пакистане, была моя первая, азиатская война. Затемнение, вой сирены, трассы зенитных снарядов, ловля индийских шпионов на карачинских базарах — разномастная азиатская толпа вдруг разражается громким воплем: «Джасус, джасус!» («шпион!»), и вот уже волокут всем миром какого-то несчастного подозрительного оборванца.

Именно здесь я впервые стал своими руками получать чужие совершенно секретные документы, фотографировать их обычной «Экзактой» или специальными, приспособленными для особых условий «Алычой» и «Гранитником». Пленки закладывались в тайничок в разобранной кирпичной кладке и ждали курьера. Разведывательная точка (в моем единственном лице) долго не имела почтовой и телеграфной связи с резидентурой в Карачи.

Именно в Пакистане после удач, чередующихся с печальными срывами, стала крепнуть уверенность, что я могу быть разведчиком, что это занятие мне по душе и по плечу. Четыре долгих года… По нашим порядкам и выслугу было зачислено шесть лет: год за полтора.

Шесть лет в Индии, дружественной нам великой азиатской державе, как ее тогда называли. Очередная индийско-пакистанская война, на сей раз с предрешенным исходом. Пакистан разваливается на две части, и индийские войска беспрепятственно доходят до столицы будущей Бангладеш — Дакки.

Я не рядовой работник, но заместитель резидента. 24 часа в сутки — это слишком мало. У меня на связи три хороших источника, я отвечаю за работу целой группы разведчиков, помогаю резиденту — немолодому уже, мудрому Я П. Медянику. Яков Прокофьевич уезжает, меня назначают резидентом. Что движет мной — честолюбие, карьеризм, чувство долга, дисциплина? Не могу подолгу сидеть в кабинете и читать чужие бумаги. Подчиненные должны чувствовать, что начальник занимается активной оперативной работой: получает информацию, встречается с агентурой и, самое главное и самое трудное, вербует агентуру. Три источника привлечены к сотрудничеству с советской разведкой, один из них — в американском посольстве.

Бремя ответственности за людей, за дело тяжко давит на плечи. Против нас действует резидентура ЦРУ. Мы ведем с ней

несколько оперативных игр, подставляем свою агентуру. Замысел прост: американский разведчик вербует советского гражданина или иностранца, который давно и прочно связан с КГБ. Это на нашем языке называется «подставой». Замысел прост, но исполнение требует предельной осмотрительности и изобретательности.

Жестко действует индийская контрразведка: время от времени она уличает кого-либо из наших или военных разведчиков в недозволенной деятельности и выдворяет его в 24 часа. Это неприятность, за которой скрывается трагедия. Разведчик выдворен, агент осужден на 14 лет тюрьмы. Другого агента успеваем срочно вывезти из страны. Он обречен на вечное скитание. Это не абстрактная фигура, не персонаж из шпионского романа. Это живой, обаятельный, преданный нам человек, и мысль о том, что разведка сломала его судьбу, будет годами преследовать тебя.

Вечное движение, вечное напряжение. Ты отвечаешь за все и не можешь позволить себе расслабиться ни на минуту… Так казалось… Издалека все кажется немного наивным. Мы работали так, будто от наших усилий зависела судьба страны.

Оказавшись в Москве, по меньшей мере год не мог прийти в себя, стряхнуть усталость, обрести душевное равновесие.

Шесть лет, год за полтора, всего девять. Шесть пакистанских плюс девять индийских. Сотни лиц, бесчисленное множество операций, тысячи листов документов, войны, перевороты, чрезвычайные положения, провалы и удачи…

Исламская революция в Иране, шах бежал, американцы в смятении. Студенты-мусульмане (хороши студенты! Я мог бы быть их профессором) захватывают посольство США и берут заложников. Советские войска входят в Афганистан, и наше посольство в Тегеране подвергается разгрому. Мы сидим в осаде, слушаем выстрелы, звон бьющихся стекол и надрывный вой сирены. Ирано-иракская война, налеты иракской авиации, затемнение — полное, серьезное, не такое, как в Дели или Карачи, беспорядочная еженощная канонада зенитной артиллерии и ухающие вдалеке разрывы иракских бомб. Рвутся не только авиационные бомбы. Мы привыкаем к взрывам — идет ожесточенная междоусобная война, и те, кто общими усилиями изгнал шаха, беспощадно — взрывчаткой, автоматными очередями, гранатами — истребляют друг друга. «США — большой шайтан, Советский Союз — малый шайтан. Смерть Америке! Смерть России!»

Работа не прекращается ни на минуту. Нужна информация, нужны источники. Надо быть в городе, в полной темноте ходить

по пустынным улицам, встречаться с теми, кто нам нужен.

Днем на улицах бушующие демонстрации, муллы в черных одеждах, смертники в белых саванах, мерные глухие раскаты: «Марг! Марг!» («Смерть! Смерть!»). Дети революции пожирают друг друга. Хомейни ведет войну на всех фронтах: против Ирака и против внутренней оппозиции, против США и СССР, против «продажных арабских режимов» и курдов, против неисламской культуры и не закрытых «хеджабом» женских лиц. Тотальная война, и мы, советские люди, в ее эпицентре. Советские — значит, русские, узбеки, азербайджанцы и армяне — наша резидентура многонациональна.

Мы несем потери. Наши иранские помощники гибнут на иракском фронте в болотистой пустыне Хузистана, пропадают два старинных агента, власти выдворяют одного за другим моих заместителей. Москве нужна информация, и она ее получает. Для этого надо двигаться, думать, рисковать. Постоянно двигаться, иначе мы умрем в защитной скорлупе конспирации. Начальник должен быть примером для подчиненных. Тегеранской ночью, надев зеленую «пас-даранскую» куртку и разношенные башмаки на мягкой подошве, я выскакиваю из машины в непроглядную тьму, в узкие переулки, в мир тревожных шорохов для того, чтобы встретиться со своим источником. Ровным и быстрым шагом, вглядываясь в темноту, проверенным заранее маршрутом — вперед, вперед, вперед! Лишь бы не нарваться на исламский патруль, не услышать истошный вопль «Ист!» («Стой!»). Исламские стражи почему-то всегда кричат истошными голосами.

В Иране трудна вербовочная работа. Мне удается тем не менее лично приобрести источник. Резидент имеет право жестко требовать со своих работников. Официальное право подкрепляется моральным: мои люди знают, что их шеф не отсиживается за каменными стенами посольства.

Тяжелая, тревожная, боевая жизнь. Черным пятном вторгается в нее измена Кузичкина, будь проклято его паскудное имя!

Четыре года в исламском революционном Иране, шесть лет выслуги. Интересно, сколько же лет моей жизни отнял Иран?

«…в сердце улеглась былая рана…»

Затем Москва. Вернее, Москва — Кабул. Двадцать с лишним раз я видел с воздуха величественную панораму гор и лежащий между ними невзрачный, серый город. Благоуханный весенний запах предгорья, первозданная азиатская тишина, откуда-то доносится простой и милый звук флейты. И вдруг — взрывы, разноцветные трассы снарядов над головой, оглушительные удары тяжелой артиллерии, открывающей ответный огонь. Нас,

людей из Москвы, большое и малое начальство, берегут. Машины бронированные, следом вооруженная автоматами охрана. Реактивному снаряду все это безразлично…

«Иль чума меня подцепит, иль мороз окостенит, иль мне в бок ракету влепит бородатый муджахид?» — подсказывает современный вариант Пушкин.

Бесконечные встречи, беседы, совещания. Задушевные разговоры с Кармалем, затем с Наджибуллой, их сподвижниками, единомышленниками и соперниками. Войска уходят, но дружественная России власть должна выжить.

Наш самолет готовится к взлету, на летное поле падают один за другим душманские эрэсы — реактивные снаряды. За аэродромом горит склад боеприпасов. Черное облако дыма прорезают яркие узкие полоски огня. Фейерверк смерти…

Наджибулла скрывается в миссии ООН. Кармаль находится в маленьком городке Хайратон на границе с Узбекистаном. Министр госбезопасности — скромный, мужественный, честный Якуби — покончил жизнь самоубийством.

«Каждый миг из мира уходит чье-то дыхание. И когда оглянешься, многих уже нет…» — печальное персидское двустишие

Вот таково самое краткое содержание, скорее даже оглавление маленькой красной книжечки в сафьяновой обложке, именуемой «Удостоверение пенсионера», с подзаголовком «За выслугу 38 лет». У этой книжки есть предисловие, начало, конец и послесловие. Она завершена, и никто не напишет продолжения.

За чертой, за круглой печатью несуществующего Комитета государственной безопасности несуществующего СССР начинается новое существование персонажа красной книжки. С точки зрения 38 лет выслуги оно кажется несколько фантастичным.

Сон, нарушенный дурацким грузовиком, хмурое утро очередного дня. За окном темно, шелом русского воина побелел с маковки. Ночью шел снег, и сейчас сверху сыплет то ли дождик, то ли снег. Неладно, смутно на душе… Не хочется отрывать голову от подушки. Причина неважного настроения и какого-то общего легкого неблагополучия, слава Богу, ясна, хотя элемент загадочности остается.

Ясна постольку, поскольку утренние последствия вечернего приема алкоголя всем хорошо известны. Еще ни один человек не пожалел утром, что накануне мало выпил. Выпил нормально, ровно столько, чтобы стих окружающий шум, чтобы исчезло чувство тоски и неудовлетворенности, какого-то несделанного дела, чтобы пропало желание бежать куда глаза глядят. Так и

получилось.

Элемент загадочности: что пьем с горя, радости или просто так, от нечего делать? При советской власти человек брал бутылку в магазине и не задумывался о содержимом — крепость, прозрачность и чистота напитка гарантировались государством, заинтересованным в благополучии своих граждан. Во всяком случае, сознательно травить человека за небольшую прибыль оно не стало бы. Вечером же было выпито сомнительного коньяку с армянской этикеткой, где указывалась ностальгически звучащая цена — 8 рублей без стоимости посуды. Рынок может напоить тебя любой отравой под любой этикеткой. Поскольку ты жив и не ослеп, а ощущаешь только легкую головную боль — значит, напиток не содержал древесного спирта. Спасибо и на том…

Прогулка с собакой, ледяной душ, завтрак, стакан крепкого чая — это лучшие лекарства для слегка ослабленного, но, в общем-то, вполне здорового человека.

Старые привычки уходят трудно. Все утренние действия совершены, и можно было бы к восьми часам попасть на работу. Можно, да не нужно.

Идти до новой работы полчаса, раньше десяти там делать нечего, так что два часа в моем полном распоряжении. С утра принято читать свежие газеты. Еще год назад они оказывались в почтовом ящике затемно, и интеллигентный человек знакомился с новостями за утренней чашечкой кофе. Кому это помешало? Теперь утренние новости узнают по телевидению, а газеты приходят на следующий день к обеду. Иногда они приходят на третий день.

Мысль о том, что можно смотреть телевизор с утра и, едва протерев глаза, вновь увидеть ставшие родными и надоевшие по вечерам лица, сама по себе неприятна. Надо послушать радио: бои в Северной Осетии, на российской территории; бои в Душанбе — это ближнее зарубежье; бои в Боснии — это дальнее зарубежье.

Новая, но уже несколько опостылевшая тема — сплошная ваучеризация всей страны. Именно об этом мечтал Шариков: разделить все, и чтобы всем поровну. За красивую ценную бумагу, на которой написано 10 000, на разных рынках дают от 3500 руб. до бутылки водки[3]. Власть уговаривает граждан не спешить с продажей ваучеров. (О, многотерпеливый русский язык! Ты терпел словечко «судьбоносный», терпи и «ваучер»!) Пойдем властям навстречу и не будем спешить. Придет время, и кто-то знающий разъяснит, что же с этими ваучерами делать или почему с ними ничего не вышло. Так уж у нас принято — все разъяснять задним числом. Иногда мне кажется, что главное достоинство

русского человека не то, что он ко всему привычный, а то, что ко всему готов привыкнуть.

Передача новостей закончена, температура ожидается около нуля, осадки в виде дождя и мокрого снега. «А теперь, дорогие радиослушатели…» — и диким ревом взвывает то ли покойник Элвис Пресли, то ли кто-то из отечественных эпигонов рок-н-ролла. Вздрагивает собака и недоуменно смотрит на хозяина: выть или не выть? Не выть!

Два часа спокойной, непрерываемой работы за письменным столом, привычный стакан крепкого чая под рукой, дымящаяся сигарета в пепельнице.

Пора и на службу.

Немногим больше года назад, во второй половине сентября, пребывая в смятении чувств, когда была уверенность лишь в одном — Бог не выдаст, но Бакатин съест, и было еще тотальное отвращение от всего происходящего со страной, КГБ и разведкой, я подал в отставку. Рапорт мой гласил следующее:

«Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен Р. Решение об этом назначении было принято в обход Первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли нужным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. Р.

В прошлом, как Вам известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в ПГУ КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме — на основе личных связей, без учета деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования.

Судя по тону Вашего разговора со мной по телефону

18 сентября, Вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Просьба была удовлетворена. Я оказался на улице со своими 38 годами выслуги и 1366 руб. 75 коп. пенсии.

Николай Сергеевич Леонов тоже не стал дожидаться, когда разделаются с ним, и подал в отставку еще раньше, в конце августа. Мы начали вместе искать новое занятие. Была мысль создать информационное агентство, находились люди, готовые предоставить деньги, помещение, технику, но что-то не ладилось. В этот момент группа молодых московских банкиров предложила подумать о создании фирмы, которая занималась бы обеспечением безопасности частного сектора. На том и

остановились. В предприятии согласился участвовать начальник Управления КГБ по Москве и Московской области Виталий Михайлович Прилуков, известный своей энергией, порядочностью и деловой хваткой. Нашлись и другие компаньоны из Службы охраны, ПГУ, Московского управления, МВД. Наш маленький кораблик поплыл по бурному морю нового предпринимательства. Помещение нашлось в сооружениях стадиона «Динамо». От моего дома — ровно полчаса ходьбы.

Наваливший за последние три дня обильный снег превратился в густую грязную жижу. Проезжая часть улиц расчищена — на этот счет было строгое указание мэрии; снег сгребли к тротуарам, и для того, чтобы перейти улицу, надо ступать в серую массу, стараясь попасть в след тех, кто шел и рисковал раньше.

Тверская оглушает ревом машин. Никогда — ни в годы застоя, ни в годы процветания (разве в нашей стране такие были?) — в столице не было столько автомобилей. Казалось бы, общий кризис, безбожно выросли цены на бензин, самая плохонькая маленькая машина стоит миллион, но автомобилей на улицах становится все больше и больше Ревут и грохочут, обдают вонючим дымом и мчатся вперед. Все чаще встречаются «мерседесы» и «вольво», они ездят без правил, по осевой линии, вырываются на встречную полосу, могут лихо развернуться посреди Тверской, там, где искони можно было ехать только прямо. На «мерседесах» и «вольво» разъезжают не только молодые хозяева земли — нувориши. Официальная власть тоже отказалась от неуклюжих, непомерно длинных и старомодных «Чаек» и «ЗИЛов» и пересаживается на скромные, но такие комфортабельные «мерседесы». Они несутся в общем потоке и лишь изредка взвывают сиренами.

Все это напоминает Тегеран времен исламской революции. Страна зажата в тисках американской блокады, трудности нарастают, но каким-то необъяснимым образом улицы забиты машинами, и между потоками по осевой, по встречной полосе проносятся черные «мерседесы», за стеклами которых мелькают чалмы и бороды вождей революции. Там охрана выставляла автоматы напоказ, здесь она их прячет.

Прыгай через сугроб, не попади в ледяную лужу и не поскользнись. В такое время престарелым и инвалидам на улице делать нечего. Люди спешат на работу, шагают бодро, бестрепетно преодолевают препятствия.

Летом 1990 года в Москве побывал бывший директор Центрального разведывательного управления США Колби. Как и мы, старые кагэбэшники, он пережил процесс конверсии и

приехал в качестве сотрудника юридической фирмы с туристическими целями. Крючков принял Колби, беседа была очень дружеской и теплой. На вопрос председателя о московских впечатлениях Колби ответил, что его поразил вполне благополучный и даже процветающий вид уличной публики. Наслышавшись о бедствиях, обрушившихся на Советский Союз, гость ожидал увидеть на улицах изможденных, укутанных в рваные лохмотья москвичей, людей, умирающих от голода прямо на тротуарах. Он был поражен и радостно разочарован.

Думаю, что и в нынешние трудные дни москвичи способны порадовать своим внешним видом любого иностранного доброжелателя: фигуры, особенно у женщин, добротные, физиономии упитанные, одежда по сезону.

Узкие тротуары заставлены киосками. Они растут как грибы, втискиваются в самые немыслимые места, теснят людской поток. Попытки мэрии добиться того, чтобы киоски и ларьки имели приглядный вид и украшали улицы столицы, приносят лишь частичный успех. Только в самом центре города появились аккуратные стеклянные сооружения. По всему периметру площади Белорусского вокзала стоят наспех покрашенные киоски Союзпечати, строительные вагончики, грузовые контейнеры с прорезанными в боках окошками. Витрины киосков забраны частыми рещетками. Из-за решеток выглядывают пестрые пачки импортных сигарет, пакетики жевательной резинки, спортивные тапочки, бюстгальтеры и трусы, куклы Барби, модные духи и помада, бижутерия, игральные карты с непристойными картинками, банки с ветчиной и пакеты с макаронами, банки и бутылки пива, «кока-колы», чужеземных лимонадов. Больше же всего пестрых разномастных и разнокалиберных бутылок со спиртным: водка, джин, шампанское, виски, коньяк. Господствуют над всей этой веселой мозаикой солидные литровые сосуды со спиртом «Ройал», именуемые в просторечии «рояль». Какие-то умные люди провернули колоссальную аферу. Была отменена государственная монополия на торговлю спиртным, и в Россию хлынул «рояль», облагаемый минимальной импортной пошлиной как пищевой продукт.

Делайте деньги, господа! Такой случай представляется не каждое столетие! Спиртовые доходы поступают в рублях, рубли обращаются в доллары, доллары ложатся на счета в зарубежных банках. Разоренная Россия кормит процветающий Запад.

Меж киосками (официально они называются коммерческими магазинами, а неофициально — «комками») совсем уж мелкая лоточная торговля. Торгуют молоком, колбасой, сыром, пивом, вермишелью — всем тем, что должно было бы лежать на

прилавках государственной торговли, не пугая покупателей ценой. Власть отменила понятие «спекуляция», будучи не в состоянии покончить с самим явлением. Так была решена проблема, терзавшая советское государство десятилетиями. Оказывается, любую проблему можно решить указом. Есть указ — нет проблемы, и указы сыплются на страну, как из рога изобилия. Что такое беззаконие? — спрашивает себя обыватель. Отсутствие законов или их избыток? Ну не все ли нам равно? Вера в творческую силу указа появилась в России в седой древности, благополучно прижилась при большевиках и расцветает в новом «демократическом» государстве. Когда-нибудь власть набредет на такой магический указ, что сразу в стране наступит полное благоденствие. Власть ищет, а поиск всегда связан с ошибками, правда?

Прыгая через невысокие сырые сугробы, стараясь не зачерпнуть ботинком ледяную жижу, добираюсь до эстакады у Белорусского вокзала, где толпа особенно густая. Снег не прикрывает безобразные завалы рваной бумаги, смятых картонных коробок, рваных пластиковых мешков, битых бутылок. Новая коммерция ходит под себя, обрастает неряшливой свалкой. Какие-то невидимые блюстители чистоты сложили с вечера кучу мусора и подожгли. Мусор испускает ядовитый дым, относимый ветерком то к тротуару, то к полотну железной дороги.

На сырых каменных ступенях сидит нищий. Из какого рассказа Горького он выплыл в наше время? Рваное, замызганное пальто, опорки валенок, свалявшаяся грива волос и дремучая борода. Соотечественник смотрит в землю и только тогда, когда в драную шапку падает рубль, говорит, не поднимая головы: «Спаси тебя Бог!» Где скрывались эти люди при советской власти? Чем жили? Найдется ли новый Горький, который заглянет в их жизнь?

Московские тротуары — это вам не подметенные дорожки в Ясеневе, бывший товарищ начальник!

Газетный киоск. Глаз радуется изобилию печатного товара, ярким краскам журнальных обложек, затейливым названиям еженедельников. Не очень дешево — ежедневный скромный набор газет обходится в 20, а то и в 25 рублей, но свобода слова стоит того, чтобы за нее платить.

Огромная лужа в месте впадения улицы Правды в Ленинградский проспект. Осторожно форсируя ее, успеваешь мельком удивиться анахронизму: Правда и Ленинградский! Все прошлое предано анафеме, а эти названия по чьему-то недосмотру сохраняются. В Тегеране тоже все переименовывали. Назвали площадь именем одного из героев исламской революции, а через полгода выяснилось, что он был врагом ислама. Пришлось

переименовывать еще раз…

Начинается рабочий день. Коллеги уже в конторе. Обмениваемся новостями, планируем дела на сегодня.

Надо подготовить договоры с двумя банками — это забота Леонова. Александр Матвеевич займется проблемой получения лицензии для нашего общества. Так предписывает закон «О частной детективной и охранной деятельности». Закон есть, но долго тянется разработка инструкций в МВД и Министерстве финансов. По предварительным данным, цена лицензирования может оказаться непомерно высокой. Мы-то думали, что государственные люди должны понимать полезность нашей деятельности и поощрять ее — страну и экономику захлестывает преступность…

Не тут-то было! У правительства одна забота — как можно больше получить с честного обывателя и как можно меньше ему дать. Поправляю себя: заботы правительства гораздо многообразнее. Надо содержать непомерно разросшийся государственный аппарат: каким-то мистическим образом за год «демократии» он стал больше, чем были союзный и российский, вместе взятые. Надо содержать остатки армии и повышать зарплату офицерам, чтобы они, доведенные до отчаяния житейскими лишениями, не взбунтовались и не перекинулись на сторону «красно-коричневых». Надо подкармливать органы госбезопасности и внутренних дел. Нужна валюта для оплаты бесчисленных делегаций, едущих за рубеж с целью установления деловых контактов, а внешняя торговля вдруг вместо прибыли стала приносить убытки. Надо хотя бы символически поддерживать пенсионеров, дать им возможность медленно уйти из жизни. Бунтуют и бастуют учителя и медики — разум и здоровье нации. Как тоталитарному режиму никогда не хватало денег на образование и медицину, так их не хватает и демократической власти.

В итоге же на все нужны деньги, и правительство идет по пути, проложенному в татаро-монгольские времена, — налоги и поборы с рядового гражданина. За каждую лицензию на право заниматься общественно полезной деятельностью — 35 минимальных зарплат. Попытаемся воевать, хотя шансы на успех незначительны.

Тем временем появляется первый посетитель. Принять его просил наш деловой партнер.

Владимир Иванович Савченко — так зовут посетителя — высок, сутуловат, застенчив и интеллигентен. Окладистая борода и печальные умные глаза никак не вяжутся со званием коммерсанта, как был рекомендован Владимир Иванович. Тем не

менее он действительно коммерсант, выходец из ученых, глава небольшого научного коллектива. Его история незамысловата.

На закате перестройки самым сообразительным из ученых стало ясно, что дальнейшие занятия наукой оставят их и их семьи без средств к существованию. Наименее одаренные ринулись в политику, другие решили приспособить науку к коммерции. Очень быстро обнаружилось, что в нашем новом обществе, несомненно временно, наука является бесприбыльным делом, ибо деньги можно делать быстрее и в больших размерах старинными примитивными способами — валютными спекуляциями, вывозом ценного сырья или, без жульничества, торговлей импортными продовольствием, одеждой, обувью.

Научный коллектив отыскал добропорядочных зарубежных партнеров и заинтересованных отечественных потребителей, получил нужные кредиты, сумел провести несколько сделок с кофе и макаронами и заработал несколько десятков тысяч долларов. Перспектива приобретала розовый оттенок, дело расширялось, появились новые влиятельные компаньоны, люди со связями, капиталами и знанием жизни. Вот один из таких людей и преподнес ученым практический урок — хитроумно, по-дружески, под заманчивые обещания будущих совместных дел выманил у Владимира Ивановича полсотни тысяч долларов, клялся и божился вернуть их вовремя, но так и не возвращает. Бумаги кое-какие, подтверждающие передачу денег, у Владимира Ивановича есть, а надежда на их получение угасает с каждым днем. Он ругает компаньона и недобрым словом поминает советскую власть, приучившую людей доверять друг другу. На рынке доверчивому делать нечего. Дельцы новой формации, попав в подобное положение, поступают просто: нанимают банду, которая «наезжает» на недобросовестного должника — поджигает его машину или контору, избивает его самого. У должника в таких случаях есть возможность прибегнуть к услугам другой банды. Завязываются гангстерские войны и «разборки», срастаются два вида предпринимательства — коммерческое и уголовное.

Ученые по этому пути идти не хотят, свернуть с него уже будет невозможно — это соображение практическое. Но есть и моральные мотивы: интеллигентные люди не могут связываться с уголовниками.

Дело сложное. Обещаем посоветоваться с юристами и дня через два-три сообщить Владимиру Ивановичу, есть ли перспектива возвращения долга законным и, следовательно, мирным путем.

Прибывают коллеги из Вологды. Частное

предпринимательство в городе начинает расцветать и требует защиты. Коллеги создают охранную службу и приехали к нам за опытом и советом. Договорились о сотрудничестве, подписали протокол, выпили по чашке чая. В нашем учреждении сохраняется старый порядок: ничего спиртного в рабочее время. После работы? За год трижды устраивали небольшие дружеские встречи с умеренной выпивкой и приличной закуской. Отмечали юбилеи и День Победы — никакая коммерция не заставит нас забыть этот праздник. Мы жили и умрем русскими советскими людьми. Победа — это часть нашей жизни, наша гордость.

За вологжанами — человек из Службы внешней разведки, когда-то мой подчиненный, пришел посоветоваться. Ему сорок лет, через год может выходить на пенсию по выслуге, перспективы на службе не видит и хочет уходить. «Можно ли рассчитывать на место в Вашей фирме?»

Разведчикам приходится тяжело. К Примакову привыкли, считают, что он добросовестно пытается сохранить службу, но дело не в начальнике. Люди (я надеюсь, не все) чувствуют себя потерянными. Резидентуры сокращаются или упраздняются, перспектива попасть на работу за рубеж для многих становится призрачной. Волна разоблачений, появление в печати украденных документов разведки отталкивают от нас агентуру. Кстати, я припоминаю, что по меньшей мере два документа, опубликованные в «Огоньке» и «Аргументах и фактах», никак не могли быть украдены ни из архивов ЦК КПСС, ни из секретариата бывшего КГБ. Эти документы не выходили за пределы Первого главного управления — неужели их похитила группа Шиповского? И тот и другой касаются финансовых вопросов, именно тех, которыми занимались бакатинские инспекторы. Не прекращаются измены.

Мой собеседник жалуется на то, что работники Центра страдают от отсутствия дела, убивают время на работе.

Выслушиваю, но не задаю вопросов, не сочувствую и не даю советов. Душа болит за Службу, но раз и навсегда я для себя решил, что в ее дела никоим образом не вмешиваюсь. Не хочу создавать проблемы для директора разведки и ставить в затруднительное положение своих товарищей. Прежний опыт к нынешней ситуации не применим. Вообще я скептически отношусь к опыту ветеранов — он относится к другим условиям, даже к другим эпохам и, кроме того, сугубо индивидуален. С возрастом люди склонны абсолютизировать свои знания и свой опыт, они застревают в прошлом. Я не исключение, хотя не удерживаюсь, чтобы про себя не поиронизировать: «Новые времена требуют новых ошибок».

Говорю своему бывшему подчиненному, что решение он должен принимать сам, брать на себя ответственность, даже частично, за его судьбу я не могу — хватит, достаточно вмешивался в чужие жизни! Если же ему когда-нибудь потребуется работа, то постараюсь помочь. На том и расстаемся.

Интересно, как поступил бы я, окажись в такой ситуации лет 10–15 назад? Всеми силами держался бы за Службу, жаловался, критиковал, негодовал, но держался бы… Воин, поэт, умница Денис Давыдов писал: «…Слова, произносимые и превозносимые посредственностью: никуда не проситься и ни от чего не отказываться. Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем тот только выполняет долг свой, который переступает за черту свою, не равняется духом, как плечами, в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не отказывается». Слова великого гусара звучат мне укором: я сделан из другого теста, я всегда «равнялся духом, как плечами, в шеренге с товарищами»…

Разговор с сотоварищем разбередил-таки душу. Конечно, признайся, ты был бы счастлив, хотя и не подал бы виду, если бы тебя пригласили в Ясенево посоветоваться? По любому делу! Куда девалась бы твоя отрешенность? Какие дела могли бы тебя задержать? Вновь спор с самим собой. Да, был бы рад (…зов трубы, и встрепенется старый полковой конь?..), но и так ладно. Было и прошло. «Пред гением судьбы пора смириться, сэр!»

«…Пред гением судьбы…» Великолепные слова, что-то есть в них возвышающее. Не просто жизнь волочит тебя за шиворот, а есть гений судьбы, зорко присматривающий за каждым из нас, ввергающий нас в горести, дабы уберечь от горестей еще горших. Иными словами, что-то вроде старого КГБ.

Время меж тем приближается к часу. Столовой у нас нет, и надо двигаться домой, благо путь недалек. Все машины в разгоне — фирма работает. На улице сыплет снег — не снег, дождь — не дождь, лужи стали еще обширнее, а завалы грязного снега не уменьшились. Рискнуть и, презрев угрюмый рок, двинуться пешком? Промокнут и куртка, и шапка, и ботинки, и брюки. Выбор сделан: метро.

У станции метро под козырьком книжный развал. Дрожит на ветру продавец, книги прикрыты пластиковой прозрачной пленкой, как парниковая рассада. Полный выбор западных детективов — они годами пытались пробиться через «железный занавес». Занавес рухнул, на прилавки ворвались Чейз, Спиллейн, Стаут, почтенная Агата Кристи, комиссар Мегрэ. Их теснят Анжелики, железные короли, какие-то обнаженные красотки с преувеличенными грудями, инопланетяне, хироманты и

астрологи. Удивительно, у всех книжных развалов постоянно толпятся люди. Неужели навеянная телевизором тоска по печатному слову? Ведь когда-то, совсем недавно, мы были не самым торгующим, а самым читающим народом мира.

Московское метро вечно и неизменно. Наверху бушуют политические бури, кипят коммерческие страсти, сопротивляется, не хочет уходить старая жизнь, а в метро, кажется, все как всегда.

Все, да не все. Железный голос громкоговорителя, который в часы пик предупреждает пассажиров: «Стойте справа, проходите слева!» сейчас вещает что-то странное: «Вниманию москвичек и гостей столицы! Московский метрополитен предлагает новый вид услуги…» Очень интересно! Какой же вид услуги может оказать метрополитен, кроме того, как максимально скоро доставить человека из пункта А в пункт Б? «Медицинская служба метрополитена проводит экспресс-диагностику беременности на ранних сроках…» Несколько неожиданно для метро, но… нужда заставит калачи печь. Каждый спасается, как может.

Из головы не выходит разговор с молодым сослуживцем, и мелькает недобрая мысль: не подослали ли его выведать, чем занимаются на самом деле и что думают, что замышляют бывший начальник разведки и его нынешние спутники, отставные генералы КГБ? Мысль не такая уж пустая. Российская власть впала в состояние полнейшей растерянности. Дела идут из рук вон плохо; народ уже не просто ворчит (он всегда ворчит и жалуется на жизнь), но наливается черной злостью; оппозиция, утратив всякий страх, называет правительство «оккупационным» и не щадит самого президента. Президент взывает то к Богу, то к народу, то к западным союзникам, стращает мир «красно-коричневой» угрозой.

Власть всюду видит интригу, заговор, ищет противников. Совершенно естественно, бывшие генералы на подозрении. У власти не хватает ни ума, ни совести, чтобы оставить нас в покое, ей совершенно необходим «заговор генералов». Наши бывшие коллеги по КГБ, переименованному в Министерство безопасности, ведут, говоря на профессиональном жаргоне, нашу «разработку», то есть пытаются найти доказательства противозаконной деятельности: прослушивают телефоны, выставляют наружное наблюдение, пытаются внедрить в фирму агентуру. Появилось у меня как-то желание поговорить начистоту с руководителями министерства и посоветовать им не заниматься унизительной и пустой возней, не тратить силы на погоню за призраками. Подумали и решили: не стоит, путь работают. Они и работают (кстати, МБ или кто-то другой?), причем уровень профессионального мастерства заметно упал. Вот последний

пример.

В начале октября телевидение показало фильм «Один день в кресле председателя КГБ». Передача была поздней, внимания публики не привлекла и, пожалуй, была интересной лишь для меня самого, родственников и друзей: не каждый день можно увидеть знакомого человека на экране.

На следующий день в обеденное время дома раздался телефонный звонок:

— Мы с Вами незнакомы, но мне давно хотелось с Вами поговорить. Вчера я посмотрел Ваш фильм… Вы не откажете… Мне о Вас говорил Юрий Алексеевич Л.

Собеседник говорит немного сбивчиво, видимо, волнуется. Юрия Алексеевича я знаю, но не близко, хотя у него вполне может быть номер моего домашнего телефона.

— Простите, а кто Вы?

— Я работаю в аппарате президента, Николай Федорович Г-в. Надо с Вами поговорить. Может быть, посидим где-нибудь в спокойном месте? Вы хороший коньяк любите?

Стоп, стоп! Вот это настораживает — посидеть в спокойном месте, коньяк… С чего бы это? И голос в трубке явно нервничает. С другой стороны, интересно, чего же от меня хочет человек из аппарата президента.

— Вы где располагаетесь, Николай Федорович?

— Как где? В Кремле…

Ну ладно! Посмотрим на обладателя нервного голоса и разберемся.

— Хорошо, у меня есть время сегодня, готов встретиться в 17.30.

Собеседник и обрадован, и, кажется, чем-то обеспокоен. Объясняет скороговоркой, что должен отметить какую-то встречу и через полчаса перезвонит мне.

Все это очень подозрительно. И вообще, как советовал Булгаков, никогда не заговаривайте с незнакомым человеком.

Николай Федорович звонит ровно через полчаса, голос веселый, плетет какую-то ерунду. В назначенное время он будет у моего дома. Место предложил я. Он даже не задает вопроса: где это? Он знает, где я живу: «…Посидим, есть хорошее место, и недалеко…»

Обстановку надо создавать самому и так, чтобы она была неожиданной для противостоящей стороны. Сомнений нет, что дело нечисто.

За полчаса до назначенного времени надеваю спортивные брюки, афганскую куртку, беру собаку на поводок и отправляюсь на прогулку.

Минута в минуту выхожу к месту, у входа в магазин. Меня окликает и бросается в мою сторону несколько растерянный незнакомый мне человек. Николаю Федоровичу лет 45, высокого роста — выше меня, волосы черные, гладко зачесанные назад, прямой нос, густые брови вразлет, хорошо упитан, но не толст, хотя замшевый пиджак слишком туго обтягивает его фигуру. В общем, нормальный служащий любого государственного аппарата — старого или нового. Кормили его, во всяком случае, прилично.

Николай Федорович не готов к моему появлению в спортивном виде и с собакой. Он пытается пригласить меня в стоящую у обочины серую «волгу».

— Хочу показать Вам кое-какие документы.

— Какие еще документы?

— Очень важно. Вот они у меня здесь, в папке…

Мы уходим в сторону от машины, Николай Федорович суетится, достает какие-то бумажки, сует мне на ходу. Не останавливаясь — в одной руке собачий поводок, — смотрю: ксероксная копия статьи из «Советской России» и копия же материала ТАСС от конца июля. И то и другое я видел раньше — обычные сетования о судьбе России. Бумажки появляются не случайно, я совершенно уверен, что их переход из рук в руки в «спокойном местечке» был бы конспиративно снят на видеофильм. Удалось ли друзьям Николая Федоровича сделать это на улице, в неожиданной ситуации? Я не сомневаюсь, что мой спутник здорово нечист, но виду не подаю.

— Так что следует из этих бумажек и зачем Вы их мне показываете?

— А разве Вас не волнует судьба России? Надо спасать страну, я об этом хотел с Вами поговорить, посоветоваться, узнать Ваше мнение…

Егозливый Николай Федорович явно не в своей тарелке. Говорит, что работал в секретариате А. И. Лукьянова (видимо, рассчитывает, что для меня это прозвучит паролем), теперь оказался в аппарате президента, очень переживает за Россию.

— Ваши-то хотя бы что-то делают?

— Какие это «наши»?

— Такие люди, как Вы, те, что ушли из КГБ… Вы же не можете сидеть сложа руки, ведь гибнет Россия.

Очень сухо и очень корректно излагаю собеседнику позицию абсолютно лояльного и аполитичного обывателя, который смотрит телевизор и изредка заглядывает в газеты.

Николай Федорович нервничает — ему нужна крамола, а участник «заговора» отделывается банальными благоглупостями»

Возвращаемся к машине. Николай Федорович благодарит за

разъяснения и обещает прийти еще раз.

— Ваш телефон? — Я говорю это резко. Николай Федорович дергается.

— Сейчас не могу его дать. Сами понимаете… В Кремле.

— Те-ле-фон!!!

— Понимаете… У меня к Вам будет серьезное предложение…

Без дальних слов достаю из кармана бумажку со статьей из «Советской России», сую ее в руки дергающемуся Николаю Федоровичу и ухожу.

Больше этот «спаситель России» не появлялся. Что за молокососы подослали его ко мне? На что рассчитывали? Даже легенду не отработали, не подготовили его как следует. «Подставка» — дело деликатное. Люди, занимающиеся политическим сыском, должны быть тоньше, интеллигентнее. Хотя… в 37-м году работали еще грубее, а результаты были.

Задумавшись о встрече с Николаем Федоровичем, об упадке истинного профессионализма, чуть было не проезжаю мимо «Белорусской». Выскакиваю из вагона последним, под закрытие дверей — так может поступать человек, которому надо отсечь наблюдение или убедиться в том, что оно есть. Резкое движение объекта, как правило, заставляет «наружников» проявиться. Я проделываю этот маневр не нарочно, выявлять «наружку» мне нет нужды, я ничего не прячу.

У выхода из метро толкучий рынок в самом первозданном виде, и приходится проталкиваться через густую толпу. Слева от выхода расположились «наперсточники» — мастера старого, как рынок, жульничества. Угадай, под каким из трех наперстков шарик, и получай деньги! Удивительно, находятся люди, попадающиеся на эту нехитрую удочку. Прав был американец Барнум, изрекший: «Каждую минуту в мире рождается простак». Этот людской ресурс неисчерпаем.

Слегка выпивший человек приличного, но несколько непутевого обличья просит закурить. Я копаюсь в кармане, достаю смятую пачку, а человек предлагает мне в обмен на сигарету допить пиво из открытой и начатой им бутылки. «Держи сигарету! Пива выпьем в следующий раз». Приличный человек удивлен, пожимает плечами — не хотите, мол, как хотите, — закуривает. Он предлагал щедрый обмен. Пива оставалось рублей на 8, а одна сигарета стоит 3–4 рубля.

Душа человеческая тонет в океане коммерции, захлебывается в нелепостях нового мира. 2 копейки стоят 3 рубля. Как так? Да так — чтобы позвонить из уличного телефона нужна монета в 2 копейки. Надо позвонить — купи 2 копейки за 3 рубля в любом коммерческом магазине. Цена стабильная, но скоро повысится.

Наконец я дома, промокший, но не очень.

Послеобеденное время как-то само собой приспособилось под чтение газет: вчерашних — из почтового ящика, сегодняшних — из киоска. Газеты стали несравненно интереснее, чем были в прошлом году. Удивляет «Правда». По существу, те же люди, а насколько острее, проникновеннее и умнее стали писать. Вот бы так раньше-то…

Судя по газетам, обстановка в России и независимых государствах, входивших когда-то в состав Советского Союза, остается стабильно неблагополучной.

Идет война в Абхазии. Эдуард Шеварднадзе, избранный на пост председателя парламента Грузии давно не слыханным большинством — 90 % голосов, говорит о своей решимости применять силу, хотя это и противоречит его принципам. Видимо, Эдуард Амвросиевич одни принципы применяет к Грузии, а другие — к России и Абхазии. Не слишком ли много принципов для одного человека? К тому же они какие-то сезонные, по погоде… Занятная команда правила страной — по набору принципов на каждое время года Впрочем, веселиться нечего — Россия являет миру лик срамного скомороха.

Вице-премьер Полторанин предрекает второе пришествие Сталина, если не остановить спикера парламента Хасбулатова, а Хасбулатов требует отставки Полторанина.

Создается впечатление, что наращивается генеральное наступление на парламентские институты. Раздаются призывы - твердая рука! твердая власть! (у покойного Сталина рука была и твердой, и тяжелой), со всех сторон хулят и парламентариев, и парламент. Где-то что-то на эту тему встречалось мне и раньше: «В действительности институт парламентаризма ничего, кроме вреда, не может приносить вообще…» Сказано сильно. Автор — Адольф Гитлер.

Продолжается резня в Таджикистане. Разведка предупреждала, что с падением дружественного России правительства в Кабуле война захлестнет южные районы бывшего СССР. К сожалению, прогноз сбылся. Мировую общественность Таджикистан мало волнует.

Сообщения из Афганистана скудные. Еще весной Наджибулла сдал власть и пытался вылететь в Индию, где уже находилась его жена с тремя дочерями. Его задержали на аэродроме собственные соратники. Наджибулла нашел убежище в миссии ООН в Кабуле. В городе и вокруг города вспыхнули ожесточенные бои между отрядами Хекматьяра и формированиями Исламского общества, началась массовая резня, и все иностранцы, включая российское посольство и персонал

миссии ООН, покинули Кабул. Наджибулла жив. Это может оказаться хуже смерти — новым правителям Афганистана понадобятся публичные жертвоприношения. Мой друг министр госбезопасности Якуби покончил жизнь самоубийством. Бабрак Кармаль находится в Хайратоне, на границе с Узбекистаном. Говорят, что узбекский генерал Дустум, чьи отряды захватывали Кабул летом, обращается с ним дружелюбно.

В середине прошлого века Вамбери писал, что русские следы в Азии ведут с севера на юг и никто еще не видел их в обратном направлении. Теперь наши следы, ведущие с юга на север, быстро заносит вековечная азиатская пыль. Афганистан — это дальнее зарубежье, он стал дальше от России, чем самая далекая страна Америки. Но еще десятилетиями по обочинам афганских каменистых дорог, по склонам ущелий будут ржаветь останки советской боевой техники.

Так завершились три столетия российской политики в Средней Азии — от Александра Бековича Черкасского — Давлат-гирея, сложившего свою голову в Хиве при Петре I, до Наджибуллы — последнего друга России в Афганистане.

Мир живет своей жизнью. В Соединенных Штатах завершается предвыборная кампания. Буш проигрывает, обменивается с Клинтоном серией обвинений, полемика приобретает неприлично скандальную окраску, к радости газет и телевидения.

За какой-то надобностью в Москву собирается приехать директор Центрального разведывательного управления Гейтс. В самой поездке ничего необычного нет, но, как правило, руководители спецслужб ездят за рубеж инкогнито, во всяком случае, без рекламы, а о предстоящем визите Гейтса в Москву американцы почему-то оповестили весь мир.

Гейтс принадлежит к команде Буша, и поездка, видимо, должна дать президенту пропагандистский выигрыш. Но думается, у директора ЦРУ, специалиста по Советскому Союзу («Я не антикоммунист, — сказал Гейтс в кругу своих друзей, — я антисоветчик»), есть и чисто профессиональный интерес аналитика. Еще в августе Буш сказал, что если бы не усилия президентов-республиканцев, СССР оставался бы до сих пор могучей сверхдержавой. Ложь во имя власти отнюдь не отечественное изобретение. Буш явно и откровенно преувеличивает «достижения» республиканцев, развал Советского Союза — это результат внутренних обстоятельств. Однако и роль внешнего фактора действительно чрезвычайно велика. Десятилетиями Соединенные Штаты и их союзники упорно работали над сокрушением нашего государства, разжигали

национальную рознь, подпитывали оппозицию, выращивали свое политическое лобби, лишали Советский Союз доступа к передовым технологиям. «Холодная война» была тотальной, и ударной ее силой было Центральное разведывательное управление США. Совершенно понятно, что Гейтсу интересно взглянуть на нынешнюю Россию своими глазами, лично познакомиться с ее новыми лидерами.

Я не питаю злобы к Гейтсу и ЦРУ. Они добросовестно, так же как и мы, делали свое дело. ЦРУ не было сильнее советской разведки. Просто хозяева ЦРУ были сильнее, богаче, дальновиднее и последовательнее, чем наши незадачливые хозяева-банкроты. Сейчас Россия рвется в союзники Соединенных Штатов, американцы вежливо улыбаются и держат ее на расстоянии вытянутой руки: буйные и нищие союзники им не нужны. Что касается разведки, то мне кажется, что они попытаются использовать наши возможности на Ближнем и Среднем Востоке, где позиции ЦРУ слабы. Война с Ираком показала, что американские коллеги плохо знали своего противника. Есть у меня и еще одно тяжелое предчувствие. Сильная разведка, так же как и вооруженные силы, — это символ мощи государства. Для США и других западных партнеров весьма соблазнительно лишить Россию и того, и другого. Дело, к сожалению, идет в эту сторону. Ведомство Гейтса наращивает свою активность.

«В Пскове сотрудниками безопасности задержан самолет, следовавший по маршруту Рига — Грозный. На нем обнаружено и конфисковано девять тюков денег на сумму более 264 млн. рублей».

В Риге судят заместителя командира ОМОН Сергея Парфенова, похищенного в Тюмени; в Азербайджане приговорен к смертной казни лейтенант российской армии, приказавший открыть огонь по налетчикам.

В газетах мелькает тема «денег КПСС», но звучит она все глуше и глуше. Вот уже больше года ищут эти деньги российские правоохранительные учреждения; привлечены к делу и крупные международные силы — детективная фирма «Кролл», которая, по слухам, отыскала в свое время спрятанные в зарубежных банках капиталы иракского президента Саддама Хусейна. Фирма ежемесячно получает от российского правительства приличный валютный гонорар, но никак не может напасть на след коммунистического золота. Проблема мне близка — по расчетам знатоков чужого кармана, КПСС не могла перевести свои капиталы заграницу без посредства разведки. В том, что такие капиталы были, и в том, что они находятся за границей, у

знатоков сомнения нет — уж больно это необходимо сейчас из соображений внутренней политики.

В документах разведки никаких признаков участия в валютных операциях КПСС не обнаружено. Время от времени мне приходится разъяснять ситуацию: во-первых, руководители КПСС не обращались к разведке с подобными просьбами и поручениями; во-вторых (это уже мое личное мнение), руководство и аппарат КПСС были настолько дезорганизованы и деморализованы «перестройкой», что позаботиться о будущем партии они просто не могли. «Кроме того, — добавлял я, — не стоит забывать, что в аппарате ЦК работали чиновники, способные позаботиться о личных интересах, но уж никак об интересах своей организации».

Что касается тех денег, которые КПСС передавала иностранным коммунистическим партиям, то это совсем другое дело. Такие деньги были, 15–20 млн. инвалютных рублей ежегодно. Выполняя поручения ЦК КПСС, Первое главное управление вручало ассигнованные суммы адресатам и делало это так, что за десятилетия ни единого раза не допустило сбоя: многие догадывались, что КПСС финансирует своих зарубежных единомышленников, знали, что причастна к этому советская разведка, а вот схватить нас за руку ни одна служба так и не сумела. Невольно предаюсь ностальгическим воспоминаниям. Предрассветные густые сумерки, пустынное загородное шоссе, в багажнике машины — удочки, сетки, прочее рыболовное снаряжение, укладывавшееся с вечера на глазах сторожа — местного гражданина. Выезд из дома затемно: всем известно, что рыба лучше всего клюет на рассвете. Под утро легко проверить и убедиться, что «хвоста» за тобой нет. Минут через 15 станет светло, но здесь и появляются красные огоньки автомобиля, неспешно едущего в попутном направлении. Условный сигнал фарами, красные огоньки гаснут и загораются, вновь гаснут и вновь загораются — сигнал принят, все в порядке. Мы обгоняем потрепанный полугрузовичок и на секунду притормаживаем; из окна в окно передается пакет. Мы поворачиваем направо, туда, где поблескивает серебристая гладь озера, а грузовичок через пару километров уйдет налево. Днем в Центр поступит телеграмма о том, что поручение инстанции выполнено.

В начале 1990 года, когда стало очевидным, что финансирование зарубежных компартий утратило всякий государственный смысл, а риск компрометации разведки возрос, Первое главное управление высказалось за прекращение подобных операций и самовольно, не дожидаясь ничьих указаний, приостановило их. Указаний так и не последовало.

По старой, уже никчемной привычке помечаю и вырезаю интересные статьи. Для этого у меня есть специально отточенный туарегский кинжал, который был куплен в лавке алжирского города Таманрассета, в сердце пустыни Сахары. Кожаные ножны и рукоятка отдают легким запахом плохо дубленой овчины, форма обоюдоострого, жалящего клинка совершенна. Он, как и- его владелец, занят самым мирным и бессмысленным трудом. Вырезки накапливаются, ворохом сухих листьев застилают подоконник, пылятся, покрываются новыми слоями газетной бумаги и, завершив свой земной путь, отправляются в мусоропровод, чтобы расчистить место новым завалам. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но это уже было в веках, бывших прежде нас». Занятные мысли вызывает чтение газет. Как так — нет ничего нового? Каждая фраза, почти каждая, неповторима. А что касается смысла, то Экклезиаст-проповедник, пожалуй, прав: борьба за власть, корыстное лицемерие и обманутая невинность, хищники и жертвы, торжествующая ложь, бессильное праведное негодование и высокомерная усмешка сильного — все это было. Даже «новое мышление», если припомнить, провозглашалось бесчисленно много раз.

Тем не менее режу податливую бумагу, помечаю вырезки. В первую очередь все, что касается моей бывшей профессии, — удивительно много пишут о разведках, видимо, эта тема никогда не перестанет интересовать публику; затем ислам — о нем наговорено не меньше ерунды, чем о коммунизме, но если о коммунизме мы кое-что узнавали из первоисточников, то ислам известен только по толкованиям его оппонентов. Есть шанс, что впервые для русского читателя он может открыться не как зловещий призрак, а как образ жизни сотен миллионов добрых людей. Правда, едва ли это допустят американцы. Конечно, вырезаю яркие, проникновенные материалы о современной России — они звучат отголоском того, что писали Шульгин, Деникин, Покровский, Франк, а до них — спокойнее и глубже — Ключевский, злее и саркастичнее — Михаил Евграфович Салтыков. Неужели так: «Что было, то и будет». Хоть когда-то вырвемся мы из заколдованного злого кольца?

Пообедав, прочитав и изрезав газеты, напившись крепчайшего чаю, следовало бы на полчаса прилечь — пенсионер может позволить себе эту невинную роскошь бедного азиата Сегодня, к сожалению, не позволяют дела.

Мне и раньше казалось, что повороты судьбы непредсказуемы. За последний год я перестал вообще чему-либо

удивляться и окончательно уверовал, что пути Господни или причуды судьбы неисповедимы. «Принимаю тебя, неудача, и удача — тебе мой привет…»

В три часа я должен встретиться с бывшим сотрудником ЦРУ Норманом Гербертом. Он в отставке, занимается тем же бизнесом, что и я, в Москву прибыл по делам, узнал мой телефон от знакомого и позвонил с просьбой о встрече Имя Герберт что-то очень смутно напоминает. Кажется, я слышал его давным-давно.

Времени в обрез, еду от дома на черной, арендованной фирмой «Волге». Вроде бы все, как раньше, — черная машина, вежливый водитель, ондатровая шапка на голове бывшего начальника разведки, а в глубине души ощущение пустоты и эфемерности этих житейских мелочей.

Меня ждут Герберт и его компаньон Майндер, они ухитрились прийти на десять минут раньше времени.

Конечно же, память не подвела. Герберт работал в Индии в мое время, мы знали, что он сотрудник ЦРУ. Американец напоминает, что стараниями нашей резидентуры он был расписан в индийских газетах как американский супершпион, что, думает он, было совсем не по заслугам. Улыбка у него мягкая и добрая, тон слегка ностальгический. Возможно, это профессиональное: разведчик должен уметь моментально менять окраску, приспосабливаться к обстановке. Скорее же всего, такой он и есть в действительности — добрый и мягкий человек, занимавшийся жестоким делом. Мало ли нас таких?

Говорить с Гербертом и Майндером легко. Они заинтересованы во взаимодействии, это совпадает и с нашими желаниями. Целый год мы сторонились иностранных клиентов и партнеров. Причины очевидны: власть относится к нам с подозрением, для иностранных разведок наша компания должна быть привлекательной. Не будем дразнить гусей и давать повод разрабатывать нас «по окраске шпионаж». Время прошло, мы не поддались искушению валютных заработков, накопили опыт и можем спокойно в русле государственной политики идти на сотрудничество с Западом.

Мог ли кто-нибудь представить все это еще полтора года назад? Во всяком случае, не я. Мог ли представить тогда Крючков (я часто вспоминаю его по разным поводам), что окажется в «Матросской тишине»? Мог ли представить Горбачев, что его — президента, лауреата Нобелевской премии, «лучшего немца» — оштрафует на сто рублей суд, и какой суд — Конституционный! Многое другое нельзя было себе представить, так что надо окончательно увериться в непредсказуемости и прихотливости человеческой судьбы. «…Нас всех подстерегает случай».

Впрочем, случайностью кажется лишь не понятая нами необходимость.

Пьем с американцами чай, договариваемся о поддержании контакта на будущее. У собеседников приятные, спокойные манеры, но что-то их едва приметно беспокоит. Неужели чай? Приезжающим в Москву иностранцам их соотечественники внушают, что московская вода загрязнена, что все продукты недоброкачественные, и для душевного спокойствия лучше избегать любого русского угощения. Мне вспоминается знакомый советский дипломат, работавший в Пакистане. Если ему не удавалось избежать чашки чая, предложенной радушными (и, надо сказать, весьма чистоплотными) пакистанцами, он тут же глотал украдкой таблетку синтомицина. Легонько кусает душу обида: дожили! Вернулись в первобытное экзотическое состояние; иностранные купцы, запасшись собственным провиантом и водой, приезжают торговать с туземцами яркими тряпками, электронными игрушками, бусами и зеркалами. Туземцы же ничего не могут им предложить, кроме нефти, цветных металлов, леса, угля и прочего сырья.

Герберт и Майндер раскланиваются, перепрыгивая через лужи, направляются к машине. К нашим тротуарам их обувь не приспособлена — еще две пары промоченных ног. В западных дипломатических и разведывательных службах работа в Москве официально считается назначением повышенной трудности — «хард-шип поуст».

Делать в это время на работе мне нечего. Здесь бумажный поток не захлестывает и не мучат телефонные звонки. Секретарь печатает контракт, который будет подписываться завтра; два человека из технической группы составляют смету на установку сигнализации в банке, руководитель отдела охраны готовит план встречи с телевизионщиками — они будут снимать завтра сюжет о нашей фирме.

Слякотные сумерки, мощный гул автомобилей с Ленинградского проспекта, желтый свет фонарей. Дождь прекратился, спешить некуда, и надо идти пешком. Движение — это жизнь, нельзя давать себе поблажки, надо двигаться. «Цель — ничто, движение — все». Дорога в никуда…

Ухожу от шума в переулки, где нет машин, где спешат редкие прохожие и уютно светят в промозглый полумрак окна домов. В Исламабаде в эти дни начинает спадать жара, бальзамом льется воздух с гор, цветут великолепные розы и пахнут горькой полынью пригородные поля. А в Кабуле, если не было обстрела, в это время начинала петь флейта. «И вот в непроглядном тумане возник позабытый напев. И стала мне молодость сниться…»

В Москве нельзя грезить на ходу — холодные и грязные брызги из-под колес промчавшейся по луже машины выводят меня из задумчивости.

Дневные дела закончены, других на сегодня не предвидится, а до вечера еще очень далеко. Не появляется никто из журналистов. Одно время они меня изрядно мучили. Пресса и публика избалованы покаяниями, разоблачениями, сенсациями, ворованными документами. Они требуют: «Еще, еще!», надо, чтобы материалы остро пахли, чтобы предавались старые друзья и союзники. Ведь в России все продается и покупается. Западных газетчиков бывший начальник разведки явно разочаровывает: говорит охотно и много, но не выкладывает никаких сокровенных зловещих тайн. В начале года я было сунулся с помощью друзей к западным издательствам со своей автобиографической книгой. Она писалась в период тяжкого расстройства, удерживала, возможно, от инфаркта или от попытки запоя и, казалось мне, получилась если не вполне умелой, то, по меньшей мере, искренней и поучительной. Издательства откликнулись быстро: «Автор выступает в роли адвоката КГБ, а это не то, чего ожидает современный читатель». Совершенно справедливо, только вместо КГБ надо поставить «советская разведка». Один отзыв задел меня словами «дубовый язык». Мне хочется думать, что французский рецензент не рассчитывал на то, что автор лично прочитает его краткое заключение. Я специально заглянул в словарь, ошибки не было: «ланг де буа» — деревянный, то есть, по-русски говоря, дубовый язык. Русский издатель погряз в финансовых и технических трудностях, книга превращается в мираж.

Российские журналисты относятся к бывшему разведчику, а ныне частному предпринимателю без собственного капитала сочувственно и с уважением. Общаясь с этими очень молодыми людьми — умными, острыми, честными, я иногда растроганно думаю: нет, далеко не все потеряно, у нас может быть будущее.

Но сегодня газетчиков в гостях нет. Упереться глазами в телевизионный экран, пить чай, курить и смотреть всю эту пеструю чепуху? Увольте! Год назад я сказал одной телевизионной команде, что они кормят публику духовной пищей не только пережеванной, но и переваренной. Ничуть не смутившись, они оставили эти слова в передаче. Разумеется, никто из зрителей не обратил внимания на их ехидный, как мне казалось, смысл.

Медленно тянется время для человека, который привык размечать день по минутам. Официально подтверждено, с подписями и печатями, что за 30 лет я прослужил 38, то есть в каждые сутки вмещалось по меньшей мере 4–5 часов сверх

положенных 24. И еще казалось этому человеку рань-ще, что он постоянно кому-то нужен, что без него не будут сделаны какие-то важные дела, что он приносит пользу Отечеству. Суета сует и томление духа…

Книги прибывают, накапливаются стопкой на письменном столе, прежде чем найдут постоянное место на полках.

Книг много: без устали пишет Горбачев, написал мемуары Н. И. Рыжков, что-то издал А. Н. Яковлев, давно лежит «Исповедь» Б. Н. Ельцина. Если вспомнить, что где-то пылятся произведения Л. И. Брежнева и мемуары Н. С. Хрущева, то приходишь к удивительному выводу: нашей страной на протяжении десятилетий правили и продолжают править писатели. Почти платоновская республика философов. Поменьше надо было писать, побольше о делах думать. Все же мы если не самая читающая, то самая пишущая нация в мире. Генеральный прокурор Степанков успел написать и издать в Германии (уж не по-немецки ли он писал? Наш народ чертовски талантлив) книгу о еще не завершенном следствии по делу ГКЧП. Москва ждет ее с нетерпением — такого раньше в истории цивилизованных стран не отмечалось. Мой бывший начальник, видный деятель коммунистической партии и Советского государства Вадим Викторович Бакатин тоже написал «Избавление от КГБ». Четыре месяца поработал в КГБ, все познал, использовал конфиденциальные материалы и написал. До этого он все же успел отдать американцам совершенно секретные документы о технике подслушивания в посольстве США. Власть избавилась от «энтузиаста нового мышления». Летом, уже будучи на пенсии, Бакатин сопровождал Калугина в частной поездке в США. Раньше туда ездили, чтобы вдохнуть воздух свободы. Теперь мы сами свободны, так что ездим, видимо, за чем-то другим.

Суета сует и томление духа…

Читать надо то, что писано людьми думающими: Библию, «Войну и мир», С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, те мемуары, где само время отделило зерна истины от плевел мемуарного лицемерия, — Деникина, Шульгина, Палеолога, Бьюкенена, Бунина, Гиппиус, Сухомлинова, Коковцова — имя же им легион. Читать надо материалы Следственной комиссии Временного правительства, секретарем которой работал Блок, протоколы допроса Колчака, стенографические отчеты политических процессов сталинского периода.

Это бесконечное занятие и продолжим. Занятно и печально находить вечные константы русской жизни, видеть почти буквальную повторяемость событий, вслушиваться в скрип колеса истории и находить неожиданное утешение в давних писаниях.

«Де профундус» С. Л. Франка, середина 1918 года:

«Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты… не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой привела нас судьба… Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни… И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно в диком, слепом восторге самоуничтожения привит и всосан народным организмом». Все, полная гибель, зияющая черная пропасть.

А если бы в том же 18-м году кто-то предсказал, что через двадцать с небольшим лет этот покончивший самоубийством народ вдребезги сокрушит германский «тысячелетний рейх»? Поверил бы ему хоть один человек? Разуму человеческому не дано проникать в будущее и даже осознавать настоящее.

Не очень прочное основание для оптимизма, надо признать, но все же лучше, чем беспросветный апокалипсический мрак.

…День тянется, и нет ему конца. Откупорить шампанского бутылку? Это фигура речи — шампанского нет, но водка найдется. Заманчиво, но безысходно. К тому же дня три-четыре неотступно давит какая-то жесткая лапа на сердце. Не очень больно — сожмет, подержит и отпустит. Хорошему человеку незачем долго жить», — подбадриваю себя когда-то придуманной фразой. И все же немного неприятно. Как, в случае чего, мир обойдется без меня?

Мир великолепно обойдется без тебя и тебе подобных, ехидно шепчет внутренний голос, ибо такие, как ты, появляются на свет не реже одного в минуту. Вас всегда будет в достатке, вы будете каяться за чужие грехи, и вами будут расплачиваться за чужие ошибки до скончания века.

Так приятно все свалить на чужие грехи и чужие ошибки, чувствовать себя незаслуженно обиженным… Это одно из самых больших утешений трудной человеческой жизни. Не надо, однако, из этого делать профессию, эта нива пахана и перепахана. Не лучше ли припомнить, что и у самого рыло в пуху: поддерживал любую власть, аплодировал любому лидеру, сломя голову выполнял любое указание верхов, да еще при всем при том пытался не только изображать, но и испытывать благородные чувства. Кто придумал издевательскую фразу: «Для того чтобы в

нашей системе сделать карьеру, недостаточно прикидываться дураком — им надо быть»? Ты и был дураком, был им сознательно, поэтому и сделал карьеру…

Я ненавижу своего внутреннего оппонента, этого иезуитского Санчо Пансу, который так нахально претендует на то, что видит меня насквозь. Не то что чужая, но и своя собственная душа — потемки.

Нет, нет и тысячу раз нет! Все было не так! Я чувствовал себя полноправным гражданином великого государства, которое всегда, на протяжении всей моей сознательной жизни, в дни удач и дни поражений стояло за моей спиной. Не было в мире силы, страны, народа, которые могли бы не считаться с моим государством. К нему взывали о помощи, опирались на его авторитет, его ненавидели, с ним боролись — это государство было важнейшим фактором мировой политики, и мне выпала редкая честь представлять и защищать его интересы на самых дальних рубежах. С годами утрачивала всякую привлекательность официальная тяжеловесная фразеология, вызывали ядовитую усмешку попытки подбирать философские и идеологические обоснования под каждый тактический зигзаг политиков, но тем яснее и отчетливее становилась видна суть великого дела служения Отечеству, дела вечного, начавшегося за многие столетия до нашего появления на свет. Оно будет продолжено и тогда, когда нас не станет. Сознание того, что я был и остаюсь частичкой этого великого и вечного дела, согревает душу.

Нельзя поддаваться унылым чарам серого, слепого октябрьского дня, равнодушному свету низкого беззвездного неба, убогости размокшего городского пейзажа. Ядовитый дым мелочных политических баталий, дурман, сочащийся с телевизионного экрана, лживые речи и пустые обещания не должны ни обескураживать, ни затуманивать видения прошлого, ни лишать нас надежды на доброе, достойное русского народа будущее.

Но что же остается у потомка марьинорощинских сапожников, бывшего младшего лейтенанта и оперуполномоченного, вознесенного волею судьбы в начальники советской разведки и той же волею сброшенного на последнюю прямую?

Остается причастность к великому делу, не имеющему ни начала, ни конца, к вечному делу служения Отечеству. Ничто из того, что удалось сделать, не пропало даром. Где-то в фундаменте величественного здания будущей России будет лежать и моя, ничтожно малая, частичка, одна из несметного множества таких же безымянных частиц.

Остается боль за свою родную землю и свой народ, остается неистребимая, питаемая историей и инстинктом вера в то, что они выживут и вырвутся наконец в достойное их будущее.

Остается любовь к своим близким и друзьям, которым я мог уделять так мало внимания. Остаются родные, дети, внуки. Нас много, мы — русские; мы должны жить, не бояться напастей, уповать на лучшее и работать во имя этого лучшего.

Москва,
октябрь — декабрь 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

руководителя советской внешней разведки, воссозданы события с октября 1990 г. до октября 1992 г. Июнь 91-го года памятен тем, что прошли выборы президента России, август — путчем и крушением старого КГБ, в сентябре же закончилась служба автора в Комитете госбезопасности, которая много лет была смыслом и содержанием его жизни.

notes

Примечания

1

Здесь географические названия и имена изменены.

2

Крючков, здороваясь, и ночью говорил «Добрый день[2]»

3

С тех пор цены, разумеется, возросли